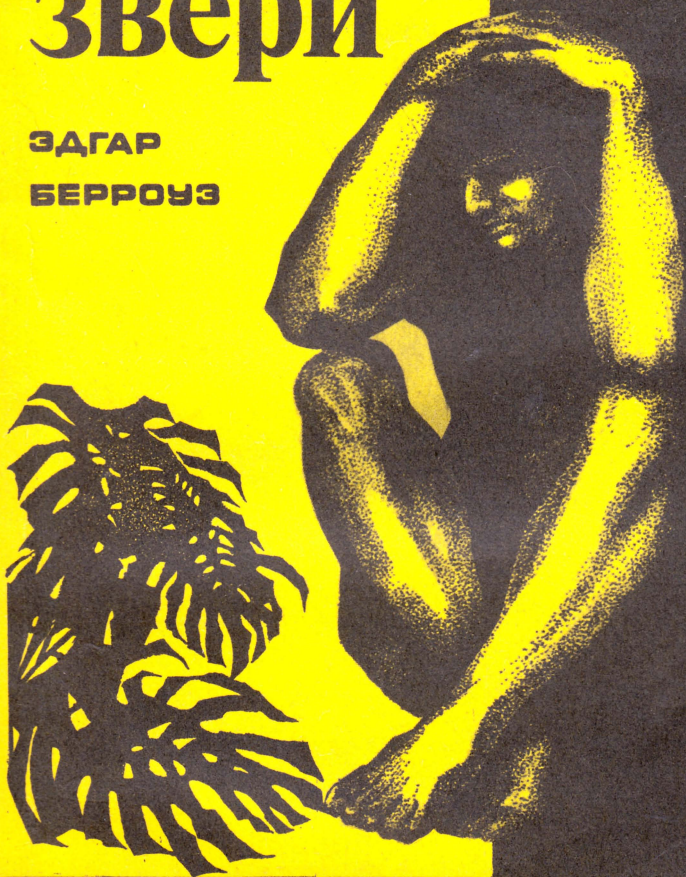


Тарзан и его ЗВЕРИ

ЭДГАР
БЕРРОУЭ



уральский 1991 9
СЛЕДОПЫТ

**Главный редактор
С. Ф. МЕШАВКИН**

Редактор Г. В. ИВАНОВ

Художник Е. Ю. КРУТСКИХ

Эдгар Берроуз

ТАРЗАН И ЕГО ЗВЕРИ



Свердловск
1991

уральский
СЛЕДОПЫТ

I

Ловушка

— Все это дело покрыто какой-то тайной,— сказал д'Арно.— Я знаю из достоверных источников, что ни полиция, ни агенты генерального штаба не имеют ни малейшего представления о том, как ему удалось это сделать. Они знают только одно — то же самое, что и мы: Николай Роков бежал...

Джон Клейтон, лорд Грэйсток — тот, который был прежде известен под именем «Тарзана из обезьяньего племени», сидел молча в гостях у своего друга, лейтенанта Поля д'Арно, в Париже и созерцал носок своего безукоризненно вычищенного ботинка.

Лорд был погружен в размышления: Николай Роков, его злейший враг, был приговорен к пожизненному заключению на основании свидетельских показаний Тарзана-обезьяны. И вот, оказывается, он бежал из французской военной тюрьмы.

Тарзан вспомнил о бесчисленных покушениях Рокова на его жизнь. Ну, теперь Роков покажет себя! Теперь он ни перед чем не остановится, лишь бы отомстить Тарзану за свое заточение.

Тарзан недавно привез жену и маленького сына в Лондон, так как в Африке, где они до этого жили, начинался дождливый период, чрезвычайно вредный для здоровья.

После этого он поспешил в Париж — навестить своего старого друга д'Арно. Известие о побеге Рокова отравило радость встречи, и он уже подумывал о немедленном возвращении в Лондон.

— Я не за себя боюсь, Поль!— сказал он после долгого молчания.— Из всех столкновений с Роковым я всегда выходил победителем. Теперь мне прихо-

дится думать о других. Я знаю этого человека; я уверен, что он захочет нанести удар не мне лично, а моей жене или маленькому Джеку. Он прекрасно знает, что для меня этот удар будет больнее всего. Нет, Поль, я должен немедленно вернуться в Лондон.

В то время, когда в Париже происходил этот разговор, два субъекта подозрительного вида беседовали в невзрачном домишке на глухой окраине Лондона. Их мрачные, жестокие лица обличали в них иностранцев. Один из них смуглый, бородатый мужчина; у другого бледное, изможденное лицо, какое бывает после долгого заключения в тюрьме. Говорил последний:

— Ты должен тоже непременно, как я, остричь бороду, Алексей, иначе он тебя сразу узнает. Мы расстанемся здесь, а когда встретимся на палубе «Кинкэда», надо надеяться, с нами будут еще два почетных гостя. Они, конечно, и не подозревают о том приятном путешествии, которое мы для них придумали.

Через два часа я буду с одним из них в Дувре, а завтра вечером, если ты будешь следовать моим указаниям, ты приведешь с собой второго, при условии, конечно, если он вернется в Лондон так скоро, как я предполагаю. Я уверен, что наши усилия увенчаются успехом и мы из этого извлечем большую выгоду. Благодаря глупости французских властей, скрывших на несколько дней факт моего побега, я имел возможность разработать каждую деталь нашего плана так тщательно, что ничто не может помешать его выполнению. Ну, а теперь до свидания, Алексей, желаю успеха.

Три часа спустя почтальон поднимался по лестнице, ведущей в квартиру Поля д'Арно.

— Телеграмма для лорда Грэйстока, — сказал он лакею, вышедшему на звонок. — Он здесь?

Лакей ответил утвердительно и, расписавшись в получении телеграммы, отнес ее Тарзану, который был занят приготовлением к отъезду в Лондон.

Тарзан вскрыл телеграмму. Лицо мгновенно покрылось смертельной бледностью.

— Прочтите, Поль! — сказал он, протягивая телеграмму д'Арно. — Уже началось!

Д'Арно прочел следующее:

«Джек украден при участии нового лакея. Возвращайся немедленно.

Джен».

...Когда Тарзан взбежал на ступеньки своего Лондонского дома, он был встречен в дверях женой. Джен Клейтон мужественно переносила несчастье: ни одна слеза не показалась на ее глазах, и только маленькие руки сжимались от негодования.

Она торопливо рассказала все, что знала о похищении мальчика.

Няня вывезла ребенка в коляске на утреннюю прогулку и катала его перед домом, по солнечной стороне. Закрытый таксомотор подъехал к углу дома. Няня не обратила на это особого внимания; она заметила только, что из автомобиля никто не вышел и что мотор продолжал работать, как будто шофер поджидал седека из дома, перед которым остановился.

Почти немедленно вслед за этим новый лакей Грэйстоков, Карл, выбежал к няне, крича, что барыня требует ее немедленно к себе и что маленького Джека она может оставить на его попечение. Это не возбудило в няне никакого подозрения; она направилась к дому и уже дошла до крыльца, как ей пришлось в голову предупредить лакея, чтобы он не поворачивал коляски, иначе солнце будет бить ребенку в глаза. Она обернулась, чтобы крикнуть ему об этом, и с изумлением увидела, что Карл быстро катит коляску к углу дома. В ту же минуту открылась дверца таксомотора и в ней на мгновение мелькнуло чье-то смуглое лицо. Почувствовав, что Джеку угрожает опасность, няня с криком бросилась к автомобилю, но Карл успел вскочить в него с ребенком и захлопнуть за собой дверцу. Шофер двинул рычаг, чтобы дать ход. Мотор что-то забарахлил; шоферу пришлось дать машине задний ход. Благодаря этому замешательству няня успела добежать до автомобиля и вскочить на подножку.

С громкими криками о помощи няня всеми силами старалась выхватить ребенка из рук похитителей, но напрасно. Автомобиль помчался вперед, увозя с собой и ее. Вися на подножке, она цеплялась за дверцу и с отчаянием продолжала звать на помощь, все еще не теряя надежды спасти маленького Джека. Карл сильным ударом кулака сбросил ее на мостовую.

Вот все, что леди Грэйсток могла рассказать мужу. Она не понимала, кому понадобилось похитить ее маленького Джека, пока Тарзан не сообщил ей о том, что Роков бежал из тюрьмы.

В то время, как Тарзан с женой обсуждали, что им предпринять для спасения сына, раздался звонок телефона. Тарзан быстро подошел к аппарату.

— Лорд Грэйсток?— спросил мужской голос.

— Да.

— Вашего сына похитили,— говорил торопливо незнакомый голос,— и только я могу помочь вам вернуть его. Я хорошо осведомлен о планах похитителей, так как, должен признаться, сам принимал участие в деле. Я должен был получить свою долю награды, но вижу, что меня собираются оставить в дураках. Но я не дам себя провести, я покажу им свои когти! Послушайте, лорд, я хочу помочь вернуть вам вашего сына, но с условием, что вы не будете преследовать меня за соучастие в похищении. Идет?

— Если вы в самом деле укажете мне, где находится мой сын,— отвечал Тарзан,— вам нечего опасаться. Больше того, я вас щедро награжу, если при вашей помощи верну мальчика.

— Хорошо,— ответил голос,— я назначу вам место встречи, но имейте в виду, что вы должны прийти один. Достаточно того, что я доверяюсь вашему слову; доверять другим я не буду.

— Когда и где мы встретимся?— спросил нетерпеливо Тарзан.

Таинственный голос назвал харчевню в Дуврском порту, представлявшую излюбленное место моряков.

— Вы должны прийти туда около десяти часов вечера. Не стоит приходить раньше: ваш сын будет до тех пор в безопасности. Когда мы встретимся, я провожу тайком к тому месту, где он спрятан. Но предупреждаю еще раз: вы должны явиться один и не пытаться вмешивать полицию; я хорошо знаю вас в лицо и буду следить за каждым вашим шагом. Если кто-либо будет сопровождать вас или я замечу поблизости переодетых агентов полиции, ваша единственная надежда вернуть сына будет потеряна.

Не дожидаясь ответа, незнакомец повесил трубку.

Тарзан передал содержание разговора своей жене. Джен просила позволить ей сопровождать его, но тот наотрез отказался, боясь, что незнакомец, увидав лишнего человека, приведет свою угрозу в исполнение.

Нежно простившись с женой, Тарзан поспешил в Дувр. Джен осталась дома. Никто из них не знал и



не предчувствовал того, что им предстояло пережить, прежде чем они снова увидят друг друга...

* * *

Прошло минут десять после отъезда Тарзана. Джен-Клейтон не могла найти себе места: тревожно шагала она взад и вперед по мягким коврам кабинета. Ее материнское сердце разрывалось на части от волнения. Она старалась себя уверить, что все окончится благополучно, но ее угнетало какое-то тяжелое предчувствие...

Чем больше думала она обо всем случившемся, тем с большим ужасом убеждалась, что разговор по телефону был ловким маневром со стороны похитителей, — быть может, для того, чтобы подольше удержать родителей в бездеятельности, пока преступники успеют увезти мальчика из Англии. А может быть, это была ловушка, задуманная коварным Роковым для пленения Тарзана?

— Да, это несомненно так! — воскликнула она в ужасе. — Боже праведный, как мы были слепы! — Джен бросила взгляд на большие часы, стоявшие в углу кабинета.

Часы бесстрастно свидетельствовали, что поезд, на котором должен был уехать Тарзан, уже отошел. Но через час отправлялся другой, которым она могла добраться до Дувра. Вызвав прислугу и шофера, Джен отдала необходимые распоряжения. Десять минут спустя автомобиль уносил ее по шумным и людным улицам Лондона к вокзалу.

* * *

В три четверти десятого Тарзан подходил к грязной харчевне на Дуврской набережной. Когда он вошел в эту зловонную трущобу, какая-то фигура, закутанная в плащ, проскользнула мимо него к выходу.

— Следуйте за мной, лорд! — шепнул ему властно незнакомец. Тарзан молча повернулся и пошел за ним. Выйдя из харчевни, незнакомец повел Тарзана по мрачным, неосвещенным улицам по направлению к пристани, утопавшей во мгле среди высоко нагроможденных тюков, ящиков и бочек. Здесь он внезапно остановился.

— Где мой мальчик?— спросил Тарзан, не понимая, куда ведет его незнакомец.

— Вон там на пароходе. Его огни видны отсюда!— отвечал тот мрачно.

Тарзан напрасно силился различить в темноте черты своего спутника. Если бы лорд Грэйсток знал, что его проводником был не кто иной, как Алексей Павлович, он догадался бы сразу, что грозная опасность нависла над его жизнью.

— Вашего сына сейчас никто не стережет!— продолжал Павлович.— Похитители уверены, что они в безопасности. На борту «Кинкэда» нет никого, если не считать двух человек команды, которых я снабдил достаточным количеством джина, чтобы мы могли считать их неопасными на несколько часов. Мы можем без всякого риска пробраться на пароход, взять ребенка и вернуться с ним на берег.

Тарзан кивнул головой в знак согласия.

Спутник его направился к небольшой шлюпке, стоявшей у пристани. Они вошли в нее, и Павлович торопливыми взмахами весел направил лодку к пароходу. Казалось бы, густой черный дым, вырывающийся из трубы парохода, должен был навести Тарзана на подозрения, на мысль о ловушке, но он ничего не замечал... Он был весь поглощен мыслью об опасности, угрожавшей его маленькому Джеку.

С борта парохода свешивалась веревочная лестница, оба быстро взобрались по ней на палубу. Спутник Тарзана увлек его к люку.

— Мальчик здесь,— таинственно сказал он, оглядываясь по сторонам.— Знаете что? Лучше вам одному спуститься вниз, а то, пожалуй, он испугается, закричит и разбудит матросов. Тогда все пропало. Я же останусь здесь, постерегу на всякий случай.

Тарзан был так угнетен, что не обратил внимания на странную тишину, царившую на палубе «Кинкэда»: кругом не видно было ни души, несмотря на то, что пароход стоял под парами. По густым клубам дыма, с искрами вылетающими из трубы, можно было заключить, что пароход готов к отплытию. Но все это совершенно ускользнуло от внимания Тарзана...

Думая лишь о том, что через минуту он прижмет своего любимого сына к груди, Тарзан начал спускаться по крутой лестнице в трюм...

Но едва он очутился внизу, как тяжелая крышка люка предательски захлопнулась. И только тогда, в это роковое мгновение, лорд Грэйсток понял, что сделался жертвой злодейского умысла! Он не только не освободил сына, но и сам попал в западню своего заклятого врага. Но было уже поздно.

Тарзан бросился к крышке люка, стараясь приподнять ее своими могучими плечами, но все усилия были тщетны... Он зажег спичку и начал исследовать помещение. Маленькая каморка, куда он попал, была отделена перегородкой от главной части трюма; крышка над головой — единственный выход из этой тюрьмы. Стало очевидно, что помещение приготовлено специально для него. Если Джек и находился на борту этого парохода, то, во всяком случае, где-то в другом месте...

* * *

Все свое детство и юность, со дня рождения до двадцатилетнего возраста, Тарзан провел в диких африканских джунглях, не подозревая даже, что он человек, так как ему ни разу не пришлось встретить человеческого существа. Он получил воспитание среди человекообразных обезьян. От них он усвоил нравы и привычки. Жизнь в диких первобытных лесах, среди тысячи опасностей, развила в нем сверхчеловеческую силу и ловкость, за что прозвали его впоследствии «человеком-обезьяной».

В самый впечатлительный период жизни он научился переживать радости и печали один, не делаясь ни с кем — так же, как поступают свободные звери джунглей.

Поэтому и теперь он не выражал своего отчаяния ни слезами, ни безрассудным буйством, а терпеливо ждал дальнейших событий. В то же время он не оставался бездейственным, голова его непрерывно работала над изысканием способов выбраться из темницы. Он тщательно осмотрел помещение, ощупал толстые доски, из которых были сколочены стены, измерил расстояние от пола до крышки.

Внезапно до его слуха донеслись перебои вращающегося винта парохода; все задрожало от пущенной в ход машины. Пароход отчаливает. Куда его увозят и какая судьба ожидает?

Едва Тарзан задал себе этот вопрос, как услышал звук, покрывший собою грохот машины. От этого звука кровь застыла в жилах. С палубы ясно донесся пронзительный женский крик, крик отчаяния и ужаса...

II

Брошен на необитаемый остров!

Когда Тарзан и его спутник скрылись в вечерней мгле, в темном узком переулке появилась фигура стройной женщины. Лицо ее было покрыто густой вуалью. Она шла очень быстро, почти бежала. У входа в харчевню женщина на минуту остановилась, огляделась по сторонам, а затем решительно вошла в грязный притон.

Десятка два подвыпивших и подозрительных субъектов удивленно взглянули на нее — слишком необычно было видеть в этой забегаловке прилично одетую даму.

Торопливыми шагами дама подошла к стоявшей за прилавком буфетчице, которая оглядела странную гостью с ног до головы — не то с завистью, не то с неприязнью.

— Скажите, пожалуйста, не заходил ли сюда высокий господин? — спросила дама. — Он должен был встретиться здесь с одним человеком.

Буфетчица ответила утвердительно, но не могла указать направления, по которому ушли эти двое. Один из матросов, стоявших неподалеку, вмешался в разговор: он вспомнил, что у входа в харчевню только что столкнулся с двумя мужчинами, направлявшимися к гавани.

— Проведите меня туда, я хорошо заплачу, — воскликнула женщина, сунув моряку в руку золотую монету.

Тот не заставил себя долго упрашивать и, выйдя из харчевни, повел женщину в гавань.

Добравшись до набережной, они увидели на некотором расстоянии от берега небольшую шлюпку, которая быстро удалялась по направлению к ближайшему пароходу.

— Вот они! — воскликнул матрос.

— Десять фунтов стерлингов, если вы сейчас же найдете лодку и доставите меня на пароход! — ска-

зала женщина, вглядываясь в две мужские фигуры на шлюпке.

— В таком случае надо поторопиться,— отвечал расторопный моряк.— Пароход уже три часа под парами и каждую минуту может отчалить.

Он поспешно направился к пристани. Женщина не отставала от него. У причала была привязана шлюпка, тихо колыхавшаяся на волнах. Сесть в нее и отчалить было делом одной минуты. Моряк взялся за весла, и они бесшумно поплыли к пароходу.

Через несколько минут моряк подтянул лодку к борту парохода и потребовал обещанной платы; женщина, не считая, сунула ему в руку пачку кредитных билетов, и беглый взгляд, брошенный матросом на деньги, убедил его, что труд щедро вознагражден. Он вежливо помог женщине взобраться по веревочной лестнице на палубу, а сам остался около парохода, надеясь, что щедрая дама пожелает вернуться на берег.

Но в этот момент раздался шум машины, пущенной в ход, и грохот цепей; на «Кинкэде» подымали якорь. Минуту спустя вода забурилась под ударами винта, и матрос увидел, что пароход медленно поворачивается к выходу из гавани.

Едва он взялся за весла, чтобы плыть к берегу, как с палубы парохода донесся отчаянный женский крик, затем неясный шум борьбы.

— Черт возьми!— проворчал матрос с негодованием.— Работу перебили! Не дали воспользоваться случаем!

...Взобравшись на пароход, Джен Клейтон нашла палубу совершенно пустой. С минуту она стояла озадаченная. Где искать сына и мужа? Джен заметила большую каюту, наполовину возвышавшуюся над палубой, и смело бросилась туда. Сердце ее тревожно билось, когда она спускалась по узкой крутой лестнице. Она очутилась в длинном узком коридоре, по обе стороны которого находились каюты, по-видимому, принадлежащие команде парохода. Она пробежала по всему коридору, останавливаясь у каждой двери и стараясь уловить какой-нибудь звук.

Зловещее молчание царило повсюду... У Джен стала кружиться голова, и ее испуганному воображению казалось, что биение ее сердца наполняет громовым грохотом все судно.

Она принялась осторожно приоткрывать одну дверь за другой; каюты были пусты. Мысли начинали путаться в голове бедной Джен. Где ей еще искать? Охваченная все возрастающей тревогой за сына и мужа, она даже не почувствовала, как начал подрагивать корпус судна от машины, пущенной в ход.

Еще одна каюта оставалась необследованной. Она приоткрыла дверь, навстречу ей выскочил смуглый мужчина. Грубо схватив за руку, он втощал ее в комнату. Перепуганная неожиданным насилием, Джен Клейтон закричала, в ту же минуту человек крепко зажал ей рот.

— Когда отойдем от берега, дорогая моя,— сказал он,— можете кричать, сколько вашей душе будет угодно, а пока...

Леди Грэйсток обернулась, чтобы взглянуть на мужчину, и с ужасом отпрянула; она узнала ненавистные черты человека, подлость которого ей не раз пришлось испытывать на себе.

— Николай Роков!— прошептала она, содрогаясь.

— Ваш покорный слуга и поклонник!— отвечал Роков, отвешивая низкий поклон.

— Мой сын? Где мой сын?— застонала она, не замечая его насмешливого тона.— Умоляю вас, отдайте мне сына, Роков, ведь в вас должна оставаться хоть капля жалости. Скажите, ради бога, где он? Если в вашей груди бьется сердце, не мучьте меня больше, отведите к моему ребенку.

— Вы должны беспрекословно повиноваться моим приказаниям, и тогда с ним ничего дурного не случится,— желчно проговорил Роков.— Вам не мешало бы помнить, сударыня, что вас никто не приглашал на судно, и, что бы ни случилось, извольте пенять на себя.

Он повернулся к ней спиной и быстро вышел из каюты, заперев за собою дверь на ключ.

После этого Джен не пришлось его видеть в течение нескольких дней.

Дело в том, что Роков был плохим мореплавателем и не выносил морской качки, и когда в первый же день поднялась большая волна, он свалился на койку в сильнейшем приступе морской болезни.

Единственным посетителем леди Грэйсток был грязный швед, повар с «Кинкэда», который приносил ей пищу. Звали его Свен Андерсен. Это был тощий

верзила, с длинными рыжими усами, с желтым, болезненным цветом лица, с черными ногтями на грязных заскорузлых пальцах. Один его вид отбивал всякий аппетит у несчастной женщины, когда ей приносили в каюту пищу.

Маленькие бесцветные глаза повара как-то странно бегали в узких щелках; во всей его наружности, в жестах, кошачьей походке сквозили скрытность и смутное коварство. Засаленная веревка служила ему поясом; на поясе висел отвратительно грязный передник, а за поясом торчала рукоятка длинного ножа, и это усиливало то отталкивающее впечатление, которое внушал сей субъект. Хотя нож являлся несомненной принадлежностью его профессии, Джен не могла, тем не менее, отделаться от мысли, что это оружие при малейшем поводе с ее стороны могло быть пущено в ход совсем не для кулинарных целей.

Повар обращался с леди Грэйсток с угрюмой молчаливостью; она же, напротив того, встречала его приветливой улыбкой и не забывала благодарить за принесенную пищу; хотя большею частью выплескивала содержимое котелка в иллюминатор каюты.

В первые дни своего заточения, — ужасные дни тревоги и одиночества, — два вопроса неотступно сверлили ей мозг: жив ли муж и где ее ребенок? Что-то подсказывало ей в глубине души, что сын находится тут же, на пароходе. Но сохранили ли злодеи жизнь Тарзана? Самые мрачные предчувствия терзали ее...

Леди Грэйсток знала, какую непримиримую, животную ненависть питал Роков к ее мужу и с каким вожделением он думал о мести. Яснее всего, что злодей заманил Тарзана на пароход только затем, чтобы навсегда покончить со своим врагом.

Тарзан в это время лежал в грязном трюме, не подозревая, что его жена находится так близко от него. Тот же долговязый швед, который навещал Джен, приносил ему пищу. Тарзан несколько раз пытался втянуть его в разговор, но все усилия оставались бесплодными. Бестолковый верзила на все вопросы отвечал, варварски коверкая английский язык, неизменной фразой: «Я тумай, ветер скоро туть сильно». Тарзану волей-неволей пришлось отказаться от дальнейших попыток завязать с ним беседу.

Так прошло несколько недель. Несчастливым плен-

никам они показались месяцами. В каком направлении шел пароход, куда их везли и что впереди ожидало? Вопросы оставались без ответа...

За все время плавания «Кинкэд» остановился только однажды, очевидно, затем, чтобы погрузить уголь; затем пароход продолжил путь, и несчастным, тоскующим заключенным казалось, что этому плаванию не будет конца.

Однажды к Джен Клейтон явился Роков. Это был первый его визит с тех пор, как он запер ее в маленькой каюте,— весь желтый, осунувшийся после долгой морской болезни.

Войдя в каюту, Роков запер за собою дверь и немедленно приступил к делу: без лишних околичностей он предложил леди Грэйсток выписать на его имя чек на довольно крупную сумму, заявив при этом, что она не откажет ему в такой пустяковой просьбе, взамен чего изъявил согласие гарантировать неприкосновенность и свободу.

Джен серьезно выслушала его.

— Я согласна, мосье Роков,— сказала она.— Я выплачу вам сумму вдвое больше этой, но при единственном условии: вы высадите меня с мужем и сыном в какой-нибудь цивилизованной стране.

— Вы мне дадите чек сейчас же!— сказал Роков угрожающим тоном.— Иначе ни вам, ни вашему мужу, ни ребенку больше не придется увидеть землю.

— Поступайте как вам угодно, я чека не подпишу!— твердо сказала леди Грэйсток.— Какая у меня гарантия, что вы, получив чек, не поступите с нами так, как вам заблагорассудится?

— Итак, вы отказываетесь исполнить мое требование?— желчно проговорил Роков, поворачиваясь к двери.— Ладно, пусть будет по-вашему; но помните, что жизнь вашего сына в моих руках, и если вы услышите его предсмертные стоны, знайте, что ваше упрямство и скупость — причина его смерти.

— Нет, нет, только не это!— воскликнула несчастная мать.— Вы не будете, вы не можете быть до такой степени жестоким!

— Не я жесток, а вы, сударыня!— возразил Роков спокойно.— Пустячной суммой денег вы можете спасти своему ребенку жизнь.

Разговор, как и следовало ожидать, окончился тем,

что Джен Клейтон выписала чек. Роков покинул каюту с торжествующей улыбкой.

На другой день после этого разговора Тарзан услышал над своей головой шаги, а затем скрип открываемой крышки.

Он взглянул вверх и увидел просунувшуюся в светлое отверстие люка гнусную физиономию Павловича.

— Ну, вылезайте!— скомандовал тот.— Имейте в виду, что при малейшей попытке напасть на меня или на кого другого вы будете пристрелены, как бешеная собака.

Человек-обезьяна, не говоря ни слова, по-звериному легко выпрыгнул на палубу. Он быстро оглянулся вокруг, щуря глаза от яркого дневного света. На почтительном расстоянии от него толпилось около десятка матросов, вооруженных винтовками и револьверами. Перед ним стоял Павлович.

Тарзан продолжал оглядываться, ища глазами Рокова, он не сомневался, что его враг должен быть на пароходе. Но, к его удивлению, Рокова не было видно.

— Лорд Грэйсток!— торжественно обратился к нему Павлович.— В течение последних двух лет вы изволили непрерывно совать нос в дела мистера Рокова, которые вас совершенно не касались. Вполне естественно поэтому, что моему другу пришлось принять меры для ограждения себя от вашего непрошеного вмешательства, и вам остается обвинять себя в тех несчастьях, которые обрушились на вашу семью. С другой стороны, вы не можете не понять, что такая экспедиция обошлась Рокову в немалую сумму денег, а так как вы являетесь единственным ее виновником, то он, естественно, ожидает от вас покрытия всех расходов. Я заявляю вам, лорд Грэйсток, что, только удовлетворив справедливые требования мистера Рокова, вы можете оградить свою жену и ребенка от весьма неприятных последствий, а также сохранить свою жизнь и даже получить свободу.

— Сколько?— деловым тоном спросил Тарзан и добавил.— А каковы гарантии? У меня очень мало оснований доверять таким подлецам, как вы и мистер Роков.

Павловича передернуло при этих словах.

— Вы не в таких условиях, чтобы позволить себе бросать людям оскорбления,— сказал он, повышая го-

лос.— Доверьтесь моему слову, либо даю вам полную гарантию, что мы сумеем быстро расправиться с вами, если не подпишете чека. Мне доставило бы большое удовольствие отдать приказание этим молодцам пристрелить вас. И если мы сохраняем вам жизнь, то только потому, что ваша смерть не входит в наши планы.

— Ответьте только на один вопрос,— сказал Тарзан угрюмо.— Находится ли мой сын на этом пароходе или нет?

— Его здесь нет!— ответил Павлович.— Ваш сын в полной безопасности, но в другом месте. Если требования будут выполнены, его не тронут. Заупрямитесь — прикончим и вас, и ребенка. Подпись на чеке — гарантия жизни для вашего сына.

— Хорошо, я соглашаюсь,— сказал Тарзан после минуты раздумья.

Он хорошо понимал, что негодяи не остановятся перед исполнением своей угрозы. Было ясно, что, согласившись на их требования, он, быть может, сохранит жизнь ребенку. Но в то же время Тарзан ни минуты не сомневался, что, как только подпишет чек, его ждет смерть.

Сознание его было ясно, мысли уверенны и спокойны. Он твердо решил умереть с достоинством и бороться до последней минуты. Он постарается задать им перед смертью такой урок, какого они никогда не забудут, и уже наметил первой жертвой стоявшего перед ним Павловича. Он сожалел лишь, что не было на палубе Рокова.

Тарзан медленно вынул из кармана чековую книжку и автоматическое перо.

— Сколько?— спросил он спокойно.

Павлович назвал цифру со многими нулями. Тарзан еле удержался от улыбки: алчность субъектов переходила всякие границы. Сумма была значительно больше той, что значилась на его текущем счету, и, конечно же, такой чек не будет оплачен банком. Он сделал вид, что колеблется, и начал торговаться, но Павлович неумолимо стоял на своем. Тарзан сделал вид, что уступает нажиму, и подписал чек на требуемую сумму.

Когда он повернулся, чтобы передать Павловичу бумажку, не имевшую ровно никакой цены, он взглянул за борт «Кинкэда» и к величайшему изумлению увидел, что пароход находился вблизи какого-то бе-

рега. Почти к самой воде подходили густые тропические джунгли, а позади виднелись гористые склоны, покрытые лесом.

Павлович заметил, с каким напряженным интересом вглядывался Тарзан в расстилавшуюся перед ним местность.

— Здесь вам придется высадиться!— сказал он.

Тарзан с недоверием посмотрел на Павловича. Он не мог себе представить, что враги оставляют ему жизнь. Но, с другой стороны, зачем им его обманывать? Его мускулы, напрягшиеся для последней борьбы, постепенно разжимались.

Павлович взял написанный чек.

— А теперь извольте скинуть одежду,— сказал он лорду Грэйстоку.— Она вам здесь не понадобится.

Тарзан медлил. Павлович молча кивнул в сторону вооруженных матросов, тогда Тарзан начал медленно раздеваться.

Вслед за тем была спущена на воду шлюпка, Тарзана под сильной охраной отвезли на берег. Полчаса спустя матросы вернулись на палубу, и пароход тотчас двинулся в путь.

Тарзан стоял на узкой полосе отмели, собираясь прочесть записку, переданную ему на берегу матросом. Вдруг до него донеслись крики с удалявшегося парохода, он невольно поднял голову и увидел на палубе человека, старавшегося обратить на себя его внимание.

То был Роков. С отвратительным хохотом он поднимал над головой ребенка...

У Тарзана помутилось в глазах; он инстинктивно бросился вперед, чтобы догнать пароход, но бессильно остановился у самой воды. Он стоял долго, не сводя глаз с «Кинкэда», пока очертания судна не скрылись за мысом.

Позади него на высоких ветвях деревьев пищали и ссорились мартышки; из глубины девственного леса доносился зловеющий вой пантеры. Но Джон Клейтон, лорд Грэйсток, погруженный в свое горе, ничего не слышал, ничего не замечал вокруг себя.

Из чащи джунглей за его спиной высунулась отвратительная косматая морда; злые, налитые кровью глаза наблюдали из-под нависших бровей за новым пришельцем.

Тарзан продолжал стоять в оцепенении.

— Единственное утешение,— горестно думал он,— что Джен в безопасности, в Лондоне. Какое счастье, что она не попала в лапы мерзавцев.

Косматое чудовище между тем бесшумно подкрадывалось к нему.

Тарзан медленно разворачивал бумажку.

Куда же подевалось развитое чутье дикого человека-обезьяны? Где было его тонкое обоняние? Где был его острый слух, которому мог некогда позавидовать любой из обитателей джунглей?

III

Гроза джунглей

Тарзан развернул записку. Вначале он механически воспринимал написанное: его разум и чувства были притуплены горем. Но по мере чтения сознание возвращалось, и вся гнусность плана мести встала перед глазами.

Текст записки гласил:

«Вы найдете здесь подробное изложение моих намерений относительно Вас и Вашего сына.

Вы родились обезьяной, и Вам, по-видимому, всегда нравилось бродить голым по джунглям; мы Вас и возвращаем к той жизни, для которой Вы созданы и которая Вам по вкусу. Что же касается Вашего наследника, то мы, считаясь со всемирным законом эволюции, полагаем, что он должен по культурности стоять несколько выше своего отца.

Отец был человекообразным животным; сын займет следующую ступень в развитии. Он не будет голым зверем, живущим на деревьях в чаще джунглей; он будет ходить по земле на задних конечностях, носить передник и бронзовые браслеты, а может быть, и кольцо, продетое в нос. Мы сделаем из него почти человека, отдав на воспитание племени людоедов... Нам думается, что, способствуя такой естественной эволюции, мы вполне угодим сиятельному лорду-обезьяне...

Я мог бы Вас убить, лорд Грэйсток, но считаю такое наказание слишком мягким для своего злейшего врага. Будучи мертвым, Вы не чувствовали бы никаких мучений, никакой тревоги за участь своего ребенка. Нет, я оставляю Вам жизнь вместе с приятным созна-

нием, что судьба Вашего сына в моих руках; я надеюсь, что это сознание так украсит Вашу одинокую жизнь, что смерть покажется приятнее всего на свете...

В этом мое мщение, лорд Грэйсток, за то, что Вы осмелились поднять руку против нижеподписавшегося
Н. Р.

В программу моей мести входят также и некоторые сюрпризы, ожидающие Вашу уважаемую супругу, но догадываться о них я предоставлю Вашему воображению».

Едва он закончил чтение записки, как легкий шорох за спиной заставил быстро обернуться. Перед ним стояла во весь рост громадная обезьяна-самец, готовая к схватке. Чувство самосохранения мгновенно пробудило в Тарзана все его прежние инстинкты, воспитанные джунглями.

Два года, протекшие с тех пор, как Тарзан покинул африканский берег, не ослабили в нем той необычайной физической силы, которая сделала его некогда непобедимым властелином джунглей. Напротив, ему часто приходилось упражнять и развивать свою силу и ловкость,— правда, в более мирной обстановке, в его обширных владениях в области Вазири.

Мышцы Тарзана мгновенно напряглись: он бесстрастно готовился встретить зверя, голый и безоружный, хотя рассудок подсказывал всю нелепость борьбы с косматым гигантом. Но другого выхода не было — нужно принимать неравный бой, пользуясь теми орудиями защиты, которыми наделила его природа, и постараться возможно дороже отдать свою жизнь.

Взглянув на опушку леса, Тарзан заметил за спиной обезьяны еще целую дюжину таких же страшных человекоподобных; это его, однако, нисколько не утрашило: он хорошо знал нравы антропоидов, никогда не нападавших стаями; их слабо развитые умственные способности, к счастью, не умеют оценить преимущества общего нападения на врага; иначе, благодаря своей необычайной силе и могучим клыкам, они давно бы сделались господствующими животными в джунглях.

С глухим гортанным рычанием зверь бросился на Тарзана, но человек не растерялся: за время своего пребывания среди цивилизованных людей он научился многим приемам борьбы, не знакомым обитателям джунглей.

В прежнее время он ответил бы на грубое нападение грубой силой; теперь же он сделал легкий шаг в сторону и, когда зверь со всего размаху пролетел мимо, Тарзан, с ловкостью лучшего боксера Англии, нанес ему сильный удар в область живота.

Обезьяна взвыла от ужасной боли и, скрючившись, упала наземь, но тотчас же готова была подняться. Однако человек предупредил ее: повернувшись быстрее молнии, он с диким криком бросился на антропоида. Его крепкие зубы яростно впились в горло зверя, чтобы перекусить сонную артерию. Мускулистыми руками Тарзан наносил страшные удары по голове обезьяны. Могучий самец потрясал воздух криками боли и ярости, и морда его покрылась кровавой пеной.

Племя обезьян, расположившееся вокруг, с видимым удовольствием следило за борьбой. Животные что-то бормотали и издавали глухие звуки одобрения, когда борющиеся вырывали друг у друга куски мяса и клочья шерсти. Вдруг они застыли от удивления: белая обезьяна вскочила их царю на спину и, продев свои могучие лапы под мышцы противника, с огромной силой нажала сплетенными кистями на шейные позвонки. Царь обезьян взвыл от боли и как сноп повалился в густую траву джунглей.

В годы своей дикой жизни, несколько лет тому назад, Тарзан во время борьбы с исполинской обезьяной, Теркозом, случайно применил этот прием борьбы цивилизованных людей — «двойной нельсон». Как и тогда, этот прием решил исход борьбы.

Небольшая кучка зрителей — свирепых антропоидов — услышала звук хрустнувших позвонков, страшный вой их вождя и его предсмертное хрипенье.

Маленькие быстрые глазки зрителей перебежали с неподвижного тела их предводителя на белую обезьяну, которая теперь поднялась во весь рост, поставила ногу на шею сраженного противника и, откинув голову назад, испустила дикий пронзительный вой — победный крик обезьяны-самца. Тогда только они сообразили, что царь их убит.

Мартышки на верхушках деревьев внезапно оборвали свою болтовню, замолкли звонкие голоса яркосвекающих птиц, и только издали доносилось глухое рычание льва.

Это был прежний Тарзан: он окинул испытующим

взором кучу обезьян, стоявших вокруг него, и потряс головой, чтобы откинуть густую копну волос, спадающую ему на лицо,— старая привычка, оставшаяся с того времени, когда черные волосы свешивались на плечи и часто спадали на глаза.

Человек-обезьяна знал, что теперь он может ежеминутно ожидать нападения со стороны сильнейшего самца племени, чувствующего себя способным занять место царя. В то же время ему был отлично известен закон обезьян, согласно которому кто угодно, хотя бы и совершенно чужой, мог взять на себя предводительство над племенем, если он победил вожака. Ему оставалось только пожелать, и он стал бы царем этого племени, как был им некогда, в годы ранней юности.

Но Тарзан знал по опыту, какие неприятные обязанности налагает положение предводителя и как оно стесняет свободу; он готов был поэтому отказаться от своих привилегий, полагая, что в этом случае вопрос о первенстве будет решаться единоборством сильнейших представителей племени.

Эти мысли промелькнули в голове Тарзана в течение одной минуты. Он не успел опомниться после своей победы над врагом, как к нему медленно приблизился крупный молодой самец. Сквозь его обнаженные боевые клыки раздавалось глухое ворчание.

Тарзан следил за каждым движением нового противника, стоя неподвижно, как истукан. Сделай он шаг назад или вперед, он только ускорил бы этим нападение.

Когда внимание обезьяны бывает привлечено каким-нибудь неизвестным ей животным, она обычно подходит совсем близко к предмету своего любопытства, грозно при этом ворчит и скалит клыки, покрытые пеной, а затем медленно обходит его кругом. Так поступила и эта обезьяна.

Самец с налитыми кровью глазами начал ходить вокруг Тарзана. Тарзан поворачивался также медленно, оставаясь лицом к лицу со зверем, не сводя глаз с противника.

Он заметил, что зверь ростом выше сажени и удивительно хорошо сложен, хотя ноги короткие, слегка согнутые. Длинные волосатые руки почти достигали земли, когда самец стоял, выпрямившись во весь рост, а боевые клыки необычайно длинны и остры.

Этот экземпляр был совершенно не похож на тех обезьян, среди которых вырос Тарзан.

Тарзан увидел, что имеет дело совершенно с другой породой. В нем проснулось любопытство: не сходно ли их наречие с языком племени Керчака. Он обратился к зверю на языке своего детства.

— Кто ты такой?— глухо спросил он.— Как ты смеешь угрожать Тарзану из обезьяньего племени?

Косматый противник посмотрел на него с удивлением и любопытством:

— Я — Акут!— ответ прозвучал на первобытном языке, совершенно схожем с родным наречием Тарзана.

Тарзан молчал.

— Я — Акут!— говорил самец с ворчанием:— Молак убит. Акут теперь — царь. Ступай прочь, или я убью тебя!

— Ты видел, как Тарзан убил Молака,— отвечал человек-обезьяна,— он мог бы так же легко убить и тебя, если бы захотел стать царем. Но Тарзану не нужна власть. Он хочет жить в мире в этой стране. Тарзан из обезьяньего племени может быть полезным для вас, а вы — полезным Тарзану.

— Ты не можешь убить Акута. Если бы ты не убил Молака, Акут сделал бы это сам. Акут будем царем!

Вместо ответа человек-обезьяна одним прыжком бросился на громадного зверя, ослабившего во время разговора свою бдительность. В мгновение ока он схватил кисть Акута и, не дав ему времени опомниться, вспрыгнул на его широкую спину.

Оба повалились на землю, но Тарзан хорошо рассчитал свое падение: прежде чем они коснулись земли, человек успел добиться такого же положения рук, какое сломало шею Молака.

Медленно и неумолимо усиливал он нажим на шею противника... Еще минута — и захрустят позвонки под его могучими руками. Но тут человек-обезьяна вспомнил, как некогда дал возможность Теркозу сдать ся; вот и на этот раз он решил предложить Акуту выбор между жизнью и смертью.

— Ка-года?— прошептал он на ухо зверю, бесильно бившемуся под ним. Это был тот же вопрос, который он задал некогда Теркозу, и на языке обезьян это означало: «Сдаешься?»

Акут вспомнил хрустящий звук, раздавшийся перед тем, как переломилась могучая шея Молака, и содрогнулся. Сильнейшему в племени все же не хотелось лишиться прав вождя; он сделал еще одну отчаянную попытку вырваться из цепких объятий противника, но новый сильный нажим на его позвоночник вырвал едва слышный ответ: «Ка-года».

Тарзан ослабил немного свою хватку, но все еще не выпускал противника из своих могучих рук.

— Ты станешь царем, Акут!— проговорил он.— Если кто-то будет оспаривать это право, Тарзан из обезьяньего племени поможет Акуту.

Тарзан выпустил самца, и тот медленно поднялся на ноги. Потряхивая огромной головой и сердито ворча, он пошел вперевалку к своему племени. Акут испытующе посмотрел на одного, потом на другого из самых крупных самцов, чтобы убедиться: не оспаривает ли кто-нибудь его первенство.

Самцы боязливо отошли в сторону, когда он приблизился — Акут был признан царем.

Через несколько минут племя двинулось в джунгли, оставив Тарзана в одиночестве на берегу моря.

Раны, нанесенные Молаком, причиняли лорду-обезьяне сильную боль, но он привык к физическим страданиям и переносил их с терпеливостью диких зверей джунглей.

Тарзан подумал о том, что прежде всего ему необходимо обзавестись оружием для защиты и нападения. Первая встреча с обезьянами и доносившийся дикий рев Нумы и пантеры Шиты были достаточным предупреждением, что ему предстояло не самое безмятежное существование.

Предстояло возвращение к прежней жизни, полной опасностей и кровавых столкновений, возвращение к жестокой борьбе за выживание: отныне опять либо он будет охотиться за кем-нибудь, либо кто-нибудь будет охотиться за ним. Он знал, что каждую минуту, днем и ночью, человек может оказаться лакомой приманкой для хищника и что рано или поздно попадет кому-нибудь на обед. Это почти неизбежно случится, если он не раздобудет оружие, которое можно противопоставить клыкам и когтям своих врагов. И Тарзан не медля ни минуты отправился на поиски.

На берегу моря ему удалось найти каменную глы-

бу вулканического происхождения. После долгих усилий он сумел отколоть продолговатый кусок длиной дюймов в двенадцать и в четверть дюйма толщиной, один край которого был слегка заострен. Для начала этот осколок мог заменить ему нож.

С этим примитивным оружием Тарзан отправился в джунгли на поиски особой, знакомой ему породы крепкого дерева. Он скоро нашел одно такое упавшее дерево, срезал с него небольшой прямой сучок и заострил палочку с одного конца с помощью только что сделанного ножа.

После этого он выдолбил в стволе лежавшего дерева небольшое чашеобразное углубление, в которое насыпал мелко крошенную сухую кору. Сев затем верхом на ствол, он, вставив заостренный конец палочки в углубление, принялся быстро вращать прут между ладонями.

Через несколько минут показался дымок, а затем и пламя. Собрав сухих веток и положив их на огонь, Тарзан развел большой костер, в пламя которого положил свой каменный нож, а сам отправился к морю, чтобы зачерпнуть немного воды.

Когда он вернулся, камень был накален докрасна. Тарзан вынул его и брызнул на него водой неподалеку от края. Несколько крупинок откололись от песчаной поверхности камня. Тарзан снова сунул камень в огонь и снова капнул на него водою. Он повторял эту кропотливую операцию множество раз, и в конце концов его примитивный охотничий нож стал довольно острым.

Тарзан испытал большое удовлетворение, когда ему удалось заострить каменный клинок на протяжении нескольких дюймов. Он тут же срезал длинный гибкий прут для лука, рукоятку для своего ножа, крепкую дубину и несколько стрел.

Все это имущество он спрятал в дупле высокого дерева, близ небольшого ручейка. На верхних ветвях устроил небольшую горизонтальную площадку для сна, а несколько выше — крышу из пальмовых листьев.

Занятый своей работой, Тарзан не заметил, что наступили сумерки и что он сильно проголодался.

Еще раньше он обратил внимание на протоптанную неподалеку от его нового жилища тропу, которая вела к ручью. По многочисленным следам видно было, что

ее проторили животные, спускаясь к водопою. К этому-то месту и направился, перебираясь с дерева на дерево, голодный Тарзан.

Он лазил по верхним ветвям деревьев с ловкостью обезьяны и, если бы его не угнетало тяжелое чувство при воспоминании о недавних событиях, он был бы вполне счастлив. Его грудь наполнилась диким ощущением свободы, его память невольно обращалась к радостным картинам детства.

К нему вновь возвращались инстинкты прежней жизни, которая в действительности была ему ближе, чем культурная жизнь с ее привычками, приобретенными им за последние два года общения с людьми. О, если бы его приятели — чопорные сэры палаты лордов — могли видеть, как он прыгает по деревьям!

Тарзан лег на нижнюю ветку высокого дерева, свешивавшуюся над тропой, и стал вглядываться в сторону джунглей, откуда должно появиться животное, обреченное ему на ужин.

Человеку не пришлось долго ждать. Едва он удобно устроился, поджав ноги под себя, как заметил грациозную лань Бару, медленно направлявшуюся к водопою.

Тонкое чутье сразу подсказала Тарзану, что Бара была не одна: какой-то хищник преследовал стройное животное, не подозревавшее об опасности. Тарзан не мог определить, кто именно подкрадывался к лани из глубины джунглей, но было ясно, что это крупный хищник, выслеживающий Бару с той же целью, что и он сам; вероятнее всего, лев Нума или пантера Шита.

Очевидно, какой-то звук или шорох предупредили лань об опасности; она на мгновение остановилась, а затем быстрыми прыжками понеслась прямо к ручью, чтобы, перебежав через него, спастись на противоположном берегу.

Из чащи джунглей на расстоянии сотни шагов от мчавшейся лани вдруг вынырнула темная фигура льва Нумы. Тарзан ясно видел своего соперника. Бара должна была пробежать под деревом, на котором сидел человек-обезьяна. Сможет ли он вырвать у льва его добычу? Но раньше, чем голодный человек ответил сам себе на этот вопрос, он спрыгнул с ветки на спину перепуганной лани.

Еще минута — и Нума мог получить сразу две



добычи, и если Тарзан хотел сегодня поужинать, он должен был действовать с быстротой молнии.

Тарзан схватил лань за рога и молниеносным движением скрутил ей шею так, что позвоночник хрустнул. Затем перебросил добычу через плечо и вскочил на ближайшую ветку.

Лев приближался гигантскими прыжками, рыча от ярости при виде ускользнувшей от него добычи. Тарзан схватился обеими руками за ветку повыше, и в ту минуту, когда Нума прыгнула кверху за ним, человек со своей добычей был вне досягаемости.

Ошеломленный этой неслыханной дерзостью, лев упал на землю, а Тарзан, устроившись поудобнее на безопасном месте, стал гримасами и криками дразнить разъяренного зверя. Лев яростно бил себя по бедрам своим жестким хвостом и втягивал ноздрями запах перехваченной у него добычи.

Своим новым ножом Тарзан отрезал сочный кусок от задней части лани, и в то время, как лев с рычаньем ходил под деревом взад и вперед, лорд Грэйсток с жадностью рвал зубами теплое мясо с дымящейся кровью. Ни одно изысканное блюдо в самом шикарном лондонском ресторане не казалось ему таким вкусным.

Кровь перепачкала ему лицо. От мяса шел острый запах, столь привлекательный для хищных зверей.

Насытившись вдоволь, Тарзан наткнул остатки мяса на острые сучья дерева, а затем отправился по верхним ветвям к своей площадке. Нума, горевший жаждой мести, продолжал следить за ним снизу.

Добравшись до площадки на верхушке дерева, Тарзан лег и заснул глубоким сном. Проснулся он лишь на следующее утро, когда солнце стояло уже высоко.

IV Шита

Все последующие дни Тарзан был занят совершенствованием своего оружия и исследованием джунглей. Он сделал тетиву для лука из сухожилий лани, которая послужила ему ужином в первый день пребывания на необитаемом острове. Он предпочел бы для тетивы жилу Шиты, но это приходилось отложить до более удобного случая.

Он свил также длинную веревку из сухой травы, наподобие той, которой много лет тому назад дразнил злого Тублата и которая впоследствии сделалась в ловких руках мальчика-обезьяны замечательным арканом. Он смастерил также ножны и рукоятку для своего охотничьего ножа и колчан для стрел, а из кожи Бару вырезал кушак и передник для бедер.

Затем Тарзан отправился на исследование незнакомой местности. Он сразу определил, что это не был родной ему западный берег Африки, так как в этой местности солнце вставало со стороны моря. Но это не мог быть и восточный берег Африки, так как он был убежден, что «Кинкэд» не проходил через Средиземное море, Суэцкий канал и Красное море, а для того, чтобы обогнуть мыс Доброй Надежды, потребовалось бы значительно больше времени. Человек-обезьяна терялся в догадках: куда его закинула судьба?

Ему было пришло в голову, что пароход пересек Атлантический океан и высадил его на диком берегу Южной Америки, но присутствие льва с несомненностью доказывало, что это не так.

Одинок бродя по джунглям вдоль побережья, Тарзан чувствовал сильное желание иметь около себя какое-нибудь живое существо и начинал жалеть, что не остался в стаде обезьян. Ему не пришлось их больше видеть после той первой встречи, когда он победил Молака. Теперь он почти совершенно обратился в прежнего Тарзана и, хотя сознавал, как мало общего между ним и большими антропоидами, все же предпочел бы их общество полному одиночеству.

Во время своих скитаний он питался попадавшими ему плодами и крупными насекомыми, которых находил в трухлявых, гниющих деревьях. Насекомые казались ему таким же лакомым блюдом, как и в счастливое время детства.

Когда он прошел милю или две, ноздри уловили отчетливый запах пантеры Шиты, доносившийся к нему поверху. Тарзан был рад предстоящей встрече. Он надеялся получить не только крепкую жилу для тетивы своего лука, но и красивую шкуру, чтобы смастерить новый колчан и передник.

Перед этим Тарзан шел спокойно и беззаботно, теперь он пригнулся к земле и стал красться ползком, чутко прислушиваясь к малейшему шороху. Легко и не-

слышно скользил человек-обезьяна сквозь чащу леса, выслеживая дикую кошку. Теперь он был, несмотря на человеческое происхождение, такой же дикий и свирепый зверь, как и тот, за которым охотился.

Приблизившись к Шите, Тарзан сразу заметил, что пантера, со своей стороны, тоже кого-то выслеживает, и в тот же момент порыв ветра донес запах больших обезьян.

Подкравшись совсем близко к обезьянам, пантера вспрыгнула на дерево; Тарзан подошел еще ближе и увидел племя Акута, расположившееся на небольшой лужайке. Иные обезьяны дремали, прислонившись к пням, другие бродили около поваленных деревьев, обдирая кожу и лакомясь вкусными гусеницами и жуками.

Сам Акут был всего в нескольких шагах от Шиты.

Большая кошка лежала, пригнувшись, на толстом суке, скрытая от глаз обезьяны густой листвой. Она терпеливо выжидала, когда антропоид приблизится к ней на расстояние прыжка.

Тарзан бесшумно занял позицию на том же дереве, немного выше пантеры. В левой руке он сжимал новый охотничий нож. Он предпочел бы применить аркан, но листва, окружавшая зверя, мешала пустить его в ход.

Акут тем временем подошел совсем близко к дереву, где его подстерегала смерть. Шита медленно подтянула под себя задние лапы и со страшным ревом бросилась на обезьяну. Но одним мгновением ранее другой хищный зверь прыгнул сверху, и его боевой клич смешался с ревом пантеры.

При этом ужасном звуке Акут поднял голову и увидел падающую прямо на него пантеру, а на ее спине белую обезьяну, ту самую, которая победила его несколько дней назад.

Зубы человека-обезьяна вонзились Шите в горло, его правая рука обвила могучую шею зверя, а левая наносила каменным ножом сильные удары в бок, под левое плечо.

Акут с быстротой молнии отскочил в сторону, чтобы не очутиться под боровшимися, и в ту же секунду они шумно упали на землю у его ног. Шита оглашала лес диким ревом и визгом, но белая обезьяна неутомимо добивала свою жертву.

Глубоко в тело пантеры вонзился безжалостный

каменный нож, и с воем смертельной боли большая кошка упала на бок; после нескольких судорожных подергиваний пантера недвижно поникла на траве.

Тогда человек-обезьяна вскочил на тело убитого врага и поднял голову; снова пронесся по джунглям дикий победный крик.

Акут и другие обезьяны стояли пораженные, глядя то на мертвое тело Шиты, то на гибкую фигуру человека, который победил в смертельном поединке.

Тарзан заговорил первый. Он спас жизнь Акута с определенной целью и, зная, как ограничены умственные способности у обезьян, счел нужным объяснить им свою мысль.

— Я — Тарзан из обезьяньего племени, — начал он, — я великий охотник, могучий борец. В бою с Акутом я подарил ему жизнь, хотя мог ее отнять и сделаться царем. Теперь я спас Акута от смерти, от когтей кровожадной Шиты. Тарзан — друг племени Акута; если Акут или кто-либо другой из его племени будет в опасности, пусть позовет Тарзана вот таким криком!

И Тарзан издал пронзительный звук, которым племя Керчака при приближении опасности созывало своих членов.

— И если вы услышите, что так же кричит где-либо Тарзан, — продолжил он, — вспомните, что он для вас сделал, и поспешите ему на помощь. Сделаете ли вы так, как говорит Тарзан?

— Хух! — ответил Акут. Остальные самцы его племени подтвердили обещание единодушным «хух!».

Затем, как будто ничего не случилось, они спокойно вернулись к своим ленивым занятиям на лужайке и к ним присоединился Джон Клейтон, лорд Грэйсток.

Он скоро заметил, что Акут все время старался держаться около него и какое-то новое странное выражение появлялось в маленьких глазках самца, когда он кидал взор на Тарзана. Один раз Акут сделал то, чего Тарзану не приходилось ни разу наблюдать за всю свою жизнь среди обезьян: Акут нашел особенно вкусное насекомое и передал его человеку.

Позднее, в часы, когда стадо охотилось, в гуще коричневых волосатых тел всегда выделялось светлым пятном гладкое и чистое тело Тарзана. Он шел с ними бок о бок и прикасался атласным телом к грубой щетине своих новых друзей; мало-помалу его присутствие

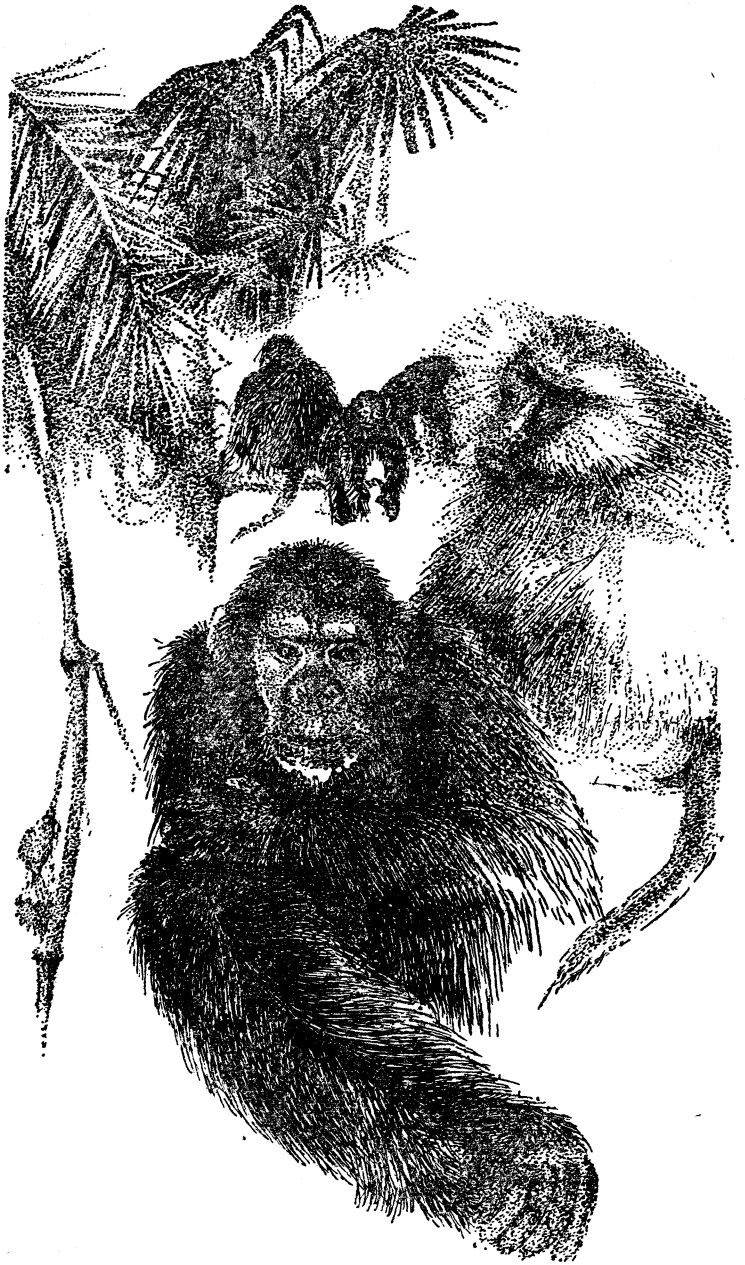
сделалось для них обычным, и антропоиды приняли Тарзана в свое племя как равного себе.

Если он случайно слишком близко подходил к самке, державшей детеныша, она оскаливала клыки и рычала на него. Рычал также, выражая неудовольствие, и молодой забияка-самец, в особенности если Тарзан приближался к нему, когда тот был занят едой. Но также они рычали в подобных случаях и на других обезьян, и Тарзана это нисколько не обижало. Он быстро отскакивал в сторону от самки-матери, встревоженной за своего малыша, и сам рычал на ретивых молодых обезьян, оскаливая зубы не хуже их. Тарзан чувствовал себя в полной безопасности среди этих могучих и свирепых предков первобытного человека.

Пять или шесть дней он бродил по джунглям с новыми друзьями, отчасти чтобы не чувствовать так остро своего одиночества, но главным образом для того, чтобы обезьяны окончательно свыклись с его обществом и хорошенько запомнили. Это требовало немало времени, так как у обезьяны память в большинстве случаев очень короткая.

Из опыта прежней жизни Тарзан хорошо знал, какую пользу сумеет ему принести племя могучих зверей в минуту опасности. Убедившись, что его образ достаточно запечатлелся в их памяти, человек-обезьяна решил на время отделиться от стада, чтобы продолжить исследования местности. Однажды рано утром он отправился в путь, держась недалеко от берега по направлению к северу. Целый день он подвигался вперед высоко над землю, перепрыгивая с дерева на дерево, и только с наступлением сумерек отыскал удобное дупло, где и устроился на ночь.

На следующее утро, когда взошло солнце, человек-обезьяна с удивлением увидел, что оно встает из-за моря не прямо перед ним, как это было во все предыдущие дни, а с правой стороны. Из этого он заключил, что береговая линия сильно свернула к западу. Весь следующий день Тарзан продолжал путешествие вдоль побережья и к вечеру заметил, что солнце закатилось как раз против берега. Результаты исследования были теперь для него ясны,— он находился не на африканском материке, а на острове. Он выяснил также и то, что на острове нет никаких признаков присутствия человека.



Обо всем этом он мог бы догадаться уже в первый день из записки Рокова; ведь в том и заключалось ужасная месть его жестокого врага, чтобы оставить Тарзана на всю жизнь на необитаемом острове...

Тарзан продолжал припоминать детали этого дьявольского плана мести: сам Роков, без сомнения, отправился к африканскому берегу, чтобы отдать маленького Джека на воспитание диким кровожадным людоедам...

Тарзан содрогнулся при мысли о тех ужасных мучениях, которые ожидали его нежного мальчика. Даже в самом лучшем случае, если бы он попал к дикарям, наделенным чувством человечности, и если бы они привязались к маленькому беспомощному существу, — даже и тогда его жизнь была бы далеко не сладкой. Тарзан достаточно хорошо знал жизнь африканских дикарей: это была сплошная цепь жестоких лишений и опасностей, постоянной угрозы смерти и бесконечных страданий. В этих суровых условиях борьбы за существование те из дикарей, которые отличались и человечностью, обладали чувством жалости при виде чужого горя, — именно они, как наименее приспособленные, терпели больше всего невзгод.

А какая ужасная судьба ожидает ребенка, когда он станет взрослым? Ведь те инстинкты и склонности, которые воспитает в нем племя каннибалов, навсегда вырвут у него возможность общения с культурными людьми.

Людоед! Его маленький сын превратится в людоеда! Эта страшная мысль стальным буравом сверлила мозг лорда Грэйстока.

Подпиленные зубы, изуродованный, сплюснутый нос, лицо, изрезанное безобразной татуировкой! Несчастный отец переходил от глубокого отчаяния к взрывам бессильной ярости. О, если бы он мог почувствовать шею Рокова в своих цепких пальцах!

А Джен? Как она должна терзаться, бедняжка, от неизвестности и тревоги. Тарзану казалось, что она была даже в худшем положении, чем он; ведь он может быть спокоен, зная, по крайней мере, что одно из любимых им существ находится в безопасности у себя дома, а она томится в полном одиночестве, не имея ни малейшего представления, где ее сын и муж.

Это было поистине счастьем для лорда Грэйстока, что он не знал ничего о судьбе своей жены. Знай это,

он впал бы в такую глубину безысходного отчаяния, что нравственные мучения парализовали бы его энергию и он недолго мог бороться за свое безотрадное существование.

Углубленный в мрачные мысли, Тарзан медленно продвигался по джунглям. Внезапно его ухо уловило странный звук, похожий на царапанье когтей о дерево. Что бы это могло быть?

Осторожно ступая, он двинулся в направлении звука и вскоре открыл его причину: огромная пантера великолепного золотистого цвета как-то странно билась у упавшего дерева. При приближении Тарзана кошка обернулась и, оскалив зубы, грозно заворчала. Тарзан увидел, что она не могла выбраться из-под дерева: большой сук придавил ей обе лапы.

Человек-обезьяна стоял перед беззащитным животным. Попавшая в капкан пантера была обречена на смерть от голода или безжалостных зубов другого хищника; Тарзан высунул стрелу из колчана и уже натянул свой лук, чтобы ускорить ее смерть, но внезапная мысль остановила его.

Это так легко — оборвать жизнь несчастного животного в расцвете сил и красоты... Но это холодная, бездушная жестокость к отважному хищнику, попавшему в беду.

У Тарзана возникло острое желание поступить так, как он поступил, если бы стоял перед человеком, а именно: вернуть пантере жизнь и свободу. Он обошел вокруг дерева на почтительном расстоянии от хищника, держа свой лук наготове. Позвоночник был, несомненно, цел, передние лапы крепко ущемлены, но, возможно, они не сломаны.

Тарзан положил стрелу обратно в колчан, перекинул лук через плечо и подошел ближе; он начал мурлыкать, как мурлыкают кошки, когда они чем-то довольны. Это было самое приветливое обращение, которое Тарзан мог произнести на языке Шиты.

Пантера тотчас же перестала ворчать и с каким-то странным выражением глубоких зеленых глаз посмотрела на человека-обезьяну, как бы прося помочь ей. Чтобы приподнять громадное дерево, нужно было подойти вплотную к пантере, сильно рискуя попасть в ее опасные объятия. Но Тарзану из племени обезьян чувство страха было незнакомо.

Без колебания подошел он к груде переплетенных сучьев, продолжая дружески мурлыкать. Шита повернула голову к Тарзану, продолжая смотреть в глаза умоляющим взором. Время от времени она, впрочем, оскаливала беззвучно свои страшные клыки, но скорее для предостережения, чем для угрозы.

Тарзан уперся плечом под ствол дерева; он касался ногой мягкой шелковистой шерсти пантеры, и ему было приятно это ласкающее прикосновение.

Медленно напрягал Тарзан свои могучие мышцы, и громадное дерево с переплетающимися ветвями постепенно приподнималось над землей. Почувствовав, что тяжесть, давившая на лапы, ослабеваает, пантера отползла в сторону. Тарзан опустил дерево на землю и, освободившись от сети ветвей, встал во весь рост, сжимая рукоятку ножа.

Человек и пантера стояли друг против друга, и каждый ожидал, что сделает сейчас другой.

Тарзан хорошо знал, что, освобождая хищника джунглей, он не на шутку рисковал жизнью,— его нисколько не удивило бы, если огромная кошка, получив свободу, бросилась бы на него. Ведь она, наверное, была голодна.

Но этого не случилось. Пантера остановилась в нескольких шагах от дерева и спокойно следила за движениями человека.

Тарзан, стоя неподвижно в трех шагах от Шиты, решил, что в случае опасности прыгнет на ветви ближайшего дерева. Это будет спасением, так как пантеры не умеют лазить на деревьях так высоко, как человек-обезьяна. Но какой-то дух удалства заставил его подойти ближе к пантере; Тарзан словно желал убедиться, способен ли зверь на проявление черной неблагодарности к своему спасителю.

Когда человек приблизился, Шита осторожно и молчаливо отошла в сторону. Тарзан не остановился, он прошел мимо пантеры, едва не коснувшись ее влажной морды, а затем, не оборачиваясь, зашагал дальше. Пантера с минуту смотрела ему вслед, как будто о чем-то раздумывая, а затем медленно поплелась за ним, как собака, идущая по следам своего хозяина.

Шагая по лесу, Тарзан слышал, что пантера ступает за ним, но не мог решить, с дружескими ли намерениями или враждебными. Он представлял себя, что

пантера не хочет упустить лакомого куска и выслеживает добычу, чтобы наброситься на нее, как только почувствует в себе силы. Но вскоре он убедился, что это предположение неверно.

Уже смеркалось. Тарзан почувствовал голод. Он спрятался в густых ветвях дерева, держа наготове аркан. Шиты он не видел, по-видимому, пантера спряталась в зарослях, когда человек остановился.

Тарзану не пришлось долго ждать; через полчаса петля затянулась на шее безжавшей под деревом лани. Он быстро принялся сдирать шкуру с помощью ножа, а затем, вспомнив о своем четвероногом спутнике, решил разделить с ним трапезу. Он принялся мурлыкать так же, как утром, когда хотел успокоить опасения зверя, но немного громче и внушительнее.

Он не раз слышал, что именно подобное мурлыканье издают пантеры, охотящиеся парами, когда одна из них поймает добычу и хочет подзвать свою подругу. В ответ на призыв Тарзана раздался треск в кустах и из зарослей показалось гибкое золотистое туловище. Заметив убитую лань, пантера на минуту остановилась, раздувая ноздри и втягивая аппетитный запах свежей крови; затем, издав пронзительный визг, побежала на зов человека, и оба, расположившись рядом на траве, принялись насыщаться свежим мясом.

Несколько дней бродила эта странная пара в джунглях. Когда одному из них удавалось поймать добычу, он подзывал другого, чтобы разделить ее с ним; охотясь таким образом, они доставали себе обильную пищу.

Однажды после удачной охоты новые друзья расположились под деревом и закусывали мясом вепря; острый запах крови привлек внимание льва Нумы. Неловко подкравшись, он внезапно выскочил из чащи переплетающихся лиан и с яростным ревом бросился вперед, чтобы, пользуясь правом царя зверей, отогнать своих слабых подданных от вкусной добычи. Увидев раздраженного льва, Шита прыгнула в кусты, а Тарзан проворно вскарабкался на дерево. Нума медленно принялся раздирать когтями добычу и проглатывать ее огромными кусками, а в это время человек-обезьяна устроился на ветке, свесившейся над пирующим львом, и спокойно разворачивал свой аркан.

Выбрав момент, он ловко накинул петлю на шею Нумы. Затем, затянув ее резким движением, поднял

барахтавшегося льва кверху так, что только задние лапы животного касались земли. В то же время он не переставал звать Шиту.

Быстро прикрутив веревку к крепкому суку, он спрыгнул на землю и набросился с ножом на пойманного льва с одной стороны, в то время как прибежавшая на зов пантера кинулась на него с другой.

Пантера рвала и терзала Нуму, а человек-обезьяна несколько раз всаживал ему в бок каменный нож, и раньше чем владыка зверей мог своими могучими клыками перегрызть веревку, тело его повисло беспомощно и неподвижно на суку.

И тогда победный клич человека-обезьяны слился с торжествующим ревом пантеры в один могучий крик, громовыми раскатами пронесшийся по джунглям.

Когда последнее эхо этого крика замерло в воздухе, к берегам необитаемого острова причаливали на длинной пироге два десятка чернокожих.

V

Мугамби

Исследовав береговую полосу острова и обойдя его вдоль и поперек во время своих многочисленных экскурсий в глубь девственного леса, Тарзан окончательно убедился в том, что является единственным человеческим существом на острове.

Нигде не нашел он ни малейшего признака хотя бы временного пребывания человека; впрочем, нельзя было с уверенностью сказать, что человеческая нога никогда здесь не ступала, так как Тарзан знал, как быстро роскошная тропическая растительность сглаживает всякие следы. В одном он был совершенно уверен — на острове никогда не существовало постоянных человеческих поселений.

На следующий день после столкновения с Нумой Тарзан, сопровождаемый по-прежнему Шитой, повстречался с племенем Акута. При виде пантеры обезьяны обратились в паническое бегство, и Тарзану стоило больших трудов успокоить и созвать их обратно.

Ему пришло в голову произвести опыт: примирить наследственных врагов. Уговорить антропоидов за-

ключить мир с Шитой оказалось, к его радости, делом нетрудным, несмотря на недостаток слов на обезьяньем языке. Но утвердить в мозгу злобной и ограниченной Шиты, что она должна охотиться вместе с обезьянами, а не на обезьян,— было задачей почти непосильной даже для человека-обезьяны.

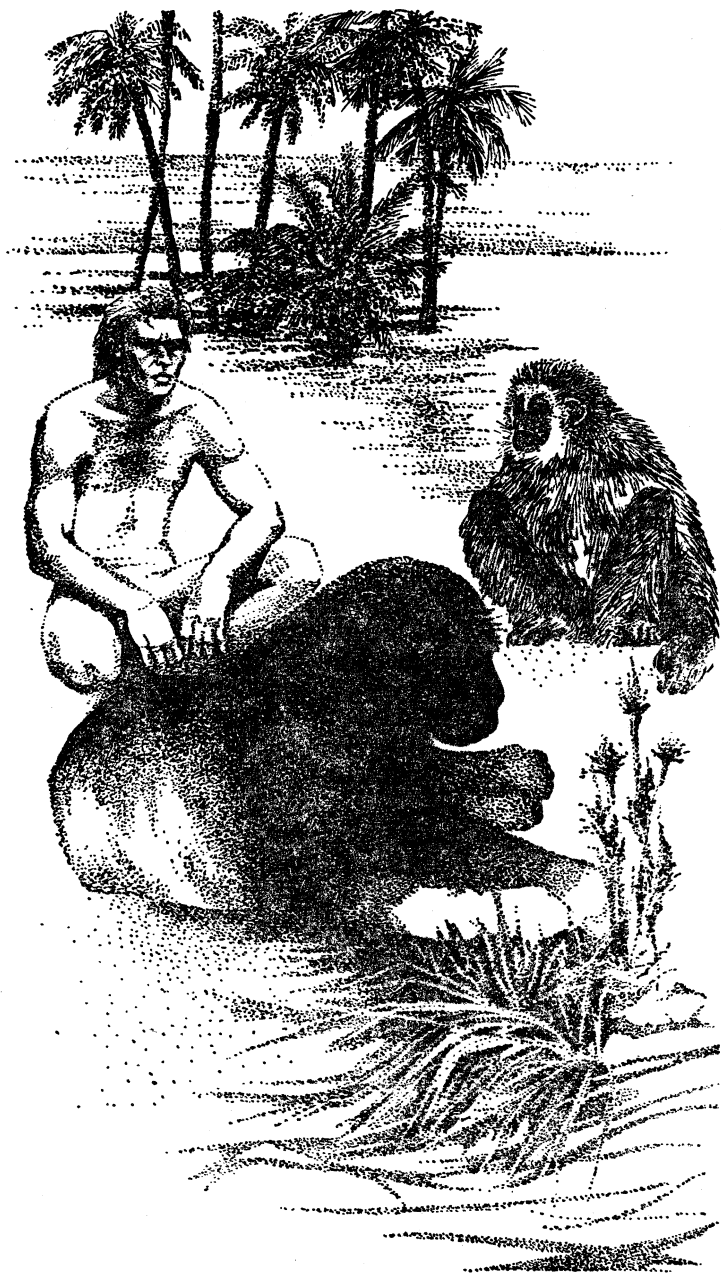
Среди прочего оружия у Тарзана была длинная толстая дубина. Обвив аркан вокруг шеи пантеры, он с помощью этой дубины старался вдолбить в сознание ворчливой громадной кошки, что она не должна нападать на громадных косматых обезьян. Обезьяны, видя аркан на шее у своего врага, расхрабрились, подошли поближе и с удивлением смотрели на невиданное зрелище.

Обезьянам показалось необъяснимым, почему пантера Шита не набрасывалась на белую обезьяну. Но все объяснялось просто: когда пантера огрызалась и рычала, Тарзан ударял ее по носу, внушая таким образом страх и уважение к дубинке.

Труднее было объяснить привязанность, которую пантера питала к человеку-обезьяне. Вероятно, что-то подсознательное в этом примитивном разуме, подкрепленное к тому же еще вновь возникшей привычкой, заставляло ее подчиняться своему спасителю. К этому, конечно, присоединилась сила человеческого духа, имеющего всегда такое сильное влияние на существа низшего порядка. В результате все это складывалось в могущественный фактор, который доставил Тарзану господство над Шитой.

Настойчиво продолжая свой эксперимент, Тарзан добился в конце концов того, что человек, пантера и обезьяны бродили бок о бок по диким джунглям, охотясь сообща за добычей и деля ее между собой; эта разношерстная компания представляла собой как бы первобытную коммуну. И кто бы мог узнать в главном члене этой свирепой коммуны светского джентльмена, который всего несколько месяцев назад был желанным гостем модных лондонских салонов?

Иногда члены коммуны отделялись на некоторое время друг от друга, чтобы следовать свойственным каждому из них желаниям. Так, однажды Тарзан отправился бродить по берегу моря и прилег на песке погреться на солнышке. Он уже задремал, убаюканный мелодичными звуками прибоя, как вдруг из-за



невысокой горки ближнего леса показалась чья-то черная голова.

Пара глаз с удивлением смотрела на гигантскую фигуру белого человека, раскинувшегося на песке в лучах жаркого тропического солнца. Затем туземец обернулся назад, делая знаки кому-то стоящему позади. Через минуту уже две пары глаз наблюдали за человеком-обезьяной, затем еще и еще... Наконец, на фоне неба вырисовалось около двадцати фигур, которые начали красться к спящему, пригнувшись к земле. Это были чернокожие огромного роста, тела ярко разрисованы, а лица изрезаны татуировкой, что придавало им чрезвычайно свирепый вид. Странные головные уборы, металлические украшения на руках и ногах, длинные копья дополнили воинственный вид негров.

Лица черных воинов были обращены к ветру, так что запах не доносился до Тарзана. Лежа к ним спиной, он не мог видеть, как они перебрались через гребень мыса и затем бесшумно поползли по густой траве к песчаному берегу.

Душевные муки, постоянно терзающие человека-обезьяну, ослабили его обычную бдительность; дикари были уже совсем близко от него, когда Тарзан инстинктивно почувствовал опасность и проснулся.

Увидев, что белый их заметил, негры разом поднялись во весь рост и с поднятыми копьями бросились на свою добычу, издавая пронзительные боевые крики.

Тарзан мгновенно вышел из оцепенения; он вскочил на ноги и, схватив дубинку, принялся отражать неожиданное нападение. Первые ловкие удары сразили ближайших врагов. Окруженный со всех сторон, Тарзан продолжал отбиваться, нанося удары направо и налево с такой яростью и силой, что сразу выбил из строя человек семь и внес панику в ряды остальных.

Дикари немного отступили и стали о чем-то совещаться; человек-обезьяна стоял неподвижно, скрестив руки на груди и, улыбаясь, смотрел на них. Через минуту нападавшие выстроились полукругом и начали новую атаку. Тарзан почувствовал, что положение делается серьезным: теперь дикари были раздражены и мало-помалу приводили себя в иступление; они все быстрее и быстрее кружились вокруг человека-обезьяны в фантастической боевой пляске, потрясая тяже-

лыми копьями, издавая дикий протяжный вой и высоко подпрыгивая вверх.

Внезапная мысль осенила Тарзана; до сих пор он молчаливо и спокойно стоял в центре дикой пляски, непрерывно поворачиваясь, чтобы оставаться лицом к лицу с нападавшими. Вдруг он испустил пронзительный крик, который разом покрыл оглушительный боевой шум чернокожих; как пригвожденные к месту, дикари остановились и с недоумением посмотрели друг на друга. Этот звериный крик, до такой степени страшный, что кровь невольно холодела в жилах, не мог исходить из человеческого горла!

Немного оправившись от испуга, дикари принялись снова за боевую пляску и уже занесли было копья, чтобы броситься на врага, как внезапный шум в джунглях остановил их. Оглянувшись, они увидели картину, от одного вида которой застыла бы кровь и у более храбрых воинов, чем воины племени Вагамби.

Из чащи джунглей выпорхнула громадная пантера с оскаленной мордой и горящими глазами, за ней следовало десятка два больших косматых обезьян. Пантера бесшумно скользила, пригнувшись к траве, обезьяны бежали вприпрыжку на согнутых ногах, размахивая длинными руками и ударяя себя в грудь с глухим, злобным ворчанием.

Друзья Тарзана явились на его зов.

Раньше, чем чернокожие успели оправиться от испуга, странная орда набросилась на них с одной стороны, а Тарзан — с другой. Дикари с отчаянием защищались, и их копья поразили немало обезьян, но никакая человеческая сила не могла противостоять свирепому натиску зверей, опьяненных запахом свежей крови.

Страшные зубы и цепкие когти Шиты рвали и терзали черные тела; могучие клыки обезьян впивались в шейные артерии, а Тарзан из обезьяньего племени носился в гуще сражения, как бог войны, подбодряя и поощряя свое звериное воинство и поражая врагов длинным каменным ножом.

Схватка длилась недолго; чернокожие в паническом ужасе бросились в бегство, но и это не спасло им жизни, из двадцати человек лишь одному удалось избежать зубов разъяренных зверей. Это был рослый дикарь в ярком головном уборе и с причудливой татуи-

ровкой. Оставив свою банду насыщаться мясом убитых, Тарзан бросился по следам единственного чернокожего, оставшегося в живых. За холмами он увидел фигуру воина, который несся во весь опор по направлению к длинной пироге, лежавшей на песке у воды.

Бесшумно, как тень, бежал человек-обезьяна за чернокожим. При виде пироги он едва не вскрикнул от радости. Ведь на этой лодке он сумеет добраться до той земли, откуда явились воины. Если даже они приехали не с материка, а с острова, то ведь этот остров населен человеческими существами и, вероятнее всего, имеет сообщение с материком; а может быть,— кто знает?— это туземцы африканского побережья?

Тяжелая рука опустилась на плечо убегающего воина, даже и не подозревавшего, что его преследуют. Гот обернулся, чтобы броситься на преследователя, но железные пальцы сжали ему кисти. Белый человек повалил его на землю и уселся верхом.

Тарзан обратился к лежавшему под ним человеку на языке западного берега.

— Кто ты?

— Я — Мугамби, вождь племени Вагамби!

— Я оставлю тебе жизнь,— сказал Тарзан,— если ты обещаешь помочь мне выбраться с этого острова. Каков твой ответ?

— Я не могу помочь тебе,— ответил Мугамби.— Ты убил всех моих воинов, и мне самому теперь не выбраться с твоего проклятого острова. Нет в живых ни одного гребца, а без гребцов пирога мертва.

Тарзан встал и позволил пленнику подняться. Это был рослый и сильный человек, великолепного телосложения — черный двойник белого гиганта, стоявшего перед ним.

— Идем!— сказал человек-обезьяна и двинулся туда, откуда доносилось рычание и визг пирующей своры зверей. Но Мугамби стоял как вкопанный, и на лице его читался суеверный ужас.

— Они... набросятся на нас,— сказал он, запинаясь.

— Нет,— ответил Тарзан,— они мои.

Когда люди вышли из джунглей, глазам представилась ужасная картина кровавого пира, от которой волосы встали дыбом у черного вождя. При виде лю-

дей звери подняли головы с угрожающим ворчанием, но Тарзан бесстрашно приблизился к ним, таща за собой Мугамби, дрожавшего всем телом.

Антропоиды, впрочем, быстро успокоились, а вот пантера долго не могла понять, почему не имеет права обойтись с Мугамби так же, как она поступила с его воинами. Но кошка была сыта и только кружилась около чернокожего, издавая глухое рычание и не сводя с него сверкающих глаз.

Мугамби, полумертвый от страха, цеплялся за Тарзана, еле удерживавшегося от смеха при виде плачевного положения предводителя черного племени. Наконец Тарзан схватил пантеру за загривок, подтащил ее вплотную к Мугамби и принялся щелкать ее сильно по носу каждый раз, когда она начинала рычать на чернокожего.

При виде человека, справляющегося голыми руками с самым свирепым и кровожадным хищником джунглей, глаза Мугамби чуть не выскочили из орбит. Он готов был пасть ниц перед белым гигантом, который казался ему богом джунглей.

Дрессировка Шиты так быстро продвигалась вперед, что вскоре Мугамби перестал быть предметом ее внимания, и к вечеру он уже чувствовал себя в некоторой безопасности в ее обществе.

Несмотря на это, новая компания не пришлась, видимо, ему по душе, и чернокожий воин боязливо вращал белками каждый раз, когда тот или другой из звериной банды слишком близко подходил к нему.

Когда солнце уже закатилось, Тарзан, Мугамби, Шита и Акут легли в засаду у водопоя и скоро заметили приближавшуюся лань; когда по знаку, данному человеком-обезьяной, четверка разом бросилась на животное, Мугамби не без основания подумал, что бедная лань умерла от испуга раньше, чем ее коснулись охотники.

Добыча была тотчас же поделена примерно на равные доли, и дикарь развел костер, чтобы поджарить свою часть добычи; Тарзан же, Шита и Акут принялись поедать мясо в сыром виде, разрывая его острыми зубами и ворча друг на друга, если кто-либо завладевал чужим куском.

Едва ли нужно удивляться тому, что белый человек оказывался ближе к зверям, чем чернокожий дикарь.

Мы все рабы привычек, усвоенных воспитанием с детского возраста, и, когда отпадают внешние обстоятельства, заставляющие преодолевать их, мы легко возвращаемся вновь к тому, с чем сроднились и связаны неразрывными узами.

Мугамби от роду не ел сырого мяса, в то время как Тарзан до двадцати лет не пробовал жареной или вареной пищи и только последние три или четыре года приобщился к столу цивилизованных людей. Но не только привычка детства заставляла его предпочитать сырое мясо; нет, он находил, что вкус дичи в значительной мере портился от жарения и гораздо более любил сочное мясо свежешубитой, еще теплой добычи.

Представителям культурного человечества, конечно, внушило бы ужас и отвращение то, что Тарзан находил тонкий вкус в сыром мясе и считал лакомством каких-то гусениц. Но мне думается, если бы мы и с детства питались подобной пищей и привыкли бы видеть, что все окружающие едят то же, то чувствовали бы к лакомствам Тарзана не больше отвращения, чем чувствует к изысканным гастрономическим деликатесам африканский каннибал. Все дело здесь исключительно в привычке: близ озера Рудольфа, например, живет племя, которое не ест ни баранины, ни мяса крупного рогатого скота, в то время как у соседних племен это — обычная пища. Недалеко от них другое племя любит ослиное мясо, от одного вида которого ближайшие их соседи чувствуют тошноту.

Можно ли после этого принять как абсолютную истину, что устрицы и лягушачьи ножки вкусны, а гусеницы и жуки совершенно несъедобны, или что сырая устрица, проглоченная живьем, вызывает меньше отвращения, чем чистое нежное мясо свежешубитой лани?

* * *

В течение следующих дней Тарзан был занят одной мыслью: найти способ использовать пирогу, чтобы добраться до материка. Он делал попытки научить обезьян управлять веслами: несколько раз он сажал некоторых из них в легкую лодку и давал им уроки гребного искусства в бухте, защищенной каменной грядой, где море всегда относительно спокойно.

Дав обезьянам в руки весла, Тарзан объяснил им,

что они должны подражать его движениям. После двух-трех неудачных опытов стало ясно, что потребуются долгие недели терпеливой дрессировки, чтобы сделать из антропоидов первоклассных гребцов — так трудно обезьянам сосредоточиться на определенном деле и так быстро им надоедает однообразное занятие.

Впрочем, из всех антропоидов один составлял счастливое исключение — это был Акут. С самого начала он выказывал интерес к новому спорту. Казалось, он сразу понял назначение весел, что доказывало у нем более развитые умственные способности, чем у сородичей, и Тарзан старался на скудном языке обезьян дать понять ему, каким образом нужно управлять веслами.

Отчаявшись в возможности выучить обезьян грести, Тарзан решил приспособить пирогу под парус и принялся плести большое полотнище из древесного лыка.

Расспрашивая Мугамби, Тарзан узнал, что материк лежит сравнительно недалеко от острова. Чернокожий вождь рассказал, что страна племени Вагамби расположена в глубине материка, на верховьях реки Угамби, и никто из них не рискует бороздить на пирогах океан; на этот же раз его воины добрались до устья реки и отъехали слишком далеко от берега на своем суденышке. Захваченные отливом и сильным береговым ветром, они вскоре потеряли из виду землю. Дикари пробыли в открытом море целую ночь и не переставали грести, как им казалось, по направлению к родному берегу. Увидев при восходе солнца землю, они очень обрадовались, считая, что перед ними — материк. Только от Тарзана Мугамби узнал, что попал на остров.

Чернокожий вождь с опаской и недоверием смотрел на парус; который Тарзан смастерил из столь ненадежного материала; он находил, что плетение рассыплется при первом сильном порыве ветра.

Однако Тарзан надеялся, что если ветер будет ему благоприятствовать, он сумеет добраться до континента даже при малой затрате сил. Во всяком случае, полагал он, лучше погибнуть в открытом море, чем оставаться на этом пустынном островке без малейшей надежды когда-либо выбраться отсюда, так как ясно было, что остров не нанесен на морские карты.

В течение нескольких дней пирога была оснащена, на ней поставлен парус — и при первом же попутном

ветре она приняла на свой борт странный экипаж, какого никогда не бывало ни на одном судне в мире.

Экипаж составляли, не считая самого Тарзана, Мугамби, Акут, пантера Шита и дюжина громадных обезьян-самцов из племени Акута.

VI

Страшная команда

По узкому проливу между рифами медленно двигалась пирога. Тарзан, Мугамби и Акут сидели на веслах; воспользоваться парусом мешал высокий берег.

Шита лежала, свернувшись у ног Тарзана. Он решил держать дикого зверя подальше от других путешественников: малейшего повода было достаточно, чтобы Шита набросилась на кого-нибудь из них. Только на белого человека она смотрела с покорностью, как на своего господина.

Мугамби сидел на корме судна, напротив него скорчился на дне пироги Акут, а между Акутом и Тарзаном помещалось двенадцать волосатых антропидов, подозрительно озиравшихся по сторонам и с вожделем смотревших на родной берег.

Все шло хорошо, пока лодка не вышла в открытое море. Но вот берег остался позади, ветер вырвался на простор, натянул с силою парус, и легкое судно понеслось по волнам, колыхаясь, как маленькая щепка. И чем дальше несло оно в море, тем выше и выше вздымались волны.

В лодке началась паника. Волны и качка привели обезьян в ужас. Вначале они беспокойно оглядывались и вертелись, а потом начали визжать и реветь. С большим трудом Акут удерживал их в повиновении, но когда одна особенно сильная волна приподняла судно, обезьянами овладело такое отчаяние, что, вскочив на ноги, они чуть не опрокинули пирогу. Тарзану и Акуту еле-еле удалось успокоить их. С трудом, но обезьяны постепенно стали привыкать к качке.

Путешествие прошло без приключений, ветер был благоприятный, и после часового плавания Тарзан заметил темную полосу берега. Из-за ночной темноты нельзя было определить, где именно устье Угамби.

На всякий случай Тарзан решил причалить к ближайшему месту и там ждать рассвета.

Лодка толкнулась носом о песок, повернулась бортом к берегу и опрокинулась, вывалив всю команду. Волны прибоя окатывали людей и зверей, и лишь с большим трудом удалось добраться до берега.

Всю ночь обезьяны сидели в кучке, тесно прижавшись друг к другу, и старались согреться. Мугамби развел костер и лег около огня. Тарзан и Шита, мучимые голодом, отправились в ближайший лес за добычей.

Они не боялись ночной темноты и шли рядом друг с другом, когда тропа была достаточно широкой, или гуськом, когда она сужалась. Вскоре Тарзан почувствовал запах какого-то животного. Крадучись, подобрался он с Шитой к густой заросли камыша близ реки и увидел там крупную неподвижную темную фигуру. Это был огромный буйвол. Он спокойно дремал в самой чаще тростника.

Все ближе и ближе подползали человек и кошка к ничему не подозревавшему быку: Шита с правой стороны, Тарзан с левой. Они часто так охотились вместе, подбадривая изредка друг друга тихим мурлыканьем.

На мгновение охотники притаились, а затем, по сигналу Тарзана, Шита прыгнула буйволу на спину и вонзила острые зубы в шею. Животное с ревом вскочило, но Тарзан в ту же минуту несколько раз всадил буйволу под левое плечо свой каменный нож, цепляясь другой рукой за густую гриву. Бык бешено помчался в камыши, потащив его за собой. Шита мертвой хваткой вцепилась в горло животного, стараясь перегрызть шейную артерию.

Бык с ревом протащил обоих нападавших на него врагов на несколько сажений, но скоро в сердце ему вонзился нож, и буйвол с шумом упал на землю.

Тарзан и Шита освеживали быка, наелись до полного насыщения свежего мяса, а затем улеглись на отдых в чаще леса: голова человека покоилась мирным сном на золотистой шерсти пантеры.

Когда наступил рассвет, отважные охотники вернулись к берегу и повели остальных членов отряда к убитой вчера добыче.

Насытившись, звери заснули, а Тарзан и Мугамби отправились искать реку Угамби. Пройдя не более

пятидесяти саженой, они достигли широкого потока, и негр сразу признал в ней ту реку, по которой он со своими злополучными товарищами спустился к океану.

Тарзан остался доволен этим открытием. Он был уверен, что, следуя по большой реке, они встретят туземцев, а от них можно узнать что-либо о Рокове и о своем сыне. Он был убежден, что Роков не решится забраться далеко в глубь материка, а постарается как можно скорее избавиться от ребенка.

Тарзан и Мугамби сдвинули пирогу с берега и долго возились с ней, стараясь спустить ее в море, — мешал сильный прибой. После долгих усилий, наконец, удалось протащить пирогу через бурун на глубокое место и поплыть вдоль берега к устью Угамби. Сильное течение реки и наступивший отлив препятствовали войти в реку. Только после долгих усилий, держась самого берега, где течение было намного слабее, они смогли подняться вверх. Крепко привязав лодку к толстому суку, путники через джунгли дошли до своей стоянки. Все двенадцать обезьян были налицо, а вот Шиты нигде не было видно. Не вернулась она и к ночи. Тарзан решил, что пантера, повинувшись голосу инстинкта, бросила хозяина и отправилась на поиски себе подобных.

На следующий день рано утром Тарзан повел свою команду к реке. По дороге он несколько раз останавливался и пронзительно кричал. И вот издали слышался ответный крик, и гибкая фигура Шиты выпрыгнула из кустов на берег как раз в ту минуту, когда Тарзан, Мугамби и звери осторожно влезли в лодку.

Мурлыкая, как котенок, большая пантера подошла к Тарзану и потерлась о него своими боками; затем по одному слову человека-обезьяны Шита легко прыгнула в пирогу и заняла свое прежнее место на носу судна.

Когда стали рассаживаться в лодке, оказалось, что исчезли две большие обезьяны. Акут и Тарзан кричали и звали их целый час. Но ответа не было, и лодка отплыла без них. Это были как раз те обезьяны, которые проявляли особый страх перед морским путешествием и наиболее беспокойно переносили качку. Поэтому Тарзан не без оснований решил, что они намеренно скрылись и умышленно не откликались на призывы.

Около полудня лодка пристала к берегу, и путники отправились искать пищу. В это время какой-то стройный голый дикарь выследил их из-за густой бере-

говой растительности и исчез раньше, чем кто-либо из зверей и людей его заметил.

Как быстроногий олень, понесся он по узкой тропинке вверх по реке и в страшном возбуждении примчался в туземный поселок. Завидев предводителя, который лежал у входа в свою круглую хижину, дикарь закричал:

— Другой белый человек пришел! Другой белый человек и с ним много воинов. Они приехали в большой военной пироге! Они убьют нас и ограбят, как это сделал чернобородый!

Кавири, предводитель чернокожих, вскочил на ноги.

Он только недавно испытал много несчастий от белого человека, и его сердце было полно ненависти и злобы. В одну минуту загремел грохот боевых барабанов, созывая охотников из леса и пахарей с поля. Быстро были спущены семь боевых лодок. В них уселись воины с раскрашенными лицами и перьями на головах. Неуклюжие боевые суда, управляемые сильными мускулами лоснящихся черных рук, оцетинились длинными копьями и бесшумно заскользили по поверхности воды.

Кавири обладал даром полководца. Он не приказал бить в тамтам или трубить в рог. Бесшумно хотел он напасть со своими семью боевыми судами на лодку белого человека и победить врага численностью, раньше чем ружья последнего могли принести смерть его воинам.

Судно Кавири шло впереди других и, обогнув крутую извилину реки, почти лоб в лоб столкнулось с плывущей навстречу лодкой. Вождь успел только заметить белое лицо человека, сидящего на носу лодки. В следующее же мгновение суденышки столкнулись, чернокожие вскочили со своих мест, издавая угрожающие крики, потрясая длинными копьями.

Но минутой спустя, когда Кавири был уже в состоянии рассмотреть, какой командой управляется лодка белого человека, он отдал бы все свои бусы и украшения за возможность оставаться у себя в поселке или как можно дальше отсюда!

Едва, повторим, лодки столкнулись, как со дна пироги белого человека поднялись во весь рост страшные обезьяны Акута. С диким рычанием и лаем они в несколько мгновений своими длинными волосатыми руками выхватили копьё из рук чернокожих. Воины Кави-

ри были объаты ужасом, но им не оставалось ничего другого, как защищаться.

В это время подоспели на помощь другие боевые суда. Они окружили лодку Тарзана, но, увидев, какой неприятель находится перед ними, все, кроме одной, повернули обратно и быстро поплыли вверх по реке. Тарзан кивнул Шите и Акуту, и те, не давая вновь прибывшим возможности отплыть, набросились на них с леденящими душу криками. На одном конце судна громадная пантера рвала людей на куски, брызжа кровью, на другой Акут впивался могучими клыками в горло воинов и выбрасывал одного за другим за борт.

Кавири был так поглощен отчаянной борьбой с «демонами», что не мог прийти на помощь воинам другой лодки. Гигантский «белый демон» выхватил из его руки копьё с такой легкостью, будто он, могучий Кавири, был ребенком. Волосатые чудовища убивали его воинов, а чернокожий великан, подобный самому Кавири, будто сам был зверем.

Кавири храбро боролся со своим противником. Он знал, что смерть неизбежна, но хотел как можно дороже продать свою жизнь. Вскоре, однако, он убедился, что его сила ничтожна в сравнении со сверхчеловеческими мышцами и проворством противника.

Голова закружилась, все предметы завертелись перед глазами, он почувствовал сильную боль в груди и потерял сознание.

Когда вновь открыл глаза, то увидел, что лежит на дне собственной лодки. Руки и ноги были связаны. Большая пантера сидела рядом и пристально на него смотрела. Кавири содрогнулся и закрыл глаза, ожидая, что свирепый зверь вот-вот положит конец его существованию.

Но все было тихо. Спустя некоторое время Кавири снова решился открыть глаза. Рядом с пантерой теперь сидел белый человек — тот самый, что победил его. Он орудовал веслом. Далее Кавири увидел своих воинов, которые тоже гребли, а позади них сидели, скорчившись, волосатые обезьяны.

Заметив, что предводитель пришел в себя, Тарзан обратился к нему:

— Твои воины сказали, что ты вождь многочисленного племени и что твое имя Кавири.

— Да,— ответил чернокожий.

— Почему ты напал на меня? Я пришел с мирными намерениями...

— Другой белый человек тоже пришел «с мирными намерениями» три месяца назад, — ответил Кавири. — Мы принесли ему в подарок козу и молоко, а он стал стрелять из ружей и убил многих из моего племени, а затем ушел, забрав всех наших коз, а также много молодых мужчин и женщин.

— Я не такой, как тот белый человек, — сказал Тарзан. — Я не сделал бы вам никакого зла, если бы ты не напал на меня. Скажи мне, что это за человек? Я тоже ищу одного белого, который причинил мне много зла. Может быть, этот же самый?

— У него было нехорошее лицо с большой черной бородой, и он был очень, очень злой. Да, очень злой!

— Не было ли с ним маленького белого мальчика? — спросил Тарзан, и сердце у него замерло в ожидании ответа.

— Нет, бвана *, — ответил Кавири, — белого мальчика с ним не было. Белый мальчик был с другим!

— С другим! — воскликнул Тарзан. — С каким другим?

— Их было трое: белый человек, женщина и ребенок, а кроме того, шестеро носильщиков. Они прошли вверх по реке за три дня до злого белого человека. Они, должно быть, бежали от него.

Белый человек, женщина и ребенок!

Тарзана ошеломило известие. Ребенок — это, несомненно, его маленький Джек; но кто была женщина? Кто мужчина? Может быть, кто-то из сообщников Рокова вошел в соглашение с какой-нибудь женщиной из этой же компании и украл у него ребенка?

В таком случае они, вероятно, решили вернуть ребенка в Англию и требовать там награды или же держать его у себя до получения выкупа.

Теперь, когда Рокову удалось загнать их далеко внутрь страны, Тарзан, быть может, сумеет настичь их, если только они не попадут в плен и не будут убиты людоедами, живущими вверх по Угамби. Тарзан был убежден, что именно этим людоедам Роков и хотел отдать ребенка.

Во время разговора с Кавири все три судна продол-

* Бвана — по-туземному господин.

жали свой путь по реке по направлению к поселку. Воины Кавири гребли, бросая искоса взгляды, полные ужаса, на страшных спутников. Три обезьяны из племени Акута были убиты во время сражения, и, не считая Акута, оставалось шесть страшных зверей, а кроме того, была еще пантера Шита и, наконец, Тарзан и Мугамби, которые казались дикарям страшнее зверей.

Воины Кавири за всю свою жизнь не видали такой странной команды. Они все время боялись, что кто-либо из зверей набросится на них. Действительно, Тарзану с трудом удавалось успокаивать животных.

Добравшись до селения Кавири, Тарзан сделал небольшую остановку. Он хотел поесть и поговорить с предводителем, чтобы тот дал дюжину гребцов. Кавири охотно согласился на все требования обезьяны-человека, так как это ускоряло отъезд страшной банды. Но предводителю скоро пришлось убедиться, что легче обещать гребцов, чем доставить их. Услышав о намерениях Тарзана, те чернокожие, которые еще не успели исчезнуть в джунглях, поспешили убежать сейчас же. И когда Кавири хотел указать, кто именно из людей назначен сопровождать Тарзана, то оказалось, что только он один, Кавири, и остался в селении.

Тарзан не мог скрыть улыбки.

— Они не очень жаждут сопровождать нас! — сказал он. — Но ты оставайся дома, Кавири, очень скоро твое племя явится к тебе.

Человек-обезьяна встал и, приказав Мугамби оставаться с Кавири, скрылся в джунглях с Шитой и обезьянами.

С полчаса молчание громадного леса прерывалось только обычными звуками джунглей. Кавири и Мугамби сидели одни в селении, за высоким частоколом. Вдруг издалека раздался зловеющий крик обезьяны-человека. И немедленно с разных концов раздались такие же крики, в которые вторгался вой голодной пантеры...

VII

Предательство

Оба дикаря, Кавири и Мугамби, лежали у входа в хижину. Когда в джунглях послышались неистовые крики, они посмотрели друг на друга, и Кавири с плохо

скрываемым страхом спросил:

— Что это такое?

— Это бвана Тарзан и его команда,— ответил Мугамби.— Но я не знаю, что они делают, может быть, пожирают твоих беглецов.

Кавири содрогнулся и с тревогой посмотрел по направлению к джунглям. Все ближе и ближе ужасные шум и крики. Кавири встал и хотел бежать, но Мугамби крепко схватил его за руку — таково было приказание Тарзана.

Еще минуту спустя из джунглей выскочили насмерть перепуганные дикари и бросились спасаться в своих хижинах. Они бежали, словно испуганные овцы, а позади них шли Тарзан, Шита и страшные обезьяны Акута, погоняя беглецов.

Тарзан встал перед Кавири со своей привычной спокойной улыбкой и сказал:

— Твой народ вернулся, и теперь ты можешь выбрать гребцов.

Дрожа и шатаясь, Кавири пошел сзывать свой народ из хижин, но никто не отозвался на его приказ.

— Скажи им,— приказал Тарзан, что, если они не выйдут, я пошлю за ними свою команду.

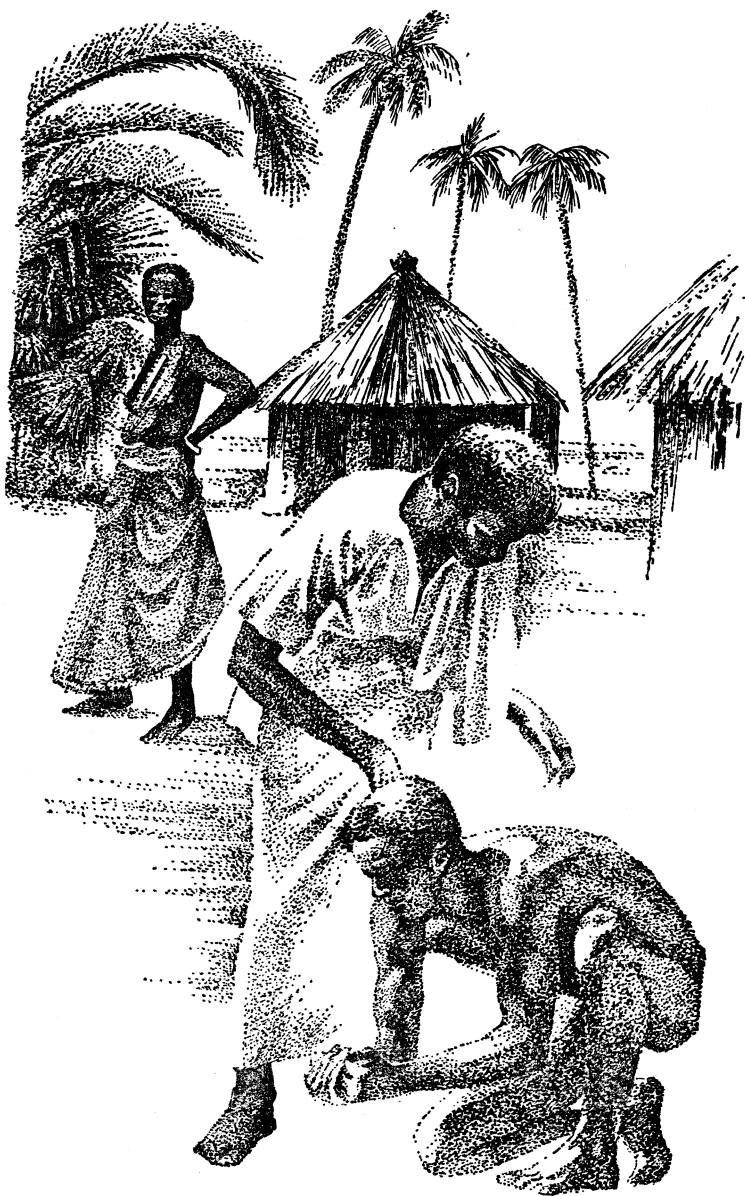
Кавири исполнил приказание. Спустя короткое время все обитатели селения вышли на улицу. Они дрожали и вращали широко раскрытыми испуганными глазами.

Военачальник торопливо указал на двенадцать воинов. Несчастные почти побелели от ужаса при одной мысли, что им предстоит сидеть рядом со страшными обезьянами и пантерой в узкой пироге. Но Кавири заявил, что другого выхода все равно нет и что бвана Тарзан будет преследовать их со своей страшной командой при первой же попытке бежать. Тогда они послушно и угрюмо направились к реке и заняли места в лодке.

С чувством большого облегчения Кавири следил, как лодка удалялась вверх по реке от его селения и, наконец, исчезла.

* * *

Прошло три дня. Странное общество плыло все дальше и дальше в глубь дикой страны, лежащей по обе стороны Угамби — этой почти не исследованной еще реки.



По дороге троим из двенадцати воинов удалось бежать, но так как некоторые из обезьян научились кое-как управлять веслами, то Тарзана не очень смущала эта потеря.

Они, конечно, продвинулись бы быстрее, идя пешком по берегу, но Тарзан думал, что на лодке ему легче будет держать свою дикую команду в повиновении. Два раза в день они высаживались на берег для охоты, а ночь проводили на берегу или на одном из многочисленных островков, которыми была усеяна река.

Всюду при их приближении туземцы бежали в паническом страхе, и Тарзан находил на своем пути лишь покинутые селенья. Его это тревожило и приводило в смущение. Человеку-обезьяне крайне необходимо было навести справки у какого-нибудь дикаря, живущего на берегу реки.

Видя, что ничего другого не остается, он решил высадиться и идти в одиночестве по берегу с тем, чтобы его команда следовала за ним в лодке. Он объяснил Мугамби свое намерение и приказал Акуту следовать указаниям чернокожего.

Первые селения, встреченные им на пути, были также покинуты обитателями — так быстро распространилась весть о лодке со страшной командой. Но к вечеру он подошел к поселку, состоящему из многочисленных тростниковых хижин и обнесенному грубым частоколом, за которым было около двухсот туземцев.

Расположившись в ветвях гигантского дерева, которые свешивались над частоколом, Тарзан увидел женщин, приготавливающих ужин.

Человек-обезьяна терялся в догадках, каким образом войти в сношения с туземцами, не пугая их и не пробуждая дикой склонности сейчас же вступить с ними в бой. Теперь, когда ему был дорог каждый день, у Тарзана не было ни малейшей охоты вступать в борьбу с каждым племенем, встретившимся ему на пути.

Наконец, его осенила оригинальная мысль. Убедившись, что он хорошо скрыт листвой от взглядов туземцев, Тарзан закричал так, как кричит разъяренная пантера. Намерение его было достигнуто: все жители поселка с тревогой уставились на дерево. Тарзан бесшумно спрыгнул на землю и быстро подбежал к воротам деревни. Ударив что было силы в ворота, Тарзан

крикнул на туземном языке, что пришел как друг и просит пищи и ночлега.

Тарзан хорошо знал характер чернокожих. Крики пантеры напрягли их нервы до крайности, а неожиданный стук и вовсе поверг в замешательство. Его несколько не удивило, что никто не отозвался на зов: туземцы боятся всяких звуков, исходящих из темноты, приписывая их злым демонам.

— Впустите меня, друзья мои! — продолжал он.— Я преследую того злого белого человека, который проходил здесь несколько дней тому назад. Я хочу наказать его за все зло, которое он сделал мне, а может быть, и вам. Если хотите, я докажу вам свою дружбу тем, что прогоню с дерева пантеру, раньше чем она успеет напасть на вас. Если же не впустите меня как друга, я оставлю пантеру на дереве и пусть она сожрет вас.

Минуту длилось молчание. Затем послышался голос старого человека.

— Если ты действительно белый человек и друг нам, мы тебя впустим, но сначала прогони пантеру!

— Хорошо,— ответил Тарзан,— слушайте: через несколько минут ее не будет!

Человек-обезьяна на этот раз с большим шумом влез на дерево. Он зловеще рычал, прекрасно подражая пантере, и туземцы были уверены, что зверь все еще находится там.

Добравшись до ветвей, нависавших над частоколом деревни, Тарзан разыграл целое представление: он кричал на пантеру, пантера отвечала ему злобным ворчанием и ревом. Когда воображаемая пантера покинула поле боя, Тарзан, спрыгнув с дерева, побежал в сторону джунглей, громко стуча о стволы, подражая удаляющемуся рычанию пантеры.

Несколько минут спустя, задыхаясь, он вернулся к воротам деревни:

— Я прогнал пантеру, теперь впустите меня!

Внутри послышались возбужденные голоса спорящих между собою туземцев, но, наконец, подошли несколько воинов. Приоткрыв ворота, они с трепетом заглянули в темноту. Вид белого, почти обнаженного человека не особенно успокоил их, но Тарзан уверил их спокойным голосом в своей дружбе, и они, наконец, впустили его. Толпа любопытных проводила Тарзана к хижине предводителя. Тарзан убедился из бесед, что

он идет по следу Рокова. Предводитель сообщил ему, что на лбу у чернобородого белого были большие рога и что его сопровождали тысяча чертей. Дикарь добавил также, что злой белый человек оставался целый месяц в деревне.

Тарзана несколько не удивило полное несоответствие этого рассказа с утверждениями Кавири, который говорил, что Роков проходил через его поселок только три дня тому назад и что отряд его был гораздо меньше. Он привык уже к странной особенности дикарей уснащать действительные факты всякими небывицами, путать числа и количества.

Ему было важно лишь проверить, находится ли он на верной дороге. Теперь он был уверен, что Рокову не избежать встречи. Путем перекрестных вопросов Тарзан узнал, что несколькими днями раньше Рокова здесь проходила другая партия: в ней было трое белых — мужчина, женщина с ребенком и несколько туземцев.

Тарзан объяснил предводителю, что его отряд следует за ним в лодке и прибудет, вероятно, на следующий день. Он просил принять отряд ласково, без опасений и уверил собеседника, что сам будет следить, чтобы его команда не причиняла никакого зла здешним людям.

— А теперь,— сказал Тарзан,— я улягусь под дерево спать. Я очень устал. Скажи, чтобы мне не мешали.

Предводитель предложил ему переночевать в хижине, но Тарзан, зная, какой тяжелый воздух в жилищах туземцев, предпочел улечься под открытым небом. К тому же у него возник некий план; этот план легче можно было привести в исполнение, если оставаться вне хижины. Вождю же он объяснил, что хочет быть наготове в случае возвращения пантеры, и тот с удовольствием разрешил ему спать под деревом.

Тарзан всегда находил самым выгодным производить на туземцев впечатление существа, обладающего чудесной сверхъестественной силой. Он считал, что внезапное и необъяснимое исчезновение всегда производит самое сильное впечатление на их наивный ум. Поэтому, как только деревня погрузилась в сон, он тихо встал, вскочил на дерево и бесшумно исчез в таинственном мраке джунглей.

Весь остаток ночи человек-обезьяна быстро двигался вперед, в глубь страны. Его путь пролегал по верх-

ней трассе леса. Он предпочитал верхние ветви гигантских деревьев, так как там его путь освещала луна.

На рассвете он остановился, чтобы отдохнуть и с новыми силами продолжать свои поиски. Дважды он встретил враждебно настроенных туземцев. С большим трудом ему удалось склонить их к мирной беседе и убедиться, что он действительно идет по следам Рокова — «чернобородого белого».

* * *

Два дня спустя, все еще пробираясь вверх по Угамби, Тарзан подошел к большой деревне. Предводитель местного племени, свирепого вида человек с остро подпиленными зубами, что часто встречается у людоедов, принял его с показной любезностью.

Человек-обезьяна чувствовал большую усталость и решил остаться здесь на некоторое время на отдых, чтобы быть свежим и сильным при встрече с Роковым. Эта встреча должна была, по его расчетам, произойти не сегодня-завтра.

Предводитель подтвердил ему, что бородатый белый человек покинул деревню сегодня утром и что бвана Тарзан, без сомнения, достигнет его через самое короткое время. Другой же партии белых предводитель не видел и не слышал о ней. Так, по крайней мере, он говорил.

Тарзан не чувствовал особого доверия к этому острозубому человеку, но так нуждался в отдыхе, что решил все-таки остаться. Не испытывая ни малейшего страха, он доверчиво расположился в тени хижины и спокойно заснул.

Как только предводитель удостоверился в том, что Тарзан спит, он позвал двух своих воинов, показал пальцем на белого человека и шепотом передал им какое-то приказание. Минуту спустя стройные черные силуэты уже бежали по береговой тропинке, вверх по реке.

Затем предводитель дал приказ соблюдать полную тишину в поселке: он запретил песни, громкие разговоры и никому не позволил приближаться к спящему. Он проявлял особые попечения и заботу о своем госте.

Три часа спустя на Угамби появилось несколько лодок. Они быстро подвигались вниз по течению, управ-

ляемые ловкими и сильными чернокожими. На берегу стоял предводитель: когда лодки подъехали, он поднял свое копьё горизонтально над головой. Это был знак, что белый незнакомец все еще спит спокойно в поселке.

В лодках находились его гонцы. Предводитель послал их к отряду белых людей, находившемуся вблизи поселка. Лодки были вытащены на берег, туземцы и белые выпрыгнули из них. Белых было около шести — угрюмые личности с отталкивающими лицами. Особенно отвратителен был среди них чернобородый мужчина с властными манерами.

— Где белый человек, о котором говорили твои гонцы? — спросил он у предводителя.

— Здесь, бвана, — ответил дикарь. — Я поддерживал тишину в деревне, чтобы он не проснулся до твоего прихода. Я не знаю, для чего он ищет тебя. Но он подробно расспрашивал меня о тебе. Кроме того, он очень похож по твоему описанию на того человека, которого ты высадил на пустой берег. Если бы ты мне ничего о нем не говорил, я не узнал бы его, и тогда он пошел бы вслед за тобой и, может быть, убил бы тебя. Если даже он тебе и не враг, то все-таки, мне кажется, я хорошо сделал, что послал за тобой, бвана. А если окажется, что он и вправду твой враг, то я хочу получить от тебя за услугу ружье и патроны.

— Ты во всяком случае сделал хорошо, что позвал меня, — ответил белый человек. — Все равно, друг он мне или враг — ты получишь за это ружье, если обещаешь и дальше держать мою сторону.

— Да, я буду стоять за тебя! — сказал предводитель. — А теперь пойдем смотреть на чужого человека.

С этими словами он повернулся и пошел к хижине, в которой мирно спал ничего не подозревавший Тарзан.

За двумя вожаками шли молча белые и два десятка черных. Когда они подошли к хижине, на губах у белого при виде спящего Тарзана появилась противная улыбка.

Предводитель дикарей посмотрел вопросительно на своего спутника. Тот кивнул головой в знак того, что вождь не ошибся в своих подозрениях. Затем, повернувшись к воинам, он указал на спящего и знаками приказал схватить и связать его.

Немедленно двенадцать воинов накинулись на Тар-

зана и крепко связали его. Все это произошло в один миг — раньше чем Тарзан мог сделать хоть малейшую попытку к своему спасению. Бросив взгляд на окружающую толпу, он сразу увидел злобное лицо Рокова.

Ехидная улыбка искривила лицо Рокова. Он подошел к Тарзану и сказал:

— Ну и дурак! Опять попался мне в руки!

Этого ему показалось мало, и он ударил лежащего человека по лицу ногой:

— Вот тебе мое приветствие. Сегодня вечером, перед тем как мои черномазые друзья скушают тебя, я, так и быть, расскажу, что случилось с твоею супругою и милым наследником и что их ожидает впереди.

VIII

Пляска смерти

Сквозь пышную растительность джунглей в глубоком мраке ночи пробирался большой гибкий зверь, бесшумно ступая своими бархатными лапами. Две горящие при свете экваториальной луны желто-зеленые точки пронизывали густую листву, чуть-чуть шелестевшую от ночного ветра.

По временам зверь останавливался, приподнимал голову и обнюхивал воздух. Иногда быстрый, короткий скачок на верхние ветки замедлял его путь к востоку. Его чувствительные ноздри различали легкий запах многочисленных четвероногих; запах этот вызывал слюну голода у свирепого зверя. Но он упорно продолжал свой одинокий путь, не обращая внимания на сильные позывы голода, которые в другое время заставили бы его немедленно впиться клыками в чье-то горло.

Всю ночь бежал зверь, сделав лишь утром небольшую остановку, чтобы утолить голод. Он разорвал на куски случайную добычу и сожрал ее с угрюмым ворчанием...

Уже наступили сумерки, когда зверь подошел к частоколу, окружающему большую туземную деревню. Быстро и молчаливо обошел вокруг поселения, бросая зловещую тень на деревянный частокол. Он усиленно втягивал в ноздри воздух и, насторожив уши, прислушивался к малейшему шороху.

Человеческое ухо не расслышало бы никакого зву-

ка, но тончайшие звериные органы слуха и обоняния восприняли нечто такое, что заставило его остановиться, вся фигура его внезапно преобразилась.

Как на стальных пружинах зверь быстро и бесшумно вспрыгнул на частокол и исчез в темном пространстве между оградой и стеной хижины.

* * *

В деревне на главной улице женщины разводили костры и наполняли котлы водой. Они кипятили воду для большого пиршества, которое ожидалось ближайшей ночью. Около высокого столба, что возвышался среди костров, шумела толпа чернокожих воинов. Их тела были размалеваны широкими полосами белого, синего и желтого цвета, глаза, губы, груди и живот обведены цветными кругами. На волосах, обмазанных глиной, торчали яркие перья и куски проволоки.

Деревня готовилась к празднеству. А в это время в одной из хижин лежала связанная жертва. Она была предназначена для предстоящей оргии, и ее ожидала смерть. И какая смерть!

Тарзан напрягал свои могучие мускулы, стараясь разорвать опутавшие его веревки, но они были так крепко стянуты, что даже гигантские мышцы обезьяны-человека не могли с ними справиться.

Смерть!

Тарзану часто приходилось в своей жизни смотреть в глаза ужасной маске-смерти, и всегда он улыбался при этом. Он бы и сейчас отнесся спокойно к предстоящей гибели, если бы не был озабочен судьбою близких ему существ: ведь им предстояло так много испытаний в случае его гибели.

Джен никогда не узнает, какой смертью он умер; зато Тарзан благодарил небо. Его утешала мысль, что жена в безопасности у себя дома, среди любящих друзей; они помогут ей перенести горе.

Но мальчик! Бедный мальчик! Что будет с ним?

Тарзан весь сжимался от душевных мук при этой мысли. Он, могучий властелин джунглей, единственный, кто мог бы спасти ребенка от ужасов, которые готовил ему проклятый Роков, беспомощен, как попавшее в силки животное.

Роков в течение дня не только раз заходил к нему

и осыпал ругательствами и побоями, но ни одно слово, ни один стон жалобы и муки не вырвались из уст гордого пленника.

Наконец Роков оставил его в покое. Палач решил приберечь к концу самую сильную душевную пытку, придуманную им для своего врага: перед тем как копья людоедов нанесут последний удар Тарзану, он откроет ему страшную тайну о его жене...

Сумерки окутали деревню. До слуха человека-обезьяны доносился шум приготовлений к пиршеству. Он ясно представлял себе картину пытки этой «пляски смерти»: ему приходилось неоднократно присутствовать на подобных празднествах в бытность свою в Африке. И вот теперь ему самому предстояло быть главным лицом в этой ужасающей забаве, центральной фигурой, привязанной к столбу!

Его не пугала сама по себе пытка медленной смертью, когда пляшущие в хороводе воины отрезают куски мяса от живого тела жертвы. Он привык переносить всякие физические боли и страдания. Но в нем жила неукротимая любовь к жизни и до последнего мгновения теплилась надежда на избавление от смерти.

* * *

Лежа на земле в тяжком раздумье, Тарзан внезапно почувствовал знакомый запах. Он насторожился, и до его напряженного слуха донесся легкий, почти неслышный шум. Он сразу догадался, от кого исходил этот шум...

Тарзан зашевелил губами, издавая слабые, человеческим слухом даже не воспринимаемые звуки... Но он знал, что тот, кто крадется, услышит его. И, действительно, минутой спустя за стеной послышался легкий шорох бархатных лап: зверь перелезал через забор, затем стал отыскивать удобное место, чтобы пробраться в хижину.

Это была Шита, его верный друг. Она подошла к Тарзану, терлась шкурой и тыкала своим холодным носом в лицо, шею. Она внимательно обнюхала и его самого, и веревки, которыми он был связан. Она как будто старалась понять, что ожидает ее господина.

Появление Шиты обрадовало Тарзана. Это было доброе предзнаменование. Но сможет ли пантера по-

мочь ему? Как внушить ей, чтобы он освободила его от пут? Тарзан в упор глядел на зверя и властно твердил: «Перегрызи веревки! Перегрызи веревки!» Но Шита только покорно и ласково лизала ему руки.

Послышались приближающиеся шаги. Шита глухо зарычала и забилась в темный угол. В хижину вошел высокий обнаженный дикарь и, подойдя к Тарзану, кольнул его копьем. Тарзан испустил неистовый крик, и как бы по сигналу в ту же секунду из темного угла кинулась пантера, вонзив в дикаря свои стальные когти и страшные клыки...

Дикий крик ужаса смешался с алчным визгом пантеры, а затем наступила жуткая зловещая тишина, прерываемая хрустом костей и звуком раздираемого мяса.

Крики Тарзана и дикаря всполошили деревню, вызвали всеобщее смятение. Послышались испуганные голоса и шаги: к хижине приближалась толпа. Почуввав опасность, пантера бросила свою окровавленную и растерзанную добычу и бесшумно ускользнула в отверстие, откуда пришла.

Туземцы подошли ко входу в хижину. Двое из них, вооруженные копьями, с зажженными связками прутьев в руках, испуганно заглядывали внутрь. Они боязливо жались к задним рядам, а те подталкивали их.

Визг пантеры и вопли ее жертвы смутили и обескуражили празднично настроенную толпу. Люди робко молчали — жуткая тишина погруженной во мрак хижины казались еще более зловещей. Никто не знал, какая опасность таится в безмолвной глубине хижины. Быстрым движением руки один из воинов бросил горящий факел в открытую дверь. На несколько секунд пламя осветило внутренность хижины и погасло. Те, кто стоял впереди, на мгновение узрели лежащего на земле крепко связанного белого человека. Поодаль от него посреди хижины виднелась неподвижная фигура с перегрызенным горлом и разодранной грудью.

Это зрелище навело на суеверных дикарей гораздо больший ужас, чем если бы они увидели самую пантеру. Кто-то напал на их товарища, но кто именно, этого они не могли постичь, и их испуганная мысль готова была приписать это страшное дело сверхъестественной силе.

Они в ужасе бросились бежать, толкая и опрокидывая друг друга,

В течение целого часа Тарзан слышал отдаленные голоса, доносившиеся с противоположного конца деревни. Очевидно, дикари совещались и возбуждали в себе смелость для вторичного обследования хижины. Оно не заставило себя ждать.

Опять за дверями послышались шаги и шум толпы. Первыми вошли двое белых с горящими факелами и ружьями в руках. Рокова среди них не было. Тарзан нисколько не был этим удивлен. Он был готов держать пари, что никакая земная сила не заставит его, подлого труса, пойти на разведку, угрожающую опасностью.

Увидя, что на вошедших в хижину белых людей никто не нападает, толпа туземцев приободрилась. Они вошли в хижину и невольно застыли от ужаса при виде искалеченного тела. Молча, с тупым страхом туземцы созерцали страшную окровавленную фигуру воина и связанного белого человека. Двое белых людей допрашивали Тарзана о том, что здесь случилось, но все их старания выведать что-либо оказались бесплодными. Тарзан не проронил ни слова.

Наконец вошел, раздвинув толпу, и Роков.

Взгляд его упал на окровавленный труп чернокожего, и он побледнел, как полотно.

— Пойдем! — сказал он предводителю. — Пойдем, покончим с этим дьяволом! Иначе он погубит и других людей...

Предводитель приказал поднять Тарзана и отнести к столбу. Однако, несмотря на суровый тон приказа, чернокожие долго не решались исполнить его и робко мялись на месте: так пугал их связанный таинственный пленник. Наконец четыре молодых воина набрались храбрости и грубо схватили Тарзана.

Выйдя наружу из пугавшего их жилища, туземцы, казалось, освободились от одурманивавшего их ужаса. Десятка два чернокожих с диким воем окружили узника, подталкивали, наносили удары. Тарзана крепко привязали к столбу, что стоял среди разложенных костров с кипящими котлами.

Роков видел это, и к нему вернулось самообладание, обычная наглость. Прочно привязанный к смертному столбу, беспомощный, лишенный всякой надежды на спасение, Тарзан теперь был, конечно, не опасен. Он приблизился к обезьяне-человеку и, выхватив копые из рук ближайшего дикаря, нанес первый удар без-

защитной жертве. Струйка багряной крови потекла по белой коже гиганта, но ни один звук страдания не вырвался из его уст. Роков взглянул в лицо своей жертвы и невольно содрогнулся: Тарзан улыбался!

Эта презрительная улыбка привела Рокова в совершенное бешенство. Сыпя проклятия, он бросился на беззащитного пленника и стал наносить кулаками удар за ударом в лицо, пинать ногами в живот и грудь, лягаясь, словно взбесившаяся лошадь.

Задыхаясь от ярости, Роков поднял тяжелое копье и прицелился в могучее сердце Тарзана, но к нему подскочил предводитель и оттащил от жертвы.

— Стой, белый человек! — вскричал он. — Если ты лишишь нас «пляски смерти», то сам попадешь на место пленника.

Эта угроза подействовала на Рокова. Он встал в стороне и принялся осыпать своего врага ругательствами и насмешками. Он говорил Тарзану, что на предстоящем пиру съест его сердце. Он подробно, со зловещими ужимками рисовал картину той жизни, которая ожидает сына Тарзана, и намекнул, что месть коснется и жены его, Джен Клейтон.

— Вы думаете, она живет у себя в Англии? — насмешливо спросил он. — Как вы глупы! Она находится в руках у одной темной личности за тридцать земель от Лондона!

«Пляска смерти» между тем началась. Людоеды закружились с диким воем в хороводе вокруг костров, и их вопли помешали Рокову продолжать нравственную пытку.

Пляшущие дикари, мерцающие огни костров, отблеск багрового пламени на раскрашенных телах — все закружило в вихре вокруг несчастной жертвы у столба, и у Тарзана потемнело в глазах.

В его памяти воскресла такая же сцена, когда он спас д'Арно из подобного же ужасного положения в самый последний момент перед смертельным ударом. Кто теперь освободит его? На всем свете нет силы, что спасла бы его от мучений и смерти!

Но мысль, что он будет съеден этими дьяволами, не вызывала у Тарзана чувства ужаса или отвращения. Всю свою жизнь он видел зверей джунглей, пожирающих мясо своей добычи, а потому и думы о предстоящем отвратительном надругательстве над его телом не

увеличивали страданий, как это случилось бы с обыкновенными белыми людьми. Разве он сам не дрался из-за куска мяса в те давно минувшие дни, когда победил злобного Тублата и приобрел уважение обезьян племени Керчака?

Танцующие приближались прыжками к Тарзану. Копья уже касались его тела, уже наносились первые мучительные уколы, предшествующие более серьезным. Пляшущие разгорячились, кровь возбуждала их... Приближался конец «пляски смерти» и вместе с тем конец Тарзана.

И человек-обезьяна ждал и жаждал последнего удара, который прекратил бы его мучения...

Вдруг из таинственной тиши джунглей донесся пронзительный крик, так хорошо ему знакомый...

На минуту дикари остановились: в наступившем молчании с губ крепко привязанного белого человека сорвался ответный крик, еще более зловещий и ужасный.

Прошло несколько минут. Чернокожие колебались, но, побуждаемые Роковым и предводителем, вновь завывали и закричали, торопясь закончить пляску и заколоть жертву.

Но копья еще не успели коснуться Тарзана, как из хижины, в которой Тарзан был перед тем заключен, молниеносным прыжком выскочила темно-бурая пантера с зелеными горящими глазами. Еще мгновение — и Шита, верный друг Тарзана, стояла около своего господина и грозно, с неутомимой свирепостью рычала на окружающих.

И чернокожие, и белокожие окаменели на месте, объятые ужасом. Глаза их были устремлены на дикого зверя; его белые клыки сверкали в блеске костра и гипнотизировали туземцев.

И только один Тарзан-обезьяна видел, как из темной внутренности хижины появились и другие фигуры.

IX

Благородство и подлость

Джен Клейтон видела из своей маленькой каюты на «Кинкэде», как ее мужа отвезли на зеленый берег острова джунглей. А вслед затем пароход вновь поплыл дальше.

Несколько дней никто не входил в ее каюту, кроме Свена Андерсена, угрюмого и несловоохотливого повара. Она спросила его, как называется местность, где высадили ее мужа.

Швед, как всегда, ответил идиотской фразой:

— Я тумую, ветер скоро туть сильно!

Ничего больше она не смогла от него добиться.

Джен решила, что это единственная английская фраза, которую знает повар, а потому больше его не расспрашивала. Это не мешало ей, однако, всегда любезно встречать и ласково благодарить за отвратительное кушанье, которое ей ежедневно приносилось в определенный час.

Вскоре после того, как Тарзан был высажен на необитаемый остров, «Кинкэд» бросил якорь в устье большой реки. В каюту Джен вошел Роков.

— Ну-с, дорогая, мы приехали! — сказал он, бросая на женщину гадкий взгляд. — Вам сейчас будет предоставлена свобода и полная безопасность! Мне стало жаль вас, и я постараюсь улучшить ваше положение, как только могу. Ваш муж — грубое животное, вам это лучше знать, чем кому-либо другому, потому что вы сами нашли его голым, таскающимся по джунглям со своими товарищами-зверями! А я джентльмен не только по рождению, но и по воспитанию. Я предлагаю вам, дорогая Джен, любовь настоящего культурного человека. В ваших отношениях к несчастной обезьяне, за которую вы вышли замуж только из странной прихоти, не хватало общения с утонченным человеком культуры. Я люблю вас, Джен! Достаточно одного слова, и ни одна печаль не коснется вас. Еще одно слово — и ребенок в ваших руках.

У дверей каюты, снаружи, остановился Свен Андерсен с обедом для леди Грэйсток. Его голова на длинной жилистой шее была наклонена вбок, близко сидящие друг к другу глаза полузакрыты; его уши, казалось, приподнялись от напряженного внимания, а длинные рыжие усы повисли — он весь превратился в слух.

Выражение удивления на лице Джен сменилось гримасой отвращения. Она невольно вздрогнула.

— Я не удивилась бы, мистер Роков, — ответила она, — если вы даже силой постарались принудить меня подчиниться вашим желаниям, но я никогда не могла представить, что вы можете подумать, что я, же-

на лорда Грэйстока, добровольно соглашусь на ваше предложение, хотя бы даже ради спасения своей жизни. Я вас всегда считала подлецом, мистер Роков, но до настоящего времени не знала, что вы, кроме того, и идиот!

Краска гнева залила бледное лицо Рокова.

— Мы увидим, кто из нас идиот! — прошептал он. — Вот когда я подчиню вас своей воле и когда ваше американское упрямство будет вам стоить всего, что вам дорого — даже жизни вашего ребенка, тогда вы заговорите иначе! Клянусь мощами святого Петра, я вырежу сердце мальчишки перед вашими глазами — и тогда вы узнаете, что значит оскорблять Николая Рокова!

Джен Клейтон гадливо отвернулась от него.

— Замолчите! — сказала она. — Зачем мне знать, до каких низостей может прийти ваша мстительная натура! Все равно вы не можете подействовать на меня ни угрозами, ни низкими поступками! Мой сын еще ничего не может сам решать, но я, его мать, могу сказать наперед, что, если ему было бы суждено дожить до зрелого возраста, он добровольно пожертвовал своей жизнью ради чести матери. Поэтому, как сильно ни люблю я его, я не могу купить его жизнь такой ценой.

Роков был взбешен. Он никак не ожидал, что женщина устоит перед страшными угрозами.

По правде говоря, он ее ненавидел, ни о какой «любви» и речи быть не могло! Но в его планы входило показаться в Лондоне и других столицах Европы с женой лорда Грэйстока как со своей любовницей. Тогда чаша мщения была бы полна.

С минуту Роков колебался. Но потом оглянулся и вдруг решил...

Его злобное лицо передергивалось от бешенства. Как дикий зверь, прыгнул он на нее и, сжимая горло своими пальцами, повалил на койку.

В эту минуту дверь в каюту с шумом отворилась. Роков вскочил и, обернувшись, увидел повара. Маленькие глазки шведа выражали полнейшее бессмыслие, и он как ни в чем не бывало стал сервировать обед для леди Грэйсток на маленьком столике.

Роков с яростью накинулся на шведа.

— Что это такое?! — закричал он. — Как ты смел войти без предупреждения? Убирайся вон!

Повар обратил на Рокова свои водянистые глаза, бессмысленно улыбнулся и сказал:

— Я тумую, ветер скоро туть сильно.

И опять начал флегматично переставлять блюда и тарелки.

— Убирайся прочь, говорят тебе, или я выброшу тебя отсюда, болван! — закричал Роков, угрожающе придвигаясь к шведу.

Андерсен продолжал смотреть на него с ничего не выражающей идиотской улыбкой, но вдруг как бы невзначай схватился за рукоятку длинного острого ножа, висевшего сбоку. Роков внезапно остановился и замолчал.

Затем он повернулся к Джен Клейтон:

— Я даю вам время до завтрашнего дня обдумать ответ на мое предложение. Если будете продолжать упрямиться, то завтра днем вся команда будет отправлена на берег. На пароходе останутся только я, Павлович, ваш сын и вы... И тогда вы станете свидетельницей смерти вашего сына.

Он сказал это по-французски, чтобы повар не мог понять ни слова, и быстро вышел из каюты.

Едва Роков скрылся, Свен Андерсен повернулся к леди Грэйсток и, хитро улыбаясь, сказал:

— Он тумать, я турак! Он сама турак! Я понимать французски.

Джен Клейтон посмотрела на него с удивлением. Обычное бессмысленное выражение исчезло с лица повара — он весь преобразился.

— Значит, вы поняли, что он сказал?

Андерсен осклабился:

— Та, я поняла!

— И вам известно все, что здесь происходило? Вы пришли меня защитить?

— Вы быть хороший ко мне, — пояснил швед, — а он обращался со мной как с собак. Я хочу помогать вам, леди. Я был западный берег много раз.

— Но как вы можете помочь, Свен, — спросила она, — когда все эти люди против меня?

Свен Андерсен опять принял прежний вид.

— Я тумую, ветер скоро туть сильно!

С этими словами он повернулся и вышел из каюты.

Джен Клейтон сомневалась в способности повара оказать ей помощь; тем не менее она была ему глубоко

благодарна за одно то, что он уже сделал для нее. Сознание, что среди всех этих негодяев она имела одного несомненного доброжелателя, было для Джен первым лучом надежды на избавление.

Весь этот день никто не являлся к ней, и только вечером Свен принес ужин. Она пыталась втянуть его в разговор, хотела узнать что-нибудь о его планах, но повар ограничился своим стереотипным бессмысленным пророчеством о погоде. Казалось, им овладела его обычная тупая бестолковость.

Однако немного погодя, когда швед уходил из каюты с пустыми блюдами, он еле слышно шепнул:

— Не раздевайтесь и сверните ваша одеяло. Я скоро приду!

Он хотел выскользнуть из каюты, но Джен удержала за рукав.

— Мой ребенок? — спросила она. — Где он? Я не могу уйти без него.

— Вы теляйте, что я сказала! — возразил Андерсен, нахмутив брови. — Я вам хочу помогать; не надо теляйт глупо!

Джен Клейтон опустилась на койку в полном отчаянии. Что ей делать? В уме возникли смутные подозрения относительно намерений шведа. Не будет ли еще хуже, если она последует за ним?

Нет, даже в обществе самого дьявола не могло быть хуже, чем с Николаем Роковым! Ведь даже сам черт, по крайней мере, в английском представлении имеет репутацию джентльмена.

Она осталась одетой, как ей советовал швед. Одеяло было свернуто и перевязано крепким ремнем.

Около полуночи послышался легкий стук в дверь. Джен открыла задвижку, на пороге показалась закутанная фигура шведа, который держал в руках сверток. Он тихо прошептал:

— Несить это, но не теляйт шум — это ваша ребенка!

Быстрые руки выхватили сверток у повара, и мать крепко прижала спящего ребенка к своей груди. Горячие слезы радости текли по ее щекам.

— Идем! — сказал Андерсен. — Мало времени!

Захватив в коридоре у двери свой узел, швед осторожно повел Джен к борту парохода. Здесь он взял ребенка к себе на руки и помог женщине спуститься по

веревочной лестнице в стоявшую внизу шлюпку. Затем быстро и бесшумно перерезал веревку, которой шлюпка была привязана, и, взявшись за весла, беззвучно поплыл к берегам Угамби.

Андерсен греб сильно и уверенно. Лодка быстро скользила по воде. Из-за туч показалась луна, и путники увидели устье притока, впадающего в Угамби. К этой речке швед и направил шлюпку.

Джен Клейтон мучил вопрос: куда он ее везет? Знакомо ли ему это место? Она не знала, что, по своим обязанностям повара, швед уже был сегодня на этой реке, в маленькой деревушке; он покупал там у туземцев провизию и, воспользовавшись случаем, сталкивался с ними насчет бегства Джен.

Несмотря на то, что луна ярко светила, поверхность реки казалась совершенно темной. Гигантские деревья местами сплетались над серединой реки, образуя густой и темный свод. Огромные ползучие растения вились причудливыми сплетениями вокруг толстых стволов до самого верха деревьев и ниспадали оттуда длинными прядями до самой поверхности реки.

Река была спокойна, тишина нарушалась лишь плеском весел да возней купающихся гиппопотамов: фыркающая и пыхтя, неповоротливые животные ныряли с песчаной отмели в прохладную и темную глубину реки и плескались, словно купающиеся люди.

Из густых джунглей с обоих берегов реки доносились жуткие ночные крики хищников: можно было различить бешеный вой гиены, рев пантеры и глухое рычание льва. Кроме них слышались странные непередаваемые звуки, которые Джен не могла приписать определенному ночному хищнику и которые казались ей сверхъестественными и необычайно жуткими.

Она сидела на самой кромке лодки, крепко прижав к груди своего ребенка. Близость и теплота маленького нежного беспомощного тельца пробуждали в ее сердце такую радость, какой она давно уже не знала все эти печальные дни. Кто скажет, какая судьба ее ожидает. Новое, еще неизвестное тяжкое горе могло разразиться над ней, но сейчас она была счастлива и благодарила небо за этот, может быть, короткий миг счастья. Молодая мать с лихорадочным нетерпением ожидала рассвета, чтобы увидеть милое личико своего маленького черноглазого Джека.

Было около трех часов утра... Лодка внезапно зашелестела днищем по песку. Показался еле различаемый берег, Андерсен причалил к отмели.

Наверху при бледном лунном свете неясно обрисовывались очертания туземных хижин, окруженных ключей изгородью — бома. Андерсен громко позвал кого-то. Потом еще раз крикнул. Но лишь через некоторое время из деревни послышался ответный человеческий крик. Появление Андерсена, конечно, не было неожиданным, напротив, его ждали. Но негры страшно боятся всяких звуков в ночной темноте.

У ворот деревни их встретила жена предводителя, с которым Андерсен сговаривался днем. Она повела было гостей к своей хижине, но Андерсен заявил, что они намерены устроиться на ночлег прямо под открытым небом. Швед пояснил Джен, что хижины туземцев не отличаются чистотой и кишат разными насекомыми.

С непривычки и от пережитого волнения Джен долго не могла заснуть на "твердой земле, но сильное утомление взяло верх, и, обняв ребенка, она, наконец, крепко сомкнула веки.

Когда леди Клейтон проснулась, уже светало. Около нее етопилась куча любопытных туземцев, большей частью мужчин. У негритянских племен сильный пол наделен любопытством в гораздо большей степени, чем женщины. Джен Клейтон инстинктивно прижала покрепче ребенка, но вскоре убедилась, что чернокожие не намерены сделать зла ни ей, ни ребенку. Один даже предложил молока, налитого в грязный закопченный сосуд. Доброе намерение глубоко тронуло женщину, и она приветливо улыбнулась туземцу. Джен взяла кувшин и, чтобы не обидеть чернокожего, поднесла молоко к губам, с трудом удерживая тошноту от противного запаха. Заметив это, Андерсен выручил ее из неловкой ситуации: он взял кувшин, хладнокровно выпил молоко и подарил туземцу несколько голубых бус, что привело дикаря в совершенное восхищение.

Солнце ярко светило. Ребенок все еще спал, прикрытый от лучей одеялом, и Джен с нетерпением ждала возможности взглянуть на любимое личико сына. Поодаль от нее Андерсен разговаривал с предводителем племени.

Джен невольно поразились тому, что повар разговаривал с предводителем на туземном языке. Какой уди-

вительный человек! Еще вчера она считала его круглым невеждой и идиотом. Сегодня она узнает, что неотесанный мужлан говорит не только по-английски и по-французски, но знаком даже с языком дикарей западного берега Африки.

До этого времени он казался ей хитрым, жестоким, не заслуживающим доверия человека. Сегодня он проявил себя совсем другим. Она даже не верила, что он служит ей из чисто благородных побуждений. Весьма возможно, что у повара другие планы и намерения, которых он пока еще не раскрывал.

Раздумывая над этим, Джен взглянула на него, на его хитрые глаза, на его отталкивающее лицо и невольно вздрогнула. Что-то смутно шепнуло ей, что под такой отвратительной внешностью не могут скрываться высокие бескорыстные побуждения.

Из свертка, лежащего на ее коленях, раздался слабый писк. Сердце радостно затрепетало. Это был голос ее сына! Ребенок проснулся!

Быстро отдернула она покрывало с личика ребенка; Андерсен стоял рядом. Он увидел, как она пошатнулась и, держа ребенка на вытянутых вперед руках, с глазами, полными ужаса, пристально смотрела на маленькое лицо.

А затем с жалобным стоном упала без сознания на землю...

X Швед

Когда войны, сбившиеся в беспорядочную толпу около Тарзана и Шиты, увидели, что «пляску смерти» прервала обыкновенная живая пантера, а не сверхъестественное чудовище, они ободрились. Перед их многочисленными копьями даже и свирепая Шита была неизбежно осуждена на смерть.

Роков подстрекал предводителя поскорее закончить метание копий и хороводную пляску. Чернокожий властитель хотел уже приказать это своим воинам, но в это мгновение его взгляд случайно упал на необычную группу, которая виднелась вдали.

С криком ужаса он повернулся и пустился что было силы бежать. Удивленные воины оглянулись, завизжа-

ли и тоже пустились вслед за ним, толкая и давя друг друга. А за ними, тяжело переваливаясь, бежали чудовищные косматые фигуры обезьян, ярко озаряемые лунной и колеблющимся светом догорающих костров.

Дикий крик обезьяны-человека покрыл собою вопли чернокожих, и в ответ на этот боевой клич Шита и обезьяны бросились с ревом за беглецами. Некоторые из воинов остановились и повернулись к разъяренным животным, угрожая им копьями, но нашли кровавую смерть в объятиях страшных обезьян.

«Пляска смерти» превратилась в другое, не менее страшное зрелище, в котором тоже царила и свирепствовала смерть. Но у нее теперь были другие жертвы — и многочисленные, а не одна, как раньше!

Когда вся деревня опустела и последний чернокожий скрылся в кустах, Тарзан созвал к себе свою дикую команду. Он с огорчением убедился, что никому, даже сравнительно понятливому Акуту, невозможно внушить мысль освободить его от веревок. Потребуется, очевидно, много времени, пока эта догадка осенит их неразвитый мозг, и все эти часы он вынужден томиться, привязанный к столбу. И кто знает, что может теперь случиться? Разве не могут вернуться сюда и дикари, и белые — и разве у белых нет такой надежной защиты против животных, как ружья? Но даже если люди и не явятся сюда — он может умереть с голода раньше, чем тупоумные обезьяны сообразят, что нужно перегрызть веревки.

Шита, конечно, еще меньше понимала это, чем обезьяны. Тем не менее Тарзан не мог не удивляться тем качествам, которые она нынче проявила. Нельзя было сомневаться в ее действительной привязанности к Тарзану. После того, как чернокожие были прогнаны, она бродила с удовлетворенным видом взад и вперед у столба, терлась своими боками о ноги обезьяны-человека и мурлыкала, как довольный котенок. Тарзан был уверен, что она по собственному побуждению привела обезьян для его спасения. Он с любовной гордостью убеждался, что Шита оказалась воистину настоящим сокровищем.

Отсутствие Мугамби немало беспокоило Тарзана. Он старался разузнать от Акута, что случилось с чернокожим. Были некоторые основания опасаться, что звери в его отсутствие напали на Мугамби и растерзали его.

Но на все расспросы Акут неизменно указывал молча назад, в направлении, откуда они вышли из джунглей. И Тарзан терялся в догадках...

Всю ночь он провел крепко привязанным к столбу. С рассветом человек-обезьяна к своей досаде убедился, что опасения оправдались — из джунглей показались голые черные фигуры, которые осторожно подкрадывались к дереву.

Чернокожие возвращались! Наступил день. Им теперь казалось уж не так страшно, как ночью, схватиться со стаей зверей, выгнавших их так позорно из деревни. Борьба могла кончиться для чернокожих успешно: их было много, у них длинные копья и отравленные стрелы. Нужно только постараться победить суеверный страх. Туземцы собрались на полянке, как и вчера, раскрашенные, в перьях и украшениях, и начали дикий военный танец, потрясая копьями и испуская громкие боевые крики.

Тарзан знал, что эти предварительные маневры обычно продолжаются до тех пор, пока чернокожие не доведут себя до исступления; тогда, раздраженные, бешеные, они уже не боятся ничего и кидаются прямо на врага.

Жизненный опыт подсказывал человеку-обезьяне, что при первом натиске туземцы еще не прорвутся в деревню: их храбрость выдохнется, пока они добегут до ворот. Но вторая, а скорее, третья попытка могут кончиться печально для Тарзана и его зверей. Действительно, так и случилось. Взвинченные дикой пляской воины со страшным воем бросились, очертя голову, к деревне, но пробежали только до половины: пронзительный, зловещий боевой клич обезьяны-человека привел их в такой ужас, что храбрость сразу выдохлась. Тогда они вернулись на прежнее место набираться нового запаса мужества. С полчаса они вновь завывали и скакали, чтобы поднять дух, а затем бросились дикой ордой на деревню.

На этот раз они подошли уже к воротам деревни, но потерпели полный афронт. Шита и чудовищные обезьяны вторично отогнали нападавших в джунгли.

Снова начались пляски и дикие взвизгивания. Тарзан не сомневался, что третья попытка негров будет успешной. Его приводила в отчаяние мысль, что спасение было так близко и в то же время так недоступно —

и только потому, что его бедные дикие друзья не могли догадаться освободить его от пут! Но он не осуждал их — они сделали все, что могли. Он знал также, что звери умрут с ним в бесплодной попытке защитить своего друга и повелителя.

Чернокожие готовились к последнему натиску. Несколько воинов вышли вперед и побуждали товарищей следовать их примеру. Еще минута — и вся орда хлынет через ворота в деревню.

Тарзан думал в эти минуты о своем маленьком сыне. Он знал, что ребенок находится где-то здесь же, в этой дикой стране. Сердце отца разрывалось на части от тоски по любимом мальчике: он не может уже ни спасти его, ни облегчить мучения Джен. О себе Тарзан не думал. Он считал себя уже погибшим. Эти минуты — последние в его жизни. Помощь пришла слишком поздно и слишком неудачно. Никакой надежды на спасение не было.

Чернокожие в третий раз бросились в атаку. Тарзан мысленно прощался с жизнью. Отвернувшись от бегущей орды дикарей, он стал смотреть на своих обезьян и заметил, что взгляд одной из них неподвижно устремлен в одну и ту же точку. Тарзан посмотрел в том же направлении, и вдруг все в нем просияло и расцвело: с облегченным сердцем он увидел дюжую фигуру Мугамби — черный гигант во весь дух бежал к столбу.

Огромный чернокожий тяжело дышал от сильного утомления и нервного возбуждения. Собрав последние силы, он бросился к Тарзану, и, когда первый из дикарей достиг ворот, Мугамби перерезал веревки.

На главной улице вокруг костров лежали тела дикарей, убитых зверями в ночной схватке. Тарзан взял у мертвого воина копье, толстую дубину и, разминая быстрыми движениями затекшие члены, приготовился к бою. И во главе рычащей команды он и Мугамби встретили хлынувших в деревню дикарей.

Долго и жестоко дрались противники, но в конце концов негры потерпели поражение и бежали из деревни. На их стороне было явное превосходство сил, но при виде двух великанов, чернокожего и белого, сражающихся в обществе пантеры и чудовищных обезьян, туземцев опять охватил панический суеверный ужас...

В руки Тарзана попал единственный пленник. Его оставили в живых, и от него обезьяна-человек пытался

узнать, что случилось с Роковым и его компанией, куда они исчезли. Тарзан обещал пленнику свободу за точные сведения, и перепуганный чернокожий рассказал все, что знал относительно Рокова.

Сегодня рано поутру предводитель людоедов уговаривал белых вернуться в деревню, перебить ружейным огнем страшную звериную команду, но Роков выказал еще больше испуга перед белым гигантом и его диковинными товарищами, чем сами чернокожие. Собрав своих людей, он поспешил к реке, там они утащили несколько спрятанных туземных челноков, спустили их на воду и быстро уплыли вверх по реке.

Тарзану теперь приходилось снова пускаться на поиски своего сына, в погоню за похитителем.

* * *

День за днем шли они по почти необитаемой стране, и в конце концов Тарзан узнал, к крайнему своему огорчению, что идут по ложному пути. Судьба нанесла большой удар. Ему вообще не везло: его немногочисленная команда еще уменьшилась — три обезьяны из племени Акута погибли в последней схватке с чернокожими, и теперь, считая самого Акута, оставалось всего пять больших обезьян.

Сбившись с пути, Тарзан, конечно, не мог получить верных сведений о тех трех белых, которые шли впереди Рокова. Никто не знал, кто были мужчина и женщина, но что-то говорило ему, что ребенок его сын, и мысль об этом заставляла продолжить поиск. Он был уверен, что Роков гонится за этими тремя белыми, а потому, идя по следам Рокова, он доберется и до той, второй партии, спасет сына от опасности.

Убедившись в том, что след Рокова потерян, Тарзан решил, что ничего другого не остается, как вернуться назад, к тому месту, откуда начались поиски. Он так и сделал, вернувшись к прежней стоянке на берегу реки.

Однако нигде не мог он добыть точных сведений о трех белых людях. Ни один туземец, которого ему приходилось расспрашивать, не видел и не слышал ничего, хотя почти все они так или иначе встречались с Роковым. Тарзану это казалось странным. Ему вообще нелегко было добиваться общения с туземцами: уже один вид его спутников обращал негров в бегство. Поне-

ле приходилось идти впереди одному и подстергать в джунглях какого-нибудь случайного туземца.

Однажды, выследив одного такого бродячего негра, он застиг его в момент, когда дикарь целился копьем в раненого белого человека, лежащего в кустах у тропинки. Тарзан всмотрелся и пришел в крайнее изумление: он узнал этого человека. Повар с «Кинкэда».

Да, это был он. Его отталкивающие черты глубоко врезались в память Тарзана: близко сидящие водянистые глаза, хитрое выражение и свешивающиеся рыжие усы...

Тарзану мгновенно пришло в голову, что повара не было в числе тех белых, что пришли в деревню вместе с Роковым. Значит, это именно о нем, «одной темной личности», упоминал Роков, когда мучил Тарзана моральной пыткой. И, значит, в руках этого повара находились жена и ребенок Тарзана!

От сильного гнева у Тарзана ярко выступила на лбу широкая багровая полоса — там, где был шрам от удара, нанесенного Теркозом много лет назад.

Убить этого негодяя! Отомстить за жену!

Но где оружие? Тарзан бросился на чернокожего и выбил у него из рук копье. Взбешенный дикарь схватил нож и повернулся к Тарзану. Лежащий в кустах раненый швед стал свидетелем страшного поединка: голый чернокожий сражался врукопашную с полуобнаженным белым человеком, единственным оружием которого были зубы и кулаки.

Андерсен стал присматриваться, и его глаза широко раскрылись от удивления. Этот рычащий и кусающийся зверь был не кто иной, как тот хорошо одетый и благовоспитанный английский джентльмен, которого пленили на борту «Кинкэда».

Вооруженный дикарь уступил страшной силе невооруженного белого человека. Тарзан убил своего противника, не пожелавшего сдаться. И швед увидел, как белый человек вскочил на ноги и, положив одну ногу на шею убитого врага, издал ужасающий клич обезьяны-человека.

Андерсен содрогнулся от ужаса. Тарзан же, оставив поверженного дикаря, повернулся к шведу и крикнул: — Где моя жена? Где ребенок?

Андерсен хотел ответить, но помешал внезапный приступ кашля. Из груди его торчала стрела, и, когда

он закашлялся, из пронзенного легкого хлынула горлом кровь.

Тарзан молча ждал, когда раненый снова сможет говорить. Как величавый истукан, стоял он перед беспомощным человеком. Он вырвет у него нужные сведения и затем убьет его!

Кашель прекратился. Тарзан, наклонившись над шведом, повторил:

— Жена и ребенок? Где они?

Андерсен еле слышно прошептал:

— Мистер Роков брал их...

— Как вы сюда попали? — продолжал Тарзан. — Почему вы не с Роковым?

— Я бежал с вашей женой и сыном от Роков. Они поймали нас...

— Что вы хотели сделать с ними и куда вы их дели? — спросил Тарзан, глядя на него глазами, полными ненависти. — Какое зло вы причинили моей жене и ребенку?

Лицо Андерсена выразило полнейшее изумление:

— Я ничего им не делал! Я хотел спасти их от Роков! — прошептал он.

Что-то такое прозвучало в голосе шведа, что убедило Тарзана в правдивости его слов. Еще большее значение имело то, что раненый не казался испуганным.

Тарзан опустился перед ним на колени и сказал:

— Мне очень жаль вас. Я встречал в обществе Рокова одних только негодяев. Теперь вижу, что был не прав. Я хотел бы перенести вас в удобное место и промыть рану. Я хочу, чтобы вы поправились как можно скорее!

Швед безнадежно покачал головой и тихо простонал:

— Идите искать вашу жену и ребенка. Я уже умираю...

После некоторого колебания он прибавил:

— Я боюсь гиены. Прошу вас убить меня!

Тарзан содрогнулся. Несколько минут тому назад он хотел убить этого человека как злоумышленника, теперь же не в состоянии был поднять руку против него.

Он приподнял голову шведа, чтобы переменить положение и облегчить ему страдание. Но у раненого вновь случился припадок удушья, и кровь хлынула

горлом. Когда припадок прошел, Андерсен лежал с закрытыми глазами.

Тарзан подумал, что он уже умер, но Андерсен внезапно открыл глаза, посмотрел на человека-обезьяну и еле слышно прохрипел:

— Я тумая, ветер скоро туть сильно!

И это были последние слова злополучного шведа.

XI

Тамбуджа

Тарзан вырыл в лесу неглубокую могилу и похоронил Андерсена. Это было все, что он мог сделать в джунглях для человека, который, вероятно, многое сделал для его жены и сына.

Теперь, когда он наверняка знал, что белая женщина — это Джен и что она вместе с сыном попала в руки Рокова, Тарзан решил с удвоенной энергией преследовать негодяя. Прежде всего следовало напасть на верный след. В этом месте через джунгли проходило много тропинок, перекрещивающихся в разных направлениях, и везде обозначены бесчисленные следы проходивших здесь туземцев, белых людей и диких зверей.

Тарзан внимательно изучал все следы не только своим прекрасным зрением, но и сильно развитым чувством обоняния. Однако, несмотря на все предосторожности, к вечеру он убедился, что находится на ложном пути. Тарзан знал, что его звери пойдут по его стопам, и потому старался как можно отчетливее оставлять различные приметы. На перекрестках он терся по обеим сторонам тропы о лианы и ползучие растения, глубоко вдавливал ноги в вязкую почву, словно отпечатывая таким образом свой путь. Он знал, что его звери легко освоят эту печать в огромной книге джунглей.

К ночи пошел проливной дождь, и обезьяне-человеку не оставалось ничего другого, как обождать до утра под защитой огромного дерева. Но и с рассветом ливень не прекратился. Это была настоящая беда для Тарзана. Начался период дождей. Целую неделю солнце пряталось под тяжелыми тучами, и дождь лил, как из ведра. Ливни смыли последние остатки следов, которые Тарзан продолжал упорно, но тщетно разыскивать.

Он шел по совершенно незнакомой местности и из-за непогоды не мог сверить курс ни по солнцу, ни по луне, ни по звездам. Первый раз в жизни Тарзан заблудился в джунглях. И это случилось как раз в то время, когда его жена и сын находились в руках его злейшего врага!

Дождь прошел. Солнце опять светило по-прежнему. Но человек-обезьяна все еще был в неведении, какого направления ему держаться. Он знал, что Роков оставил Угамби, но весь вопрос был в том, продолжит ли его враг путешествие в глубь страны или вернется (а может, уже вернулся) к берегам Угамби?

В том месте, где он покинул реку, Угамби становилась узкой и пороги препятствовали судоходству. Рокову не имело смысла плыть далее по реке. Следовать направлению, которое взял Андерсен, Роков вряд ли счел бы возможным, так как пересечь материк по направлению к Занзибару было весьма затруднительно, в особенности имея на руках женщину и ребенка.

После долгих размышлений человек-обезьяна остановил свой выбор на северо-восточном направлении, на пути к восточным германским колониям. Прекрасным солнечным утром он подошел к туземной деревне. Ее обитатели при виде Тарзана обратились по обыкновению в бегство. Тарзану удалось схватить одного молодого воина. Негр был до такой степени перепуган, что бросил оружие и, упав на колени, смотрел на обезьяну-человека как на самую судьбу или всемогущего демона.

С большим трудом удалось Тарзану успокоить молодого человека. В конце концов он узнал, что несколько дней назад через деревню проходила компания белых. Эти белые говорили, что их преследует страшный белый дьявол, и советовали туземцам держаться настороже, потому что «белый дьявол» шел в сопровождении ужасной шайки демонов. Чернокожий юноша, напуганный этими рассказами, счел Тарзана именно за «белого дьявола».

Во всей этой истории Тарзан усмотрел военную хитрость Рокова; последний, очевидно, всеми средствами старался затруднить погоню и возбудить против него туземцев. Молодой воин проговорился, что белый человек с черной бородой обещал неграм большую награду, если они убьют «белого дьявола».

Видя, что человек-обезьяна не замышляет ничего дурного, туземец повел Тарзана в деревню, сзывая по дороге своих товарищей.

Предводитель вернулся в деревню одним из первых, и его-то больше всего и хотел расспросить Тарзан. Это был маленький толстый мужчина с длинными обезьяноподобными руками. Лицо его не обещало ничего доброго: на нем лежал отпечаток лживости и низости. Только суеверный страх, вызванный сказками о белом дьяволе и демонах, удерживал его от желания немедленно кинуться на Тарзана с самыми кровожадными намерениями. Это был закоренелый отъявленный людоед, равно как и все его племя.

Тарзан подробно расспросил предводителя и, сравнив его пояснения с показаниями молодого воина, убедился, что Роков и сафари* скрылись в паническом страхе по направлению к далекому восточному берегу.

Предводитель, М'ганвазам, правда, отрицал присутствие белой женщины и ребенка в этой партии, но Тарзан был убежден, что он лжет.

Тарзан попросил поесть, но получил еду лишь после весьма длительных переговоров и колебаний. Во время завтрака он старался выведать что-либо еще у других находящихся здесь дикарей, но присутствие М'ганвазама парализовало им язык. Подозревая, что жители поселка знают о намерениях Рокова и судьбе Джен гораздо больше, чем говорят об этом, Тарзан решил переночевать в деревне, надеясь получить какие-либо важные подробности.

Когда он сказал предводителю о своем желании, то был удивлен резкой переменой, происшедшей в обращении с ним чернокожего вождя. Вместо прежнего подозрения и недоброжелательства М'ганвазам стал проявлять льстивую предупредительность и любезность.

Обезьяне-человеку предложили лучшую хижину в деревне, откуда прогнали главную жену М'ганвазама, а сам предводитель перебрался временно в хижину младшей жены.

Если бы Тарзан вовремя вспомнил о награде, которая была обещана за его убийство, он понял бы роковое значение этой перемены в обращении М'ганвазама.

Человек-обезьяна обыкновенно избегал ночевать в

* Сафари — носильщики.

туземных хижинах из-за присущего им зловония, дыма и чада, но на этот раз решил сделать исключение в надежде поговорить с каким-нибудь молодым негром, чтобы узнать от него всю правду. Поэтому Тарзан довольно любезно принял приглашение старого М'ганвазама, заявив, однако, что ему больше нравится ночевать в хижине молодых воинов да и жаль выгонять на холод жену предводителя.

Беззубая старуха супруга предводителя была очень довольна. Поэтому ее повелитель не настаивал на своем предложении, тем более что желание Тарзана только помогало привести зловещий план в исполнение.

Тарзана поместили в хижину близ деревенских ворот. В эту ночь устраивались пляски в честь вернувшихся охотников, и все молодые воины, по словам М'ганвазама, горят стремлением отличиться на празднике.

Как только человек-обезьяна был приведен в хижину, М'ганвазама созвал к себе молодых воинов и приказал им провести ночь в обществе белого дьявола. Те особой радости не изъявили, но слово М'ганвазама являлось законом, и тут уж противиться, конечно, не приходилось.

М'ганвазам собрал опытных воинов у костра и шепотом сообщил им план убийства. Старая женщина, которая благодаря Тарзану осталась на ночь в своей хижине, подошла к костру, якобы для того, чтобы подбросить дров, на самом же деле — подслушать речи заговорщиков. Старуха не вызвала никаких подозрений.

Несмотря на оглушительный шум и гвалт праздника, Тарзан заснул крепким сном. Проспав около двух часов, он почувствовал, что в хижину кто-то вошел. Огонь в очаге потух, кругом царил глубокий мрак. Однако человек-обезьяна был уверен, что кто-то крадется к нему впотьмах. Это не мог быть воин, возвращающийся с праздника, потому что праздник еще продолжался: дикие крики и шум тамтама по-прежнему доносились с улицы. Кто же бы мог это быть?

Тарзан-обезьяна вскочил и бесшумно и легко отпрыгнул в противоположную сторону хижины, держа наготове копьё.

— Кто подкрадывается ко мне? Кто ползет, как голодный зверь? — спросил он.

— Тише, бвана! — прозвучал старческий голос.—

Это старая Тамбуджа, которую ты не захотел выгнать на холод из ее хижины.

— Что хочет Тамбуджа от меня?

— Ты был ко мне добр,— ответила старуха,— потому и я хочу сделать тебе добро. Я пришла предупредить тебя.

— Предупредить? О чем?

— М'ганвазам приказал нескольким молодым воинам лечь спать в твоей хижине. Они придут поутру, когда пляски кончатся. Если ты будешь спать, М'ганвазама приказал тотчас убить тебя. Если застанут бодрствующим — будут ждать, пока не заснешь, и тогда набросятся на тебя. М'ганвазам хочет получить награду, которую обещал за тебя белый человек.

— Я совсем забыл про награду,— промолвил Тарзан про себя. И добавил:

— Но как же М'ганвазам надеется получить награду, если белые ушли, и он даже не знает, где они теперь находятся?

Тамбуджа возразила:

— Они недалеко отсюда и идут медленно. Наши гонцы могут легко догнать их.

— А где они теперь?

— Я не могу объяснить тебе, где их лагерь, но могу отвести тебя туда.

Занятые разговором, собеседники не заметили, как в хижину прокрался какой-то мальчуган и так же бесшумно и незаметно выскользнул. Это был маленький Булао, сын предводителя от одной из его младших жен — мстительный, скверный мальчишка, всегда шпионивший за Тамбуджей и наушничавший отцу.

— Так пойдем же скорее! — воскликнул Тарзан.

Этих последних слов Булао не слышал, так как уже бежал со всех ног по деревенской улице на площадь, где его свирепый родитель пил туземное пиво и восхищался танцами. Воины дико орали, кружились и высоко прыгали, размахивая копьями. Тамтам и три барабана аккомпанировали пляске.

Когда Тарзан и Тамбуджа осторожно вышли из деревни и скрылись во мраке джунглей, почти одновременно с ними два стройных и легких черных гонца отправились в том же направлении, хотя и по другой дороге.

Через некоторое время, отойдя достаточно далеко

от деревни, Тарзан спросил старуху, видела ли она сама белую женщину и ребенка?

— Да, бвана,— ответила Тамбуджа.— Я видела их: белую женщину и маленького ребенка. Ребенок умер от лихорадки, и его похоронили в деревне...

XII

Черный негодяй

Когда Джен Клейтон пришла в себя после продолжительного обморока, ее снова охватило отчаяние. Она с ужасом и тоской смотрела на Андерсена, который держал на руках ребенка.

— Что с вами? — спросил он.— Вы больная?

— Где мой сын? — закричала несчастная женщина.

Андерсен протянул ребенка, но Джен покачала головой:

— Это не мой сын, вы это прекрасно знаете! Вы такой же негодяй, как и Роков.

Маленькие глазки Андерсена расширились от удивления.

— Не ваша сын? — спросил он.— Вы сам сказала, что ваша ребенок на «Кинкэде».

— Это не мой ребенок! — печально возразила Джен.— Где же мой?

— Там не будь другая ребенка. Я тумаль, этот ваша. Я очень жаль.

Андерсен беспокойно переступал с ноги на ногу. Было очевидно, он действительно не знал, что ребенок подменен.

Младенец на руках Андерсена запищал и потянулся ручонками к молодой женщине. Никакая мать в мире не может противостоять этому призыву! И, схватив чужого ребенка, Джен прижала младенца к груди и, спрятав свое лицо в детском платице, тихо заплакала.

Слезы немного облегчили ее. После первого сильного потрясения, вызванного разочарованием, в ней пробудилась надежда: может быть, в последнюю минуту перед отходом «Кинкэда» из Англии каким-то чудом Джек вырван из рук Рокова и подменен этим ребенком?

— Вы не знаете, чье это дитя? — спросила Джен.

Швед покачал головой:

— Если ета не ваша сын, я не знаю, чей ета ребен-

ка. Мистер Роков говорила, ета ваша сын! Я не могу ходить на «Кинкэд»: Роков меня убиваль! Но вы может туда ходить: я вас буду проводиль до моря, а там чернокожий возиль вас до «Кинкэд»!

— Нет, нет! — закричала Джен.— Ни за что на свете! Лучше умереть, чем опять попасть в руки этих негодяев. Нет, пойдемте дальше и возьмем с собою этого ребенка. С божьей помощью мы отыщем моего Джека!

* * *

И они пустились в дальнейший поход через дикую страну!

С ними шло шесть туземцев. Сафари несли провизию и палатки, захваченные предусмотрительно Андерсеном с «Кинкэда». Дни и ночи непрерывных мучений, которые переживала молодая женщина, слились для нее в один непрерываемый кошмар. Она потеряла всякий счет времени. Единственным утешением в этой жизни, полной непрерывных страхов и страданий, был ребенок, к которому Джен успела привязаться. Он до некоторой степени заполнил пустоту в ее сердце. Джен нашла существо, на которое могла изливать свою материнскую любовь. Иногда она закрывала глаза и мечтала в сладком и печальном самообмане, что ребенок у ее груди — ее собственный.

Первое время они продвигались внутрь страны чрезвычайно медленно. Из бесед с туземцами можно было предполагать, что Роков еще не напал на их след. Это последнее обстоятельство, а равно желание Андерсена облегчить молодой и нежной женщине тяготы путешествия заставляли их идти медленнее, чем следовало, и часто останавливаться на отдых.

Швед проявлял заботливость к Джен, как только мог. Он был очень огорчен и страдал от своей невольной ошибки. Джен же убедилась в его благородных побуждениях. На остановках Андерсен тщательно следил за тем, чтобы палатка для Джен и ребенка была разбита на самом удобном месте; колючая изгородь — бома, вокруг нее изготовлялась как можно прочнее и непроницаемее. Все лучшее из скромных продовольственных запасов Андерсен предоставлял ребенку. Но всего более успокаивало и трогало Джен его почтительное и вежливое с ней обращение.

Она часто удивлялась, как могло такое врожденное благородство характера скрываться под такой отталкивающей внешностью? В конце концов Джен перестала замечать его уродливость. Швед казался ей почти красивцем.

* * *

Спокойное путешествие нарушили неприятные известия.

Однажды дикари сообщили, что Роков напал на их след и находится в нескольких переходах от них. Беглецы изменили направление и повернули к реке Угамби.

Купив в деревне, лежавшей на притоке, лодку, они двинулись по притоку к Угамби, а затем поплыли вверх по реке. Достигнув места, где река перестала быть судоходной, беглецы опять вошли в джунгли.

На второй день после того, как они покинули Угамби, случилась новая беда: ребенок захворал лихорадкой. Андерсен хорошо знал, что печальный исход неизбежен, но не решался сказать это Джен, видя, что молодая женщина всем сердцем привязалась к ребенку.

Вскоре малышке стало так плохо, что пришлось сделать остановку. Андерсен разбил лагерь на лужайке, на берегу небольшой речки.

Джен ухаживала за маленьким больным, и вся была поглощена заботами. А между тем ее ожидало новое испытание. Один из черных носильщиков прибежал с известием: «белый дьявол» Роков со своим караваном находится здесь, совсем близко!

Беглецам пришлось немедленно сняться с места и спешно уходить в джунгли, несмотря на то, что ребенку становилось все хуже и хуже. Джен Клейтон достаточно хорошо знала Рокова. Она была уверена, что прежде всего он постарается разлучить ее с ребенком, а это означало бы для младенца верную смерть.

Они двинулись вперед через густые заросли по старой, почти заросшей тропе. Туземные носильщики один за другим куда-то таинственно исчезли. Они служили верно и преданно только до тех пор, пока не было опасности попасть в руки Рокову. Они так много слышали о его жестокости и чувствовали к нему такой непреодолимый страх, что без малейшего угрызения совести бросили своих хозяев, как только узнали, что «белый дьявол» устремился в погоню.

Тем не менее Андерсен и молодая женщина упорно продолжали свой путь. Швед шел впереди, чтобы прорубать дорогу в тех местах, где тропа совершенно заросла, молодая женщина с ребенком держалась сзади.

Так шли они весь день, а к вечеру поняли, что усилия спастись напрасны. Ветер донес голос приближавшегося каравана. Скорбные, изнемогшие от усталости и волнения, беглецы остановились. Андерсен посоветовал Джен приютиться позади большого дерева и тщательно укрыл ее и ребенка сухим валежником и травой.

Оставив ей на всякий случай ружье и сумку с патронами и немного пищи, швед посоветовал леди Клейтон после прохода каравана Рокова искать убежища в деревушке на расстоянии одной мили отсюда, а затем пройти обратно к устью Угамби и ждать попутного парохода, на котором можно вернуться на родину.

— А теперь прощайте, леди! — сказал Андерсен. — Желаю вам счастья!

И он протянул руку.

— Но куда же вы идете, Свен? — спросила удивленная Джен. — Почему вы не хотите тоже спрятаться здесь?

— Я хочу сказать Рокову, что вы умирали, и он больше вас не искал! — ответил швед.

Джен воскликнула:

— Но вы идете на верную смерть! Остановитесь! Мы найдем какой-нибудь способ к побегу!

— Это не помогут! — возразил Андерсен. — Они нас оба будут поймать, и тогда я не могу вам ничего сделать, леди.

Указав на тропинку, по которой они только что пришли, швед посоветовал хранить полное молчание и тишину.

Через мгновение он уже шел спокойно и уверенно по этой тропинке навстречу приближающемуся каравану Рокова. Она следила за ним, пока поворот тропы не скрыл его силуэт...

Первым побуждением Джен было бежать за ним, возвратить ружье или уговорить вернуться. Ей было до отчаяния жаль шведа, да и мысль остаться одной, без друга, в страшных африканских джунглях ужасала ее.

Джен тихонько приподнялась, чтобы вылезти из своего убежища. Прижав ближе ребенка, она взгляну-

ла на личико. Оно было багрово-красного цвета. Ребенок горел, как в огне.

С криком ужаса Джен Клейтон вскочила на ноги. Ружье и сумка с патронами остались лежать забытыми под валежником. Джен забыла все: и Андерсена, и Рокова, и страшную опасность, которая ей угрожала. Ее мозг сверлила одна мысль: ребенок захворал страшной тропической лихорадкой. Нельзя терять ни минуты! Скорее в деревню, к жилью, к людям, где может найтись хоть какое-нибудь целебное средство! Взяв на руки ребенка, леди Клейтон побежала по тропинке, которую указал Андерсен.

Далеко позади раздались крики и выстрелы, а затем наступила тишина. Новая тоска сжала сердце: выстрел означал, что Андерсен встретился с Роковым.

Полчаса спустя, еле держась на ногах от усталости, Джен добежала до маленькой деревушки. Навстречу высыпала целая толпа: мужчины, женщины, дети. Любопытные туземцы засыпали вопросами: кто она, что ей надо, что с ней случилось? Увы, Джен не знала языка. Она только с ужасом указывала на жалобно стонавшего ребенка и повторяла: «Лихорадка, лихорадка!»

Чернокожие не поняли ее слов, но одна молодая негритянка догадалась, что ее ребенок болен. Она схватила Джен за руку и потащила к себе в хижину. Женщины окружили Джен и всячески старались успокоить ее.

Позвали знахаря, который развел в хижине огонь, повесил над ним глиняный небольшой горшок и начал варить странное зелье, делая магические жесты и бормоча монотонные заклинания. Затем он опустил в горшок хвост зебры и обрызгал им лицо ребенка.

После ухода лекаря негритянки уселись в круг и начали вопить-причитать. Джен думала, что сойдет с ума, но, зная, что все это проделывалось женщинами из добрых побуждений, молча и терпеливо переносила ночной кошмар.

Около полуночи в деревне началось внезапное оживление, доносились голоса спорящих туземцев. Вскоре слышались приближающиеся к хижине шаги. Джен сидела, скорчившись, на полу около огня, держа ребенка на коленях. Младенец лежал тихо, с полукрытыми закатившимися глазами. Дыхания почти не слышалось.

Леди Клейтон с тоскою смотрела на маленькое личико. Это не был ее ребенок, это не была ее плоть и кровь, и все же как дорог и близок стал ей бедный безвестный мальчик.

Смерть приближалась. Несмотря на свое горе, Джен считала ее приход благодетельным, потому что смерть прекращала мучения маленького страдальца!

Шаги остановились у дверей. Минуту спустя вошел М'ганвазам, предводитель племени. Джен мельком видела его накануне вечером. К ней наклонилось зверское раскрашенное лицо дикаря, в котором не было ничего человеческого. Джен показалось даже, что он больше походит на гориллу, чем на человека.

Дикарь попробовал объяснить с ней, но, видя безуспешность попыток, обернулся к двери и кого-то позвал. В хижину вошел негр, судя по внешности, принадлежавший к другому племени. Он понимал по-английски и мог служить переводчиком.

С первого же вопроса Джен почувствовала, что дикарь допрашивает ее с какой-то определенной, покуда еще не понятной целью. Он выказывал особый интерес к ее намерениям, расспрашивал, с какой целью и куда она путешествовала и как оказалась в его деревне?

Не видя причин скрывать правду, леди Клейтон рассказала все как есть. На вопрос, не условливалась ли она встретиться с мужем именно в этой деревне, покачала отрицательно головой.

Тогда предводитель изложил при помощи переводчика главную цель своего визита.

— Я только что узнал, — сказал он, — от людей, живущих на берегу Угамби, что ваш муж шел вдогонку за вами вверх по реке, но негры недавно напали на него и убили. Я это говорю затем, чтобы вы не теряли времени на розыски мужа; лучше возвращайтесь назад к реке. Вам больше нечего делать в этой стране!

Джен шепотом поблагодарила М'ганвазама. У ней не хватало голоса. Ее сердце окаменело от нового удара. С опущенной головой сидела она, глядя отсутствующим взглядом на ребенка. М'ганвазам беззвучно, как кошка, покинул хижину. Немного погодя снова послышался шум у входа.

Женщины-негритянки по-прежнему сидели у огня, одна из них подбросила сухих веток на догорающие уголья. Бурно вспыхнуло пламя и осветило, как по вол-

шебству, внутренность хижины. Джен Клейтон онемела от ужаса: ребенок был мертв! Когда он умер, она даже не заметила. Беззвучные рыдания подступили к горлу, голова упала на маленький сверток у ее груди.

С минуту в хижине царила полная тишина. Затем туземные женщины разразились ужасным воплем.

Мужчина, стоявший некоторое время безмолвно, кашлянул и произнес:

— Леди Клейтон!

Джен испуганно подняла глаза и увидела перед собой насмешливое лицо Николая Рокова.

XIII Бегство

Прошло несколько минут...

Роков стоял молча, с наглой усмешкой на губах, его взор упал на небольшой сверток на коленях молодой женщины. Джен прикрыла углом одеяла лицо ребенка, было похоже, что он просто спит.

— Вы, сударыня, напрасно причинили себе столько хлопот! — иронически промолвил Роков. — К чему вам было лично везти сына к людоедам? Я сам охотно доставил бы его сюда и этим избавил бы вас от опасностей и трудностей путешествия. Впрочем, я вам очень благодарен. По крайней мере, мне не пришлось возиться с вашим ребенком во время трудных и опасных переходов.

Он помолчал и после небольшой паузы продолжал с той же гаденькой улыбкой:

— С самого начала я предназначал вашего сына именно для этой деревни, надеясь, что М'ганвазам сделает из него храброго людоеда. Если леди Грэйсток удастся вернуться в Англию, ей, без сомнения, будет приятно знать, что ее сын в полной сохранности живет здесь, в избранном людоедском обществе. Еще раз от всей души благодарю вас, леди Грэйсток, за любезную доставку вашего сына к каннибалам. А теперь должен просить вас вручить его мне, чтобы передать приемным родителям.

Роков цинически усмехнулся и протянул руки к ребенку.

К его удивлению, Джен Клейтон встала и без еди-

ного слова протеста протянула маленький сверток.

— Возьмите его! — сказала она. — Слава богу, теперь он уже не в вашей власти!

Сразу поняв значение этих слов, Роков скинул одеяло с лица мертвого ребенка.

Все эти дни Джен ломала себе голову над вопросом, знал ли Роков о том, что ребенок подменен? Теперь ее сомнение рассеялось при виде злобы, перекосившей лицо негодяя, который не мог скрыть своей досады.

Он бросил трупик ребенка обратно на руки Джен, топнул ногой и стал расхаживать взад и вперед по хижине. Не желая и не умея сдерживаться, Роков ругался и размахивал кулаками. Наконец, он остановился перед молодой женщиной

— Вы смеетесь надо мной! — закричал он. — Думаете, вы меня победили? Вздор! Я покажу вам, что значит иметь дело с Николаем Роковым. Я лишился ребенка, которого предназначал в сыновья к каннибалу, но... — Он сделал паузу для того, чтобы придать весу дальнейшим словам: — Но я могу вместо этого сделать мать ребенка женой каннибала и, клянусь мощами святого Петра, я это сделаю! Но только после того, как получу от вас то, что мне хочется!

Если он думал возбудить в Джен ужас, то жестоко ошибся. Она была выше угроз: ее рассудок и нервы до того притупились, что уже не воспринимали больше страданий и горя. К крайнему его удивлению, он заметил на лице молодой женщины довольную улыбку. Она в душе торжествовала: этот бедный маленький мертвец был совершенно чужим ей, а Роков даже не подозревал! Она, конечно, с радостью бросила бы ему правду в лицо, но пусть будет так! — лучше, так безопаснее Джеку, где бы он сейчас ни был.

Нет, Роков никогда не узнает, что это чужой ребенок!

Джен прекрасно сознавала, что ее положение со смертью Андерсена стало не просто плохим, а, пожалуй, безнадежным. Роков угрожал ей не попусту! Он, конечно, постарается исполнить свою угрозу. Ей оставалось одно: найти способ покончить с собою раньше, чем Роков осуществит постыдный план.

Но для этого требовалось время, нужно было все обдумать и приготовиться к смерти. Она также знала, что не сможет сделать этого последнего и решительно-

го шага, не испробовав всех способов и возможностей побега. Она не дорожила жизнью, но в ней теплилась надежда, что каким-нибудь образом она сможет вернуться к сыну, к своим материнским обязанностям. В то же время леди Грэйсток твердо решила, что не задумается при выборе двух вариантов — Николай Роков или самоубийство!

— Ступайте прочь! — гневно крикнула она. — Оставьте меня с умершим ребенком. Разве вы еще недостаточно причинили страданий и горя? Что я вам сделала? За что вы продолжаете преследовать меня?

— Вы страдаете за человека-обезьяну, любовь которого вы предпочли любви джентльмена! — ответил он. — Но не будем об этом говорить. Мы сначала похороним вашего ребенка, затем вы пойдете в мой лагерь, а завтра утром я передам вас очаровательному М'ганвазаму.

Позвав несколько чернокожих, Роков проводил Джен за деревню. Там под большим деревом негры вырыли маленькую могилу. Завернув трупик в одеяло, Джен бережно положила его в приготовленную яму и, встав на колени, произнесла тихую молитву над безвестным младенцем.

Спокойная, с сухими глазами, она встала и последовала за своим мучителем в глубокий мрак джунглей по узкой тропе, которая соединяла деревню Ваганвазама с лагерем международного проходимца и мошенника Николая Рокова...

Тропа представляла собою как бы узкий коридор, стены которого составляют густые заросли, переплетающиеся сверху и не пропускающие лунного света. Молодая женщина слышала, как трещит валежник под ногами крупных зверей, до ее слуха доносилось глухое рычание охотившегося льва, похожее на гром, от которого дрожала земля.

Носильщики зажгли связки тростника и размахивали ими, чтобы напугать хищников и держать их на почтительном расстоянии. Роков торопил людей, и по его дрожащему голосу Джен поняла, что он трусит.

Ночные звуки джунглей вызвали у ней воспоминание о тех днях и ночах, которые она проводила в подобных лесных зарослях со своим лесным богом — бесстрашным и непобедимым Тарзаном из племени обезьян. Как чудесно все изменилось бы, если бы только

Джен знала, что он тоже здесь, в этой дикой стране, и ищет ее! Тогда было бы ради чего жить и была бы надежда на помощь! Мысль, что он умер, не могла уместиться в ее сознании.

Она не могла себе представить, что это могучее тело, эти мощные мышцы навсегда оцепенели в мертвом покое. Неужели он в самом деле умер? Верить или нет? Но для неверия нет оснований. Если бы известие о смерти Тарзана принес Роков, она, конечно, сочла бы это ложью без малейшего колебания. А зачем М'ганвазаму обманывать ее?

Маленькая группка путников достигла колючей изгороди, которая окружала лагерь Рокова. Там царил непонятное смятение. Очевидно, случилось что-то особенное и притом крайне неприятное для Рокова: лицо его исказилось от злобы. Немного погодя по обрывкам разговоров Джен догадалась, что за время его отсутствия несколько человек из отряда бежали, захватив большую часть припасов и снаряжения.

Излив свою ярость на оставшихся, Роков вернулся к Джен, которую охраняли два белых матроса. Он грубо схватил ее за руку, потащил к своей палатке. Джен изо всех сил отбивалась, стараясь вырваться, а матросы стояли в сторонке, потешаясь занятым зрелищем. Взбешенный сопротивлением, Роков ударил Джен по лицу и в полусознательном состоянии втащил в палатку.

Слуга зажег лампы, а затем по знаку своего господина вышел. Джен упала на пол. Немного придя в себя, она обвела глазами внутренность помещения, не упуская из вида ни малейшей подробности.

Роков приподнял женщину с пола и потащил к походной кровати. На поясе у него висел большой револьвер. Джен ждала удобного случая овладеть оружием. Она сделала вид, что лишилась сознания, но через полузакрытые веки продолжала следить за Роковым.

Воспользовавшись ее «обморочным состоянием», Роков приподнял Джен на кровать, но вдруг какой-то шум снаружи заставил его оглянуться. Удобный случай представился: ловким и быстрым движением Джен выхватила револьвер и ударила насильника меж глаз.

Роков как сноп повалился на землю и потерял сознание. Молодая женщина легко вздохнула — она была спасена от мерзких объятий.

Шум, привлечший внимание Рокова, продолжался. Джен боялась, что сию минуту войдет слуга и увидит, что случилось. Она быстро подошла к столику и потушила чадившую лампу.

Очутившись в полном мраке, леди Клейтон стала обдумывать дальнейший план действия. Она — во вражеском лагере. За его пределами лежали дикие джунгли, населенные страшными хищниками и еще более страшными людьми. Мало шансов, что ей удастся остаться в живых, но мысль, что она уже прошла невредимой через столько опасностей и что где-то там далеко ожидает сын, придавала ей решимость. Что бы ни случилось, что бы ей ни грозило, она постарается пересечь страну ужасов и выйти к свободному океану...

Палатка Рокова стояла почти в центре лагеря, кругом нее палатки его белых спутников и туземцев. Пройти мимо них и пробраться сквозь колючую изгородь казалось задачей почти невыполнимой, но другого выхода не было.

Крадущимися шагами Джен подошла к стене палатки, ощупью поискала дверь, но не нашла. Тогда она вернулась к лежащему Рокову, отыскала за поясом нож и прорезала им полотно.

Джен с облегчением увидела, что в лагере все спали, только один часовой сидел на противоположной стороне изгороди. Стараясь идти таким образом, чтобы палатки скрывали ее от глаз часового, она подошла к колючей изгороди.

Из мрака джунглей доносились таинственные и жуткие ночные звуки, грозное рычание львов. С минуты она колебалась. Мысль о хищниках приводила ее в ужас. Здесь в темноте их голоса казались особенно страшными. Но минута колебания прошла — Джен энергично потрясла головой и начала раздирать колючую стену нежными руками. Она не обращала внимания на раны и кровь. Часовой на другом конце лагеря ничего не видел и не слышал, и она продолжала работать, пока не сделала достаточно большое отверстие, через которое могла пролезть.

И вот она уже по ту сторону изгороди. То, что осталось позади, было хуже, чем смерть. Впереди ее ожидала почти тоже верная смерть, но, во всяком случае, это была быстрая, милосердная и чистая смерть.

Без сожаления и колебания Джен отошла от лаге-

ря, и минуту спустя ее скрыла таинственная темнота джунглей.

XIV

Одна в джунглях

Тамбуджа повела Тарзана по извилистой тропе к лагерю Рокова. Шла она очень медленно, старые ноги плохо служили ей. Поэтому гонцы, посланные М'ганвазом, чтобы предупредить Рокова о прибытии Тарзана, пришли в лагерь значительно раньше. Они застали лагерь белого человека в полном смятении. Рокова нашли раненым, в бессознательном состоянии в своей палатке. Когда авантюрист пришел в себя и увидел, что леди Клейтон скрылась, то пришел в полную ярость. Вне себя от бешенства он бегал по лагерю с винтовкой и грозил пристрелить туземных часовых, по оплошности которых молодой женщине удалось бежать. В конце концов матросы обезоружили его из опасения, что и последние туземцы разбегутся от страха.

Едва посланцы М'ганвазама успели передать Рокову свое сообщение, как прибежали два других гонца. Они еле дышали от быстрого бега и, волнуясь, сообщили о страшном событии: белый великан убежал ночью от М'ганвазама и теперь идет к лагерю белых, чтобы отомстить своим врагам.

В лагере поднялась страшная тревога. Чернокожих охватил панический страх при одной мысли о близости «белого дьявола» с его бандой свирепых зверей. Этот мистический страх был так велик, что дикари попрятались где попало: в лесу, на побережье, в кустах, на деревьях. В лагере вскоре не осталось никого из негров. Несмотря на всю поспешность, чернокожие, однако, не забыли захватить из лагеря Рокова наиболее ценное.

Таким образом Роков и семь матросов были ограблены и покинуты туземными работниками. Видя безвыходное положение, Роков, как всегда, со злобой накинулся на своих спутников, обвиняя их одних во всем происшедшем. Но на этот раз матросы вовсе не были расположены сносить оскорбления и ругательства. Тиранические выходки и бешеный характер Рокова довели подчиненных до того, что они стали открыто возмущаться. Более того, один из матросов в пылу



гневных пререканий вытащил револьвер и выстрелил в Рокова. Хотя он промахнулся, но выстрел произвел на Рокова столь сильное впечатление, что он, попросту говоря, переструсил и побежал к палатке.

Но его ждало еще одно сильное ощущение. Не успел он дойти до своего убежища, как буквально оцепенел от ужаса: на опушке леса из густых зарослей появилась гигантская фигура почти обнаженного белого человека.

Роков со всех ног бросился в палатку; там в задней стене все еще оставался незащитым длинный разрез. Он выскочил наружу и исчез в джунглях, не заметив, что бежит по следам Джен Клейтон.

При виде обезьяны-человека матросы обратились в такое же паническое бегство. Тарзан, увидев, что Рокова нет среди них, не пустился за ними в погоню. Ему нужен был только Роков. Что касается матросов, то он был уверен, что в джунглях они все равно понесут справедливое наказание за свои жестокие деяния, джунгли воздадут им должное... И Тарзан не ошибся — он был последним белым человеком, который видел их на этом свете.

Тарзан вошел в палатку Рокова, но там никого не было, и человек-обезьяна, рассерженный неудачей, хотел немедленно пуститься в погоню. Помешала Тамбужа, советуя вернуться в их деревню.

— Он, наверное, там! — сказала старуха. — Пойдем туда поскорее!

Предложение старухи показалось Тарзану правдоподобным, и, вместо того, чтобы отыскивать здесь следы Рокова, он отправился с нею обратно к деревне Ваганвазам. Как сожалел человек-обезьяна, что с ним не было Мугамби, Шиты, Акуты — его команды. Вот когда пригодилась бы их помощь!

Конечно же, в деревне он не нашел и признаков пребывания ни Джен, ни Рокова. Зная лживость предводителя, он не стал терять времени на бесплодные расспросы и поспешил обратно к покинутому лагерю, чтобы отыскать там хоть какие-нибудь следы. Тщательно обойдя вокруг колючей изгороди, он нашел кое-что такое, что привлекло его внимание.

Изгородь в одном месте была разломана и разорвана, и по некоторым признакам можно было предположить, что кто-то пролез через это отверстие. Превосходно развитое чувство обоняния подсказало Тар-

зану, что те двое, кого он ищет, бежали из лагеря и притом в одном направлении. Минуту спустя он пошел по той же дороге, отыскивая следы на земле.

* * *

В это время вдали от лагеря, в глухих зарослях девственного леса, пробиралась по узкой тропе объятая ужасом молодая женщина. Каждую минуту она боялась очутиться лицом к лицу с диким зверем или с таким же диким человеком. Она шла по узкой тропе наугад, надеясь, что тропинка приведет ее к большой реке. И вдруг остановилась в недоумении: окружающая местность показалась странно знакомою. Что это значит?

По одну сторону тропы, под гигантским деревом, лежала куча валежника. Джен с минуту подумала, и внезапно в ней проснулось воспоминание: да ведь здесь ее спрятал Андерсен! Здесь швед отдал свою жизнь после бесплодной попытки спасти ее от посягательств негодяя! Да! Этого места в джунглях ей никогда не забыть — на всю жизнь оно врезалось в память.

При виде валежника Джен вспомнила о винтовке и патронах, которые ей оставил в последнюю минуту преданный швед. Ее рука все еще сжимала револьвер, выхваченный у Рокова. Револьвер, конечно, хорошая защита, но в нем только шесть зарядов. А это слишком мало для ее длинного пути к океану.

С замиранием сердца просунула Джен руку под валежник. Там ли клад, оставленный ею? К великой своей радости, она нащупала ствол ружья и сумочку с патронами. Джен повесила сумку через плечо и взяла наперевес тяжелую винтовку. Вооруженная таким образом, женщина почувствовала себя увереннее и с новой надеждой на успех продолжала свой путь.

Ночь беглянка провела на деревьях, а рано утром отправилась дальше. Пересекая небольшую поляну, Джен чуть было не наткнулась на громадную обезьяну, которая вышла из джунглей. Молодая женщина догадалась встать так, чтобы очутиться против ветра. Она успела спрятаться в густом кустарнике и держала наготове свою винтовку.

Чудовище медленно двигалось по полянке, время от времени обнюхивая землю — как бы отыскивая

чьи-то следы. И еще не успел этот гигантский антропид сделать несколько шагов, как из чащи показался второй такой же, а затем еще и еще, и вскоре перед испуганной молодой женщиной предстали целых пять свирепых зверей.

К ее удивлению, обезьяны, словно в нерешительности, остановились посреди поляны. Они собрались в кучу и оглядывались назад, как бы ожидая еще кого-то.

Джен страстно молила богов, чтобы звери ушли как можно скорее. Каждую минуту случайный ветерок мог донести ее запах до обезьян, и тогда никакое ружье не помогло бы. Ей показалось, что она поняла, почему обезьяны толпятся здесь на лужайке, они словно прятались от кого-то. Очевидно, их выслеживал хищник... И, действительно, через несколько минут Джен увидела гибкую пантеру: громадная кошка бесшумно выскользнула из джунглей. Но каково же было удивление Джен, когда пантера, вместо того чтобы кинуться на обезьян, близко подошла к ним и, усевшись рядом, стала со спокойно-заботливым видом облизываться! Еще через несколько минут удивление Джен сменилось уже страхом: из джунглей появился высокий чернокожий. Она была уверена, что через секунду от человека останутся одни клочья. Но черный человек спокойно подошел к странной компании и, что еще страннее, заговорил с ними...

Вскоре все это диковинное общество двинулось дальше и скрылось в противоположной стороне джунглей. Со вздохом облегчения вскочила Джен на ноги и постаралась как можно дальше убежать от страшной банды; она ничего не понимала, и вскоре ей стало казаться, что она просто видела странный сон...

* * *

На той же дороге, за полмили отсюда, другой человек лежал на земле полумертвый от страха. Он прятался за огромным муравейником все от той же банды. Это был Роков. Для него звериное сообщество не было ни новостью, ни загадкой. Он узнал страшных союзников Тарзана. И как только звери прошли мимо него, Роков со всех ног бросился бежать, держа направление к берегам Угамби.

Туда же шла и Джен. Когда она добралась, на-

конец, до реки, Роков был так близок к ней, что они могли встретиться каждую минуту.

На берегу молодая женщина увидела большой челн, наполовину вытащенный на берег и привязанный к дереву.

Такая желанная находка! Если бы только удалось спустить челн в воду! Появится реальный шанс добраться до океана. Отвязав веревку, Джен схватила за нос челна; толкая и раскачивая ладью, она старалась столкнуть ее в воду, но все усилия были напрасны.

Тогда ей пришло в голову утяжелить корму и раскачивать челн до тех пор, пока он не соскользнет в воду.

Она нашла несколько тяжелых обрубков, с большим трудом подкатила их к челноку и уложила на корме. И с радостью заметила, что челн стал действительно опускаться в воду.

Леди Клейтон была так занята тяжелой работой, что не заметила, как неподалеку от нее появился какой-то мужчина. Он следил за молодой женщиной, и на его смуглом лице играла хитрая, недобрая усмешка.

Челн был уже в воде. Джен вскочила в него, положила туда же ружье и сумку и уже хотела оттолкнуться веслом от берега. Вдруг в глаза ей бросилась неизвестно откуда появившаяся фигура. Легкий крик ужаса вырвался у молодой женщины: перед ней стоял Роков.

Леди Клейтон ничего не знала о неудачах, постигших Рокова. Она была убеждена, что при нем есть оружие и он не один. Лучше смерть, чем то, что ее ожидает. Еще минута, и челн понесется по волнам! Только бы попасть на середину реки, а там она уже вне власти Рокова. На берегу нет другой лодки, и ни один человек, тем более такой трус, как Роков, не решится броситься вплавь в реку, кишашую крокодилами.

Роков был, в сущности, всего более поглощен своим бегством. Он охотно отказался бы от всех своих честолюбивых притязаний и даже наобещал бы Джен что угодно, только бы она позволила ему воспользоваться драгоценной лодкой. Он подбежал к самой воде и протянул руку, чтобы схватить нос судна. Но в эту минуту Джен напрягла все силы и оттолкнула челн от берега. Слава богу, она спасена!

Но не успела Джен опомниться, как увидела торжествующую улыбку на хитром лице Рокова. Тот быстро

нагнулся и с ликующим видом поднял оставшийся на берегу конец веревки, которой челн был привязан к дереву.

Джен с широко раскрытыми от ужаса глазами смотрела на Рокова. В последнюю минуту, когда казалось, все шло благополучно, ее опять постигла неудача и она оказалась во власти негодяя.

XV ВНИЗ ПО УГАМБИ

На полдороге между Угамби и деревней Ваганвазам Тарзан встретился со своей дикой командой, которая неотступно шла по его старым следам. Мугамби едва мог поверить, что Роков и жена его господина прошли так близко от звериной команды. Ему казалось совершенно невероятным, чтобы два человеческих существа могли пройти мимо них, не будучи замеченными чуткими зверями. А между тем следы неопровержимо доказывали это.

Тарзан, однако, сразу определил, что Джен и Роков шли порознь. След ясно указывал, что молодая женщина шла сначала впереди на большом расстоянии от Рокова, но тот быстро настигал свою жертву.

Он был убежден, что беглецы здесь, совсем неподалеку. Тарзан, опережая свою команду, несясь по деревьям, перебрасываясь с ветки на ветку, и вышел к берегу как раз в том месте, где Роков догнал Джен. На песке виднелись ясные отпечатки следов тех двух людей, которых он искал, но ни лодки, ни людей не было.

Тарзан не сомневался, что они уплыли по реке в туземном челноке. Зоркий глаз обезьяны-человека быстро сориентировался на местности. Вдали, где река делала изгиб, Тарзан увидел челн, плывущий у берега под тенью густо нависших деревьев. На корме виднелась фигура мужчины.

Вышедшая на берег звериная команда увидела, как ее предводитель проворно помчался по болотистому грунту, перепрыгивая с кочки на кочку, к небольшому мысу на повороте реки.

Тяжелые неповоротливые обезьяны не могли идти по вязкому берегу; Шита тоже не любила такой ходь-

бы. Поэтому они пошли в обход по лесу. Мугамби последовал за ними.

После получасового быстрого бега Тарзан достиг мыса. Отсюда открывался далекий вид на извилистую реку. И на ее светлой поверхности Тарзан сразу увидел челн и в нем Николая Рокова. Роков был один.

При виде своего заклятого врага широкая полоса на лбу человека-обезьяны побагровела от гнева, и он испустил страшный звериный крик обезьяны-самца. Роков содрогнулся при этом зловещем крике. Прижавшись ко дну лодки, стуча от ужаса зубами, он, не отрываясь, смотрел на человека, которого боялся больше всего на свете.

Находясь в челне, на середине реки, Роков считал себя в безопасности, но уже один вид Тарзана приводил его в трепет. Трудно описать, что случилось с ним, когда он увидел, что белый гигант бесстрашно нырнул в жуткие волны тропической реки и поплыл к лодке...

Рассекая волны быстрыми движениями рук, человек-обезьяна приближался к плывущему по течению челноку. Роков схватил лежащее на дне весло и, дико глядя на своего преследователя, гнал что было сил неповоротливый челн.

А с противоположного берега на обнаженного пловца уже надвигалась зловещая рябь.

Тарзан достиг кормы судна. Вытянув руку, он схватился за борт. Роков сидел не шевелясь, словно парализованный ужасом...

Что-то плеснуло за спиной у Тарзана. Он недоумевающе обернулся и увидел предательскую рябь. И мгновенно понял, что это значит. В ту же минуту могучие челюсти обхватили его правую ногу. Человек-обезьяна рванулся, стараясь освободиться от смертельной хватки и влезть в челн. Страшная боль мутила сознание. Роков вскочил и тяжелым веслом изо всех сил ударил своего врага по голове... Руки человека-обезьяны соскользнули с лодки, и он погрузился в воду.

На поверхности реки закипела и угасла недолгая борьба... Запенилась в круговороте вода, всплыли пузыри, разошлись сглаживаемые течением круги. И этот водоворот, и эти пузыри отметили место, где Тарзан из племени обезьян скрылся в зловещих водах Угамби...

Подкошенный пережитыми волнениями и смертельной усталостью, Роков в изнеможении повалился на дно лодки. В первый момент он не мог дать себе даже отчета о случившемся. Потом, поняв все значение выпавшей на его долю удачи, торжествуя улынулся. Но радость его была непродолжительной. Едва у него мелькнула мысль о том, что теперь можно считать вполне безопасным дальнейшее путешествие до океана, как с берега донесся дикий рев.

Роков оглянулся: на берегу, в густой листве, сверкали устремленные на него злые глаза пантеры, позади выглядывали страшные обезьяны, а впереди этого кошмарного звериного воинства чернела мощная фигура чернокожего гиганта, который выразительно грозил Рокову кулаком...

Это было какое-то сумасшедшее бегство вниз по Угамби... Фантастическая орда гналась за лодкою Рокова днем и ночью. Иногда преследователи шли почти наравне с ним, иногда на время пропадали в лабиринте джунглей, чтобы вновь появиться с воплями гнева, угрозами, с шелканьем клыков и диким воем. Это путешествие превратило крепкого, здорового Рокова в изнуренного, седого, полубезумного старика...

Он плыл мимо населенных поселков. Неоднократно туземные воины пытались в своих челнах перехватить его. Но всякий раз из джунглей появлялась страшная команда и отгоняла испуганных чернокожих обратно на берег.

Нигде на своем пути Роков не встречал следов леди Клейтон. Он не видел ее с того момента, когда схватил конец веревки, привязанной к лодке, и смеялся от радости, что она опять находится в его власти. Но это был лишь один момент. В следующую же секунду молодая женщина схватила со дна челна ружье и прицелилась ему в грудь...

Быстро выпустил он тогда веревку, и челн с Джен уплыл вниз по течению. Он же побежал по берегу вверх по реке к устью маленького притока: там была спрятана лодка, в которой он и его люди плыли во время преследования Андерсена и Джен.

Что случилось с молодой женщиной? Роков не сомневался, что она попала в руки дикарей в какой-нибудь из деревень, мимо которых плыла к океану.

Добравшись, наконец, до устья Угамби, Роков воспрял духом: там на желтых водах бухты стоял на якоре «Кинкэд». Перед своей поездкой вверх по реке Роков отослал пароход грузиться углем, оставив его на попечение Павловича. И вот везение — корабль уже вернулся и, груженный, стоял на рейде.

Усиленно начал он грести к пароходу, время от времени громко крича, чтобы привлечь внимание экипажа. Тщетно: палуба оставалась молчаливой. Что случилось с теми, кого он оставил на «Кинкэде»? Где Павлович? Неужели судно брошено экипажем? Неужели ему, пережившему все эти кошмарные дни и ночи, предстоят новые испытания? Роков вздрогнул; ему вдруг почувствовалось дыхание смерти.

Однако он продолжал грести, и, спустя короткое время, нос челна стукнулся о борт парохода. На одной стороне свешивалась веревочная лестница. Когда Роков обеими руками схватился за нее, то услышал с палубы грозный предостерегающий окрик и, подняв голову, увидел холодное, безжалостное дуло ружья.

* * *

После того, как Джен насмерть перепугала на берегу Угамби своей винтовкой Рокова и ей удалось благодаря этому «жесту» ускользнуть в челноке от его преследования, она все время держалась самой быстрины течения.

Все эти длинные дни и тяжелые ночи она держала неустанную вахту. Только в самые жаркие часы ложилась на дно лодки, прикрыв лицо большим пальмовым листом, и отдавалась течению. Это были ее единственные часы отдыха, в другое же время она гребла, стараясь увеличить быстроту движения. Напротив, Роков, плывя следом за ней по той же реке, держался все время в струе более слабого течения, так как он старался уклоняться как можно дальше от того берега, по которому шли его страшные преследователи, и часто попадал в тихие заводи. Таким образом, хотя Роков и отплыл вниз по Угамби почти одновременно с Джен, она достигла бухты двумя часами раньше. Увидя сто-

явший на якоре пароход, леди Клейтон невольно прослезилась от радости и надежды. Но радость сменилась тяжелым раздумьем, когда она увидела, что это «Кинкэд», тот самый «Кинкэд», на котором она уже перенесла столько испытаний!

В душе, однако, теплилась надежда, что теперь, когда Рокова там нет, ей удастся уговорить экипаж отвезти ее за большое вознаграждение в ближайший цивилизованный портовой город. Во всяком случае, стоило пойти на риск — только бы добраться до парохода!

Течение быстро несло лодку вниз по реке, и она почувствовала, что только при напряжении всех сил ей удастся подгрести к «Кинкэду». Она рассчитывала, что с парохода помогут ей, но, к ее удивлению, на борту не было даже признака жизни.

Челн несся все ближе и ближе к носу парохода, а между тем никто не окликал ее. Еще минута, и ее отнесет за пароход и, если не спустят шлюпки, течение унесет в океан.

Джен громко позвала на помощь, но в ответ послышался только пронзительный рев зверей из окрестных джунглей. Молодая женщина изо всех сил налегла на весла, но челн упрямо относилось в сторону. Однако в самую последнюю минуту ладья попала в струю водоворота — в одну из тех крутящихся пучин, которых так много в устье быстрой реки, и та стремительно откинула ее к пароходу. Джен успела ухватиться за якорную цепь. Прикрепив конец лодочной веревки к цепи, она пустила челн вдоль борта, пока он не очутился под спускавшейся с борта веревочной лестницей.

С перекинутым через плечо ружьем леди Клейтон ловко вскарабкалась на палубу парохода. Первым ее делом было осмотреть корабль. Она держала ружье наготове, не без основания опасаясь ловушки. Вскоре Джен поняла, почему пароход казался покинутым: в кубрике она наткнулась на двух мертвецки пьяных матросов, которым, очевидно, была поручена охрана судна.

Содрагаясь от отвращения, Джен поспешила взобраться наверх и плотно прикрыла люк над спящими матросами.

Затем леди Клейтон отправилась на поиски еды: нашла на кухне провизию и, утолив голод, заняла на палубе караульный пост с ружьем в руках. Она реши-

ла, что никто против ее воли не причалит к борту «Кинкэда».

Прошло около часа. Ничто не показывалось на реке, что могло бы вызвать у ней тревогу, но вот в излучине реки появился челн. На нем виднелась фигура мужчины. Челн приблизился к пароходу, Джен узнала Рокова и направила на него дуло ружья...

* * *

Увидя, кто целит в него из винтовки, Роков пришел в неопишемую ярость. Он всячески грозил Джен, осыпая ее ругательствами. Видя, что угрозы не действуют, переменял тон, начал умолять ее и соблазнять разными обещаниями. На все уговоры Джен отвечала одно: никогда Рокову не быть на том же пароходе, где она, а при первой же попытке взобраться по лестнице его ждет смерть.

Не видя другого выхода из положения, Роков решил было, рискуя каждую минуту быть отнесенным в открытое море, высадиться на берег, но вовремя вспомнил, что там сторожит его страшная команда.

К вечеру молодая женщина была сильно встревожена доносившимися с моря криками. Кричал Роков. Джен выглянула за борт и с ужасом увидела приближающуюся к «Кинкэду» пароходную шлюпку, в которой сидело несколько мужчин.

XVI

Во мраке ночи

Когда Тарзан понял, что его схватили могучие челюсти крокодила, он не покорился судьбе и не оставил надежды на спасение. Так поступил бы обыкновенный человек, но не Тарзан-обезьяна! Раньше, чем чудовище утащило его в воду, он набрал в легкие как можно больше воздуха, а затем напряг все свои жизненные силы, чтобы высвободиться из пасти чудовища. Нащупав каменный нож, Тарзан стал что было мочи долбить им толстую кожу пресмыкающегося.

Боль и страх заставили крокодила еще быстрее поплыть в свою берлогу. И в ту минуту, когда человек-обезьяна почувствовал, что задыхается, он был выбро-

шен на илистый грунт, а голова оказалась над поверхностью воды.

Несколько мгновений Тарзан жадно вдыхал спертый воздух берлоги, лежа на вязком иле. Вокруг него был мрак и безмолвие могилы.

Сцепившись с крокодилом, Тарзан некоторое время лежал с ним рядом, чувствуя кожей прикосновение холодного тела чудовища. Не теряя надежды на спасение, он продолжал вонзать свой каменный нож в брюхо животного, пока не почувствовал, что огромное туловище крокодила конвульсивно затрепетало и замерло в неподвижности.

Высвободив ногу из пасти чудовища, человек-обезьяна начал ногами исследовать берлогу. Без сомнения, единственным ее входом и выходом было то отверстие, через которое крокодил протащил его. Выбраться отсюда оказалось не так-то просто. Он ежеминутно рисковал попасть в зубастую пасть другого такого же страшилища.

Мало того: если бы даже он благополучно выбрался на свободное течение, то и там человека каждую минуту ждала бы опасность нападения.

Но другого выбора все равно не было и, наполнив легкие спертым и зловонным воздухом берлоги, Тарзан нырнул в темное отверстие, которого он не мог видеть, а только нащупал ногами.

Нога, побывавшая в крокодильей пасти, была сильно разорвана, но кости остались целы. Мышцы и сухожилия тоже не настолько повреждены, чтобы нельзя было пользоваться раненой ногой. Тарзан ощущал мучительную боль, но человек из племени обезьян умел стойчески переносить страдания.

Вынырнув на поверхность реки, Тарзан увидел недалеко от себя двух крокодилов. Они быстро плыли к нему. С нечеловеческими усилиями Тарзану удалось уйти от погони и, приплыв к берегу, схватиться за свешивающийся сук большого дерева. Он успел сделать это вовремя! Две огромные пасти защелкали под ним зубами.

Отдохнув и перевязав раненую ногу большим пальмовым листом, Тарзан снова пустился преследовать своего врага. Он оказался теперь на противоположном берегу.

Вскоре Тарзан с огорчением заметил, что нога по-

вреждена гораздо сильнее, чем показалось сгоряча в первые минуты. По земле он еще мог двигаться довольно быстро, хотя и с большим трудом. А вот прыгать с дерева на дерево на «втором этаже» джунглей оказалось явно не под силу. А между тем этот способ передвижения был у Тарзана излюбленным и самым быстрым.

От старой негритянки Тамбуджи Тарзан узнал, что белая женщина хотя и была опечалена смертью ребенка, но будто бы говорила, что этот ребенок не ее, а чужой. Тарзан не ведал причины, почему Джен стала отсекаться от своего ребенка. Единственным объяснением могло быть, что женщина, сопровождавшая вместе со шведом его сына, была вовсе не Джен. Чем больше он думал об этом, тем больше приходил к убеждению, что его сын умер, а жена находится в Лондоне и ничего не знает о судьбе ребенка. В таком случае он неверно понял намек Рокова и напрасно все это время так беспокоился за жену.

Но мысль о смерти сына повергла его в уныние. Несмотря на свою привычку к жестокостям и страданиям, Тарзан содрогался при мысли о страшной судьбе, постигшей ни в чем не повинного ребенка. Во время всего путешествия к океану Тарзан думал о том, сколько зла и горя принес ему и его семье Роков, и широкая багровая полоса, обозначающая всегда моменты его наивысшей животной ярости, не сходила с его лба. Время от времени человек из племени обезьян издавал невольный рев или такое свирепое рычание, что мелкие животные джунглей прятались от испуга в свои норы. О, если бы ему суждено было схватить этого негодяя!

В пути воинственные туземцы дважды пытались напасть на белого человека, но, услышав страшный обезьяний крик и увидев перед собой грозного великана, обращались в бегство.

Тарзан привык передвигаться с быстротой самых проворных обезьян; ему казалось поэтому, что он чуть ли не топчется на одном и том же месте, на самом же деле он двигался почти с той же скоростью, как Роков. Он увидел океан в один день с Джен и Роковым, но только поздним вечером, когда уже наступила густая темнота. Над черной рекой и прибрежными джунглями навис такой мрак, что даже Тарзан, кото-

рый обычно свободно ориентировался ночью, едва мог видеть на несколько шагов перед собой.

Он собирался исследовать морской берег в надежде найти следы Рокова и женщины, которая, по его мнению, шла впереди. Он, конечно, и представить не мог, что «Кинкэд» или вообще какой-либо пароход стоит на якоре в нескольких саженях от него. Ни единый огонек не выдавал присутствия судна.

Внезапно внимание его было привлечено шумом весел: кто-то ехал в лодке на недалеком расстоянии от берега. Вскоре этот шум прекратился, слышались шаги, шарканье ног по какому-то деревянному настилу. Что бы это могло значить? Тарзан стоял на самом берегу, напряженно всматриваясь в густой мрак.

Вдруг грянули выстрелы и зазвенел отчаянный женский крик. Тарзан сразу забыл всю свою усталость. Не колеблясь ни секунды, он бросился в воду и поплыл в непроницаемой тьме туда, где стреляла и кричала женщина.

* * *

Шлюпка, привлекавшая внимание Джен, была замечена Роковым с одного берега, а Мугамби с другого. Роков подозвал шлюпку и в ней направился к «Кинкэду». Но не прошла она и половины расстояния, как выстрел из ружья, грянувший в темноте, уложил одного из матросов. Шлюпка сбавила ход, а когда Джен попала еще и в другого матроса, нападающие повернули к берегу и там остановились. Они ничего не могли различить в быстро наступившей темноте.

* * *

Дикая команда Тарзана находилась на противоположном берегу под предводительством Мугамби.

Этот преданный человек знал все обстоятельства, приведшие Тарзана на остров джунглей. Он знал, что его господин искал жену и ребенка, знал, что их украл злой белый человек, которого они преследовали вверх по Угамби, далеко внутрь страны, а теперь обратно до океана. Он полагал, что этот же самый человек убил и белого великана, которого Мугамби почитал и любил преданнее и горячее, чем кого-либо из величай-

ших предводителей своего племени. И Мугамби твердо решил настичь злодея и достойно отомстить ему за убийство своего господина.

Мугамби сообразил, что, имея в своем распоряжении небольшое судно, он мог бы быстро расправиться со всеми врагами Тарзана, которые, как он знал, находились на «Кинкэде». Но как добыть это судно?

* * *

Роков и его спутники отступили перед выстрелами Джен, темнота укрывала их. Леди Клейтон решила использовать мрак и эту временную передышку для последней и решительной попытки к своему спасению. С этой целью она вступила в переговоры с двумя матросами, которых заперла в каюте. Под угрозой смерти те согласились повиноваться ей.

Становилось уже темно, когда Джен выпустила затворников. С револьвером в руке она выводила их по очереди, заставляя поднять руки вверх и тщательно обыскивая их. Удостоверившись, что матросы безоружны, она приказала им поднять якорь и пустить пароход свободно по волнам океана. Да, безопаснее довериться стихии, чем мстительному и жестокому Рокову. Можно было надеяться, что «Кинкэд» будет замечен каким-либо встречным кораблем. Притом на пароходе имелось достаточное количество съестных припасов и воды — так, по крайней мере, ее уверили матросы — потому Джен имела некоторые основания надеяться на успех.

Надвигалась ночь... Тяжелые тучи нависли над джунглями и морем — только на западе, на горизонте безбрежного океана, еще виднелась светлая полоса.

Густая ночь благоприятствовала исполнению замысла. В темноте враги не заметят, что на пароходе что-то происходит, и не смогут определить направление, по которому быстрое течение унесет «Кинкэд» в океан. К рассвету отлив увлечет «Кинкэда» в Бенгуальское течение, которое направляется вдоль берегов Африки к северу. Так как дул сильный южный ветер, то Джен надеялась скрыться из бухты Угамби раньше, чем Роков заметит исчезновение парохода.

Джен с револьвером в руках стояла около матросов и торопила их. У нее вырвался вздох облегчения,

когда якорь был, наконец, поднят к бушприту... Она знала, что теперь скоро выберется из дикой Угамби. Джен приказала было матросам идти в каюту, намереваясь закрыть ее на ключ. Но те стали так горячо клясться честно и верно служить ей, что леди Клейтон разрешила им остаться на палубе.

Между тем «Кинкэд» незаметно, но быстро несся по течению. На минуту пароход застрял было на мели, но затем, повернувшись носом к берегу, медленно тронулся вновь. Леди Клейтон уже поздравляла себя с удачей. Все шло хорошо. Вдруг она услышала трескотню ружей и крик женщины — громкий, пронзительный, перепуганный... Стреляли и кричали в том месте, где перед тем стоял на якоре «Кинкэд». Джен вся превратилась в слух.

Матросы на «Кинкэде» были убеждены, что выстрелы обозначают появление их командира. Им совершенно не улыбался план Джен носиться по океану по воле ветра и волн. Тихонько — за ее спиной — они сговорились пленить молодую женщину и позвать Рокова на помощь. Судьба им благоприятствовала — звук выстрелов отвлек внимание Джен от матросов. Они, крадучись, подошли к ней сзади, схватили и связали. Когда матросы вели ее по палубе, Джен увидела силуэт мужчины, который перелезал через борт «Кинкэда».

XVII

На палубе «Кинкэда»

Мугамби повернул со своей командой обратно в джунгли не зря: у него была определенная цель. Он хотел раздобыть челн, чтобы переправить зверей Тарзана на борт «Кинкэда».

К вечеру чернокожий действительно нашел лодку, оставленную кем-то на берегу. Не теряя времени, он согнал в ладью всю звериную команду и отчалил от берега, не заметив впопыхах, что на дне лодки спала какая-то женщина.

Лодка только-только отплыла от берега, как одна из обезьян дико и злобно зарычала. Мугамби наклонился, чтобы узнать, на кого беснуется зверь, и увидел лежавшую женщину. С трудом удалось ему удержать обезьяну и успокоить женщину. К удивлению Мугам-

би, это была негритянка. Оказалось, что она бежала из своей деревни, не желая быть выданной замуж за ненавистного ей старого человека, и спряталась на ночь в челне, найденном ею на берегу реки. Со всей скоростью, на которую они были только способны, страшные спутники Мугамби мчали лодку ударами весел к устью реки и к «Кинкэду». Мугамби с большим трудом различал в темноте неясные силуэты парохода.

Чернокожий вождь был крайне удивлен, когда заметил, что пароход движется вниз по течению. Он стал уговаривать свою команду приналечь на весла, чтобы нагнать пароход. В этот момент на расстоянии сажени от его лодки неожиданно вынырнула из темноты другая шлюпка.

Экипаж этой шлюпки тоже заметил ладью Мугамби, но не успел рассмотреть ее страшных пассажиров. Человек, сидящий на носу чужой шлюпки, крикнул им, желая предупредить столкновение. В ответ послышалось угрожающее ворчание пантеры, и кричавший увидел перед собой горящие глаза Шиты. Пантера, положив передние лапы на борт, готовилась к прыжку. Рокков (это был он) понял, какая опасность угрожает его спутникам, и приказал стрелять по встречной лодке.

Эти-то ружейные залпы и крик перепуганной негритянки и слышали в темноте Джен и Тарзан.

Раньше, чем неповоротливые и неискусные гребцы Мугамби сумели использовать свое преимущество, чужая шлюпка быстро повернулась, и матросы что было силы налегли на весла, направляясь к «Кинкэду».

Пароход, толкнувшись об отмель, попал в полосу медленного течения, и его относило к южному берегу Угамби. Таким образом «Кинкэд» предавал леди Клейтон прямо в руки ее врагов.

В это время Тарзан бросился в воду и поплыл наудачу к невидимой цели. Он не видел в темноте парохода, и ему в голову не могло прийти, что совсем близко от него находится большое судно. Плывая во мраке, он руководился только звуками, доносившимися к нему с обеих лодок.

В его памяти живо встала последняя встреча с крокодилком в водах Угамби, и он невольно содрогнулся. Два раза он чувствовал чье-то прикосновение к своим ногам, но, к счастью, все обошлось. В темноте перед



ним неожиданно выросла бесформенная высокая масса и, к его удивлению, он нащупал просмоленный борт корабля.

С ловкостью обезьяны Тарзан ухватился за якорную цепь, перелез через бортовую сетку и выскочил на палубу. На противоположной стороне палубы — он это слышал ясно — происходила какая-то борьба. Тарзан бесшумно побежал туда, спотыкаясь о канаты.

Теперь уже не было так темно, как прежде. Взошла луна. И хотя во многих местах небо все еще было обложено тучами, но мрак не был уже так непроницаем. Зоркие глаза Тарзана увидели на корме фигуры двух мужчин, боровшихся с женщиной.

...На пароходе появилась новая неведомая сила. Матросы, тащившие молодую женщину, первые узнали об этом. Эта сила прежде всего обрушилась на них: чьи-то могучие руки схватили их за плечи. Еще мгновение — и оба матроса были отброшены в сторону с такой легкостью, с какой могучее маховое колесо швыряет в воду мелкие щепки.

— Джен!

Молодая женщина сразу узнала своего мужа и с радостным криком бросилась к нему. Развязать ей руки, поднять ее, как ребенка, прижать к груди, расцеловать — было для Тарзана делом одной минуты. Громадное, ослепительное счастье засияло в его сердце...

— Джен! Джен! Дорогая, любимая жена!

Но радость свидания была слишком коротка. Не успели супруги опомниться, как увидели, что через борт «Кинкэда» лезут какие-то люди.

Тучи разошлись, и луна ярко осветила палубу. Перед Тарзаном стояли Роков и его товарищи.

Тарзан быстро втолкнул Джен в каюту, около которой они стояли, а сам, не тратя ни секунды, бросился на Рокова. Двое матросов, стоявших позади Рокова, прицелились в Тарзана и выстрелили.

...А в полутьме позади них по веревочной лестнице на борт парохода поднимались еще какие-то фигуры. Это была страшная звериная команда Тарзана!

Сначала появились и грозно зарычали пять громадных обезьян с оскаленными клыками и покрытыми пеной мордами, за ними перепрыгнул через борт чернокожий гигант — его длинное копьё сверкало при лунном свете, а позади карабкался еще один зверь, и из

всей этой команды он был самый страшный. Это была Шита — пантера с разинутой пастью и свирепыми глазами, горящими ненавистью и кровожадностью.

Матросы промахнулись, целя в Тарзана, у них дрожали руки при виде приближавшихся свирепых обезьян.

Объятый паническим страхом, весь экипаж «Кин-кэда» попрыгался по разным углам. Четыре матроса кинулись в кубрик и пытались там забаррикадироваться. Там, в темной каюте, сидел, скорчившись, и Роков.

Возмущенные тем, что предводитель первым убежал и покинул их в минуту опасности, матросы набросились на него с руганью и вышвырнули обратно на палубу.

Тарзан и его заклятый враг встретились лицом к лицу...

Еще минута — Тарзан бросился бы на Рокова... Но Шита, следившая за Роковым, предупредила своего хозяина. С оскаленными зубами могучий зверь бесшумно подкрался к обътому ужасом человеку. Отчаянные крики о помощи огласили воздух, когда Роков увидел, что к нему крадется свирепая пантера.

Тарзан подскочил к врагу. Его сердце горело яростным огнем мести. Наконец-то убийца его сына в его руках!

Однажды Джен позволила авантюристу уйти от справедливого возмездия. Теперь никто не остановит его — он приговорил преступника к давно заслуженной смерти и сам казнит его!

Тарзан громко прикрикнул на Шиту, готовившуюся отнять у него законную жертву его мщения.

Роков воспользовался заминкой и бросился бежать. Шита, не обращая внимания на голос своего господина, — за ним. Тарзан, в свою очередь, кинулся за ними, но вдруг почувствовал легкое прикосновение к руке. Обернувшись, он увидел испуганную Джен.

— Не оставляй меня одну, — прошептала она. — Я боюсь твоих зверей.

Тарзан оглянулся. Две обезьяны с оскаленными клыками и угрожающим рычанием подкрадывались к молодой женщине. Человек-обезьяна отогнал их. Он совершенно упустил из виду, что они не знают Джен и вообще не умеют различать врагов от друзей.

Роков между тем забрался на капитанский мостик. Стоя у штурвала, дрожа всем телом, он широко раскрытыми глазами глядел на зверя, медленно подкрадывавшегося к нему. Пантера ползла, глухо ворча. Роков стоял как окаменелый — его глаза готовы были выскочить из орбит, холодный пот осыпал лоб. Внизу на палубе стояли огромные антропиды и, словно выжидая момента, высматривали его внизу.

Пантера прыгнула на Рокова и повалила его на спину. Леди Клейтон невольно отвернулась в ужасе; громадные клыки Шиты разрывали несчастному грудь и шею. Но Тарзан из племени обезьян не отвел взгляда. Торжествующая улыбка трепетала на его губах. Багровая полоса на лбу бледнела и, наконец, совсем исчезла.

Роков отбивался как мог от рычащей, яростной пантеры, но все было тщетно! Пантера мучила свою жертву, как кот мышонка.

Все свои злодеяния он искупил этой страшной смертью.

Когда борьба кончилась, Тарзан по просьбе Джен хотел вырвать тело Рокова из когтей пантеры для погребения, но раздраженная, опьяненная кровью и борьбой Шита, рыча, встала лапами на свою добычу и готова была кинуться на своего господина. Тарзан вынужден был признать ее законное право.

При свете луны зверь предавался кровавому пиршеству до утра, и, когда солнце встало, от злейшего врага Тарзана остались лишь обглоданные кости...

* * *

Из партии Рокова лишь четверо остались пленниками на «Кинкэде», остальные погибли. Неясной была и судьба Павловича.

С помощью четырех уцелевших матросов Тарзан развел пары на «Кинкэде» и решил отправиться на поиски острова Джунглей. Случайно остался в живых помощник капитана, который мог оказать Тарзану большую помощь в плавании.

На рассвете поднялся сильный западный ветер, и помощник не решился выйти в море. Весь день пароход стоял на якоре в устье реки под прикрытием берега. Хотя к вечеру ветер стих, решено было ждать следующего утра для отплытия.

Звериная команда Тарзана днем беспрепятственно расхаживала по палубе парохода — Тарзан и Мугамби внушили ей, что они не смеют никого трогать на «Кинкэде», но на ночь, из предосторожности, их запирали в трюм.

Радость Тарзана была безгранична, когда Джен сказала ему, что ребенок, умерший в деревне Ваганвазам, не был его сыном. Очевидно, маленького Джека вовсе не привозили на борт «Кинкэда», иначе Андерсен это знал бы. Он не переставал уверять Джен перед своей смертью, что ребенок, переданный им Джен, был единственным на борту «Кинкэда».

XVIII

Замысел мщения

Джен и Тарзан, сидя на палубе, рассказывали друг другу свои приключения, пережитые каждым из них с того времени, когда они расстались в Лондоне. В это время с берега следила за ними пара злобных глаз.

Пока билось сердце Алексея Павловича, ни один человек, возбудивший его неприязнь, не мог считать себя в безопасности. В мозгу авантюриста уже рождались планы, каким образом помешать отъезду Тарзана и его жены на родину! Ни один пока не удовлетворял его: то он считал его невыполнимым, то слишком мягким для своей мести. Так или иначе, но Павлович приходил к непреложному заключению: он ничего не сможет сделать, пока сам не попадет на пароход.

Но как добраться до корабля? Он мог достать лодку только в негритянской деревушке, а Павлович не был уверен, насколько долго «Кинкэд» будет стоять на якоре. Однако другого выхода не было и, погрозив на прощание Джен и Тарзану кулаком, Павлович скрылся в густых джунглях. По дороге в деревушку решение созрело окончательно. Он заберется ночью на борт «Кинкэда», отыщет сообщников из числа команды и уговорит их вырвать пароход из рук Тарзана. В его прежней каюте находилось оружие и патроны, а в тайном отделении спрятана адская машина, которую Павлович смастерил еще в те времена, когда был анархистом. Если бы только добрался до нее! В этом маленьком деревянном ящике столько разрушительной

силы, что можно в одну секунду превратить в прах всех врагов.

Павлович решительно остановился на этом плане и, предвкушая сладость мести, ускорил шаги. Конечно, все зависело от того, когда «Кинкэд» отплывет. Дневной свет — помеха. Только ночью можно рискнуть попасть на судно.

Поздно вечером Павлович добрался до деревушки на берегу притока Угамби. Чернокожий предводитель встретил его подозрительно. У него было мало оснований симпатизировать этому белому человеку: он, как и все, кто так или иначе приходил в соприкосновение с Роковым или Павловичем, пострадал от их алчности и жестокости.

Предводитель отклонил просьбу Павловича дать ему челн. В ответ на дальнейшие мольбы попросту предложил покинуть деревню. Вождь был окружен свирепыми воинами, которые, казалось, только и ждали повода, чтобы проткнуть незваного гостя копьями. Павловичу не оставалось ничего другого, как уйти...

Поддав свою злобу, он скрылся в джунглях и направился к реке, решив во что бы то ни стало добыть нужный ему до зарезу челн. Для него это было вопросом жизни. Оставаться здесь, среди опасностей африканских джунглей, где он успел возбудить против себя всех туземцев, было равносильно смертному приговору. А к этому присоединялась еще неутолимая жажда мести.

Авантюристу не пришлось долго ждать. Вскоре на поверхности речки показался один из тех небольших неуклюжих челнов, которые мастерят туземцы. Чернокожий, гребя одним веслом, неторопливо направил его на середину реки. Там он пустил челн плыть по течению, а сам беспечно улегся на дне лодки. По берегу шел, не отставая от него, Павлович. Чернокожий юноша, проехав еще немного, направил лодку к берегу, где таился Павлович, к большой радости последнего.

В этом месте течение было медленное. Парень, не торопясь, правил веслом к небольшому, свешивающемуся над водой дереву.

Павлович, уподобившись пресмыкающемуся, лежал на траве. Он оценивал взглядом фигуру юноши, взвешивал свои шансы на успех.

У него оставалось мало времени, чтобы попасть на

«Кинкэд» до рассвета. Выберется ли когда-нибудь этот чернокожий болван из лодки? Павлович выходил из себя. А юноша, не торопясь, с ленивой медлительностью осмотрел стрелы в колчане, попробовал лук, вынул охотничий нож...

Затем он потянулся и зевнул. Посмотрел на берег, передернул плечами и опять улегся на дно, чтобы вздремнуть до заката солнца.

Желанная минута наступила. Павлович подкрался поближе. Ветка захрустела под тяжестью его ног, и юноша беспокойно повернулся во сне. Павлович застыл в ожидании, но тот уже опять крепко спал.

Павлович знал, что необходимо выстрелить без промаха. Близко наклонившись над спящим, Павлович приставил дуло револьвера к его груди. Молодой негр продолжал безмятежно спать, нежный пушок лежал на темных щеках, он улыбался во сне.

Рука Павловича не дрогнула при виде картины счастливой безмятежной молодости. С усмешкой на губах он надавил на курок. Послышался негромкий сухой треск, слабо прозвучавший в сыром воздухе. Улыбавшиеся губы конвульсивно передернулись, и безвестный чернокожий юноша погрузился в глубокий, вечный сон.

Убийца быстро вскочил в челн, схватил мертвого и без зазрения совести перебросил его за борт в темную, кишевшую крокодилами реку...

Отвязать веревку было делом одной минуты. Схватив весло, Павлович стал лихорадочно грести. Уже наступала ночь. Павлович напряг зрение, стараясь пронизать взором быстро сгустившуюся темноту.

Стоял ли еще пароход в водах Угамби, или же Тарзан отважился выйти в море? Это было весьма возможно, так как ветер улегся. Павлович нервничал. Но вот перед ним показалась светящаяся точка — это был мигающий свет корабельного фонаря. Павлович перестал грести, предоставив челну плыть по течению, изредка бесшумно погружая весло в воду, чтобы направить свое примитивное судно к борту парохода.

Темная масса корабля как-то сразу выросла перед ним в темноте. Ни единого звука не доносилось с палубы. Никем не замеченный, Павлович подплыл вплотную. Легкий стук его лодки, ударившейся о борт «Кинкэда», почти не нарушил молчания ночи.

Дрожь от нервного возбуждения, Павлович не-

сколько минут сидел неподвижно в лодке, затем осторожно направил ее вдоль борта, пока веревочная лестница не оказалась как раз над ним. Привязав лодку, авантюрист поднялся, никем не замеченный, на палубу.

Сердце отчаянно билось. Невольно подумал он о страшной команде, которая сейчас находилась на пароходе, и мурашки забегали у него по спине. Но кругом было пусто и тихо, даже вахтенного не видно.

Павлович бесшумно подкрался к матросской каюте. Там тоже тихо, люк поднят. Заглянув вниз, Павлович увидел матроса, который читал книгу при свете фонаря.

Павлович хорошо знал этого матроса — отъявленного мошенника. На него-то он, главным образом, и рассчитывал!

Павлович осторожно спустился по узкой и крутой лестнице в каюту. Матрос был так углублен в чтение, что не заметил вошедшего. Только когда тот назвал матроса по имени, поднял голову. Его глаза широко раскрылись от удивления при виде знакомого лица, но в следующую же минуту он нахмурился и воскликнул:

— Черт возьми! Откуда вы явились? Мы думали, что вы уже давно подошли. Лорд Грэйсток будет очень рад вас видеть. Прикажете доложить?

Павлович подошел к матросу с дружеской улыбкой и протянутой рукой с таким видом, как будто встретился с дорогим приятелем. Матрос не обратил внимания на протянутую руку и не улыбнулся в ответ.

— Я пришел вам помочь! — объяснил Павлович. — Я хочу помочь вам отделаться от этой английской обезьяны и его страшной команды. Тогда нам нечего будет бояться правосудия, если вернемся на родину. Мы можем напасть на них ночью, когда они спят, а затем нетрудно будет справиться и со зверями. Кстати, где они?

— Они внизу, — ответил матрос. — Только знаете что, Павлович? Если вы думаете восстановить нас против нашего нового капитана, то это ровно ни к чему не приведет. Мы уже достаточно натерпелись от вас и от скотины Рокова. Он съеден пантерой, и я готов биться об заклад, что и вас постигнет та же участь. Вы оба обращались с нами, как с собаками, и, если рассчитываете на нашу привязанность, то очень ошибаетесь.

— Неужели вы меня выдадите?

Матрос утвердительно кивнул головой, но после небольшой паузы добавил:

— Если сумеете кой-чем меня заинтересовать, то я, пожалуй, так и быть, позволю вам поживу-поздорову выбраться отсюда...

— Надеюсь, вы не подумаете выбросить меня на произвол судьбы в африканские джунгли? — сказал Павлович. — Я через неделю там погибну!

Матрос возразил.

— И все-таки у вас больше шансов спастись там, чем здесь. Стоит только мне разбудить товарищей, как они перережут вам глотку раньше, чем вас увидит наш новый капитан. Вам необыкновенно повезло, что сегодня дежурный я, а не кто-нибудь другой.

— Да вы с ума сошли! — воскликнул Павлович. — Разве вы не понимаете, что при первой возможности англичанин нас выдаст правосудию и вы все будете повешены!

Матрос улыбнулся:

— Ничего подобного! Он нам при всех объявил, что Роков и вы во всем виноваты, а мы были только слепым орудием в ваших руках! Поняли?

Павлович бесконечно долго упрасивал матроса: то обещал ему сказочные награды, то страшал ужасными карами. Матрос оставался неумолим.

Он заявил Павловичу, что перед ним только два решения: или остаться на пароходе, и тогда он будет немедленно выдан лорду Грэйстоку, или заплатить матросу за позволение покинуть незамеченным «Кинкэд» и убраться долой. Матрос требовал за это все деньги и ценности, которые находились у Павловича при себе и в его каюте.

— Решайте поскорее! — прибавил матрос. — Я хочу спать!

— Вы поплатитесь за вашу глупость! — сердито промолвил Павлович.

— Замолчите! — крикнул матрос. — Если вы будете много разговаривать, я могу передумать и не выпущу вас совсем!

У Павловича не было ни малейшего желания попасть в руки Тарзана. Даже ужасы джунглей казались ему легче, чем смерть, которая ждала его от руки человека-обезьяны.

— Кто-нибудь спит в моей каюте? — спросил Павлович.

Матрос отрицательно покачал головой:

— Нет! Лорд и леди спят в каюте капитана, помощник — у себя.

— Прекрасно! — промолвил Павлович. — Я спущусь к себе и принесу деньги и драгоценности.

— Я пойду с вами...

У дверей каюты моряк остался сторожить, а Павлович вошел один в свою каюту. Он собрал вещи, за которые хотел выкупить свою сомнительную свободу, а затем приступил к выполнению дьявольского плана. Лицо осветилось злорадной усмешкой...

Убедившись в том, что его никто не видит, Павлович открыл потайное отделение бюро и вынул из него небольшой черный ящик. Ящик имел два отделения: в одном — часовой механизм, в другом — небольшая батарея. Соединив провода, он стал ключом заводить механизм, прикрыв ящик пледом, чтобы заглушить шум. Затем установил стрелку на циферблате и, закрыв ящик крышкой, поставил машину на прежнее место.

Все с той же злорадной улыбкой Павлович задул лампу и вышел из каюты.

— Вот все мои драгоценности! Теперь выпускай меня...

— Хорошо! Но сначала нужно осмотреть ваши карманы.

Павлович поморщился:

— Это еще зачем?

Матрос усмехнулся.

— А может быть, там имеется что-то такое, что в джунглях вам не потребуется, а в Лондоне мне пригодится? Ага! Так и есть!

Матрос вытащил из кармана Павловича пачку денег.

Павлович пробормотал ругательство. Он утешался только тем, что матрос никогда не достигнет Лондона и не насладится плодами грабежа.

Вскоре он уже греб к берегу. Там его ожидала ночь в джунглях. Если бы Павлович мог предвидеть, что его ожидает в последующие долгие годы, он бы предпочел броситься в море.

Убедившись в том, что Павлович отчалил, матрос

вернулся в каюту и, спрятав свою неожиданную добычу, улегся мирно спать.

В бывшей каюте Павловича в тишине ночи равномерно тикал небольшой механизм в черном маленьком ящике: там таилась адская машина. Она должна была сработать в известное время и мгновенно уничтожить «Кинкэд» со всем его экипажем.

XIX

Гибель «Кинкэда»

Вскоре после рассвета Тарзан вышел на палубу. Ветер стих. Небо безоблачно. Условия для путешествия самые благоприятные. И Тарзан решил немедленно отплыть на остров Джунглей, чтобы высадить зверей. А затем — в Англию!

Человек-обезьяна разбудил своего помощника и приказал поторопиться с отплытием. Матросы, которых лорд Грэйсток уверил, что они не будут отвечать за поступки Рокова и Павловича, взялись с радостью за свое привычное дело.

Звери, выпущенные из заключения, прогуливались по палубе, к немалой тревоге экипажа. Матросы все еще хорошо помнили жуткую картину ночной борьбы, когда их товарищи нашли смерть от клыков и когтей. Им казалось, что звери и сейчас высматривают себе добычу. Однако под бдительным взглядом Тарзана и Мугамби обезьяны и Шита смиряли свои инстинкты.

Наконец «Кинкэд» развел пары, поднял якорь, вышел их бухты Угамби и поплыл по водам Атлантического океана: Тарзан и Джен внимательно следили за зеленой береговой линией, удалявшейся от них, и в первый раз человек-обезьяна покидал родную землю без малейшего сожаления.

Ему казалось, что даже самый быстроходный пароход в мире не мог бы с достаточной быстротой увезти его из родной Африки — с таким нетерпением рвался Тарзан в Лондон, чтобы возобновить там поиски сына. «Кинкэд» со своим медленным ходом представлялся нетерпеливому Тарзану настоящей черепахой. По мнению Тарзана, он совсем не двигался...

Однако «Кинкэд» все-таки шел вперед, и вскоре на

западном горизонте показались низкие холмы острова Джунглей.

Между тем в бывшей каюте Павловича механизм в черном ящике продолжал тикать, и с каждой минутой стрелка приближалась все ближе к роковому моменту, когда провода должны были соединиться...

Джен и Тарзан стояли на мостике парохода и беззаботно смотрели на приближающийся берег. Матросы собрались на палубе, следя за выплывающей из-за океана землей. Звери забрались в тень и, свернувшись, спали. Все было тихо и спокойно, как на корабле, так и на воде...

Внезапно грянул оглушительный треск... Часть палубы взлетела на воздух, высоко вверх взвился столб густого дыма. Затем последовал страшный взрыв, от которого пароход содрогнулся от носа до кормы.

На палубе произошла паника. Обезьяны, перепуганные взрывом, бегали взад и вперед, рыча и ревя. Шита бросалась в разные стороны, издавая отчаянный вой... Мугамби трясся всем телом... Только Тарзан и его жена сохранили присутствие духа. Тарзан немедленно очутился среди зверей, успокаивал их, разговаривал с ними спокойным тоном, глядя их мохнатые тела и уверяя, что ничего страшного нет.

Через несколько минут стало ясно, что главная опасность заключается теперь в пожаре. Пламя лизало расщепленные доски каюты и оттуда перебросилось на палубу.

Каким-то чудом ни один человек на пароходе не пострадал от взрыва; причины же его никто не знал... Никто, кроме одного матроса. Последний сразу догадался, что авария — дело рук Павловича, однако благо-разумно решил умолчать.

Между тем пожар усиливался. Тарзану стало ясно, что им не справиться с огнем. Чем больше они заливали пламя водой, тем оно становилось сильнее, словно в горевшей каюте был какой-то секрет, превращавший воду в огонь...

Прошло с полчаса. Над обреченным пароходом вздымались черные клубы дыма. Пламя достигло уже машинного отделения, и пароход остановился. Судьба «Кинкэда» была решена.

Тарзан сказал своему помощнику:

— Оставаться на пароходе бессмысленно! Нужно

спустить шлюпки и, не теряя времени, высадиться на берег!

Другого выхода не было. Почти весь пароход уже охватило огнем. Матросы едва успели вынести свои пожитки.

Немедленно были спущены на воду две лодки. Море не штормило, и поэтому переправа на берег произошла без затруднений. Встревоженные звери при приближении к берегу жадно втягивали в себя родной воздух; как только шлюпки пристали, Шита и обезьяны перепрыгнули через борт и помчались в джунгли.

С грустью смотрел Тарзан им вслед.

— Прощайте, друзья мои! — промолвил он. — Вы были хорошими верными товарищами, и мне без вас будет скучно!

— Они еще вернутся, дорогой мой, не правда ли! — утешала его Джен.

— Это неизвестно! — ответил Тарзан. — Им было очень не по себе с тех пор, как они попали в такое многочисленное людское общество. Мугамби и я — мы их меньше стесняли, но ведь мы только наполовину люди. А ты, мой друг, и матросы, вы слишком культурны для моих зверей — они убежали именно от вас! Вероятно, они боялись как-нибудь ненароком соблазниться, видя перед собой такую чудесную пищу...

Джен засмеялась:

— А я думаю, они убегают от тебя. Ты так часто не позволял им делать того, что им казалось вполне естественным. Им, как детям, захотелось дать стрекача от родительской опеки!

Помедлив, она добавила:

— Во всяком случае, я надеюсь, что они не вернутся к нам ночью!

— Особенно, если они проголодались? — поддержал шутливый разговор Тарзан.

Небольшая группа людей целых два часа стояла на берегу и смотрела на горевший пароход. Затем донесся слабый звук нового взрыва, и почти немедленно вслед за этим «Кинкэд» погрузился в воду.

Причина второго взрыва не заключала в себе ничего таинственного. Помощник объяснил, что огонь достиг паровых котлов и их разорвало. Но отчего случился первый? Потерпевшие кораблекрушение долго и бесплодно рассуждали о причинах аварии.

XX

Снова на острове Джунглей

Маленькое общество прежде всего позаботилось о том, чтобы найти пресную воду для питья и разбить лагерь. Все понимали, что пребывание их на острове Джунглей может затянуться на месяцы и даже годы.

Тарзан знал расположение ближайшей речки и повел к ней немедленно всю партию. Мужчины тотчас же принялись за постройку жилья и за изготовление грубой мебели. Тарзан пошел в джунгли за пищей, оставив Джен на попечение верного Мугамби и негритянки.

Леди Грэйсток страдала нравственно больше всех. Ей казалось, что поиски ее сына не приведут к успеху и его положение, рисовавшееся всегда в самых мрачных красках, не будет улучшено. Более того, ей думалось, что она никогда не узнает ничего о судьбе маленького Джека.

Немного освоившись на суше, потерпевшие первым делом учредили постоянное дежурство на высоком холме, откуда на далекое расстояние виднелось море. Собрали огромную кучу сухого валежника, чтобы в любой момент развести сигнальный костер. На высоком шесте, вбитом в землю, развевался сигнальный флаг. Его смастерили из красной рубахи помощника с «Кинкэда». Шли дни, но на горизонте не показывались ни паруса, ни дым, и напряженные глаза часовых безнадежно смотрели на пустое, безбрежное пространство океана.

Тарзану пришло на мысль построить судно, на котором они могли бы отплыть обратно на материк. Он показал матросам, как смастерить грубые инструменты, и все поначалу горячо принялись за работу. Однако чем дальше, тем очевиднее становилось, что громоздкая работа не под силу такой горсточке людей. Матросы стали раздражаться, и к прежним невгодам присоединились еще раздоры и подозрительность.

Более чем когда-либо Тарзан боялся теперь оставлять Джен с грубыми матросами. Но ему волею-неволею приходилось покидать ее, уходя в джунгли на охоту — никто не приносил так много дичи, как он. Иногда его заменял Мугамби, но копье и стрелы чернокожего не давали тех результатов, как аркан и нож человека-обезьяны.

В конце концов матросы побросали свою работу и тоже стали уходить в джунгли для охоты. Все это время в лагере не показывались ни Шита, ни Акут, ни другие обезьяны. Но Тарзан иногда встречал их во время охоты в джунглях.

* * *

В лагере злополучных пассажиров «Кинкэда» дела с каждым днем шли все хуже и хуже.

Их лагерь находился на восточном берегу острова Джунглей. А к северу от них в это время расположился другой лагерь.

Здесь, в небольшой бухте, стояла на якоре парусная шхуна «Каури». Несколько дней тому назад на ней произошел бунт матросов, окончившийся убийством офицеров и капитана.

Тяжелые дни пришлось пережить «Каури» с тех пор, как на ее борт в числе матросской команды попали швед Густ, араб Момулла и самый главный негодяй во всей этой компании — китаец Кай-Шанг.

Матросов было десять человек: настоящие отбросы южных гаваней. Густ, Момулла Маори и Кай-Шанг стали заправилami и душою мятежа. Они подстрекали матросов перебить начальство, захватить шхуну и разделить между собою улов жемчуга, составляющий богатство «Каури».

Кай-Шанг убил спящего капитана, а Маори напал на офицеров и часовых. Густ всегда находил предлог отказаться от активного выступления, но зато, умело воспользовавшись обстоятельствами, произвел себя в начальника над мятежниками. Он присвоил себе вещи убитого капитана «Каури» и даже стал носить его мундир, чтобы показать, что он теперь глава команды.

Кай-Шангу это было совсем не по душе. Он вообще не признавал никакого начальства, а тем более не хотел подчиняться простому шведскому матросу. Таким образом, семена для распрей уже были посеяны в лагере мятежников.

Кай-Шанг понимал, что должен действовать осмотрительно. Из всей банды один только Густ имел достаточно познаний по навигации, чтобы вывести их из Атлантического океана и обогнуть мыс Доброй Надежды. Там они могли найти подходящий рынок для

сбыта награбленного имущества и устроить дележку.

За день до того, как они увидели остров Джунглей и нашли там маленькую защищенную от ветра бухту, вахтенный заметил на южном горизонте дым и трубы военного корабля. Никому не улыбалась перспектива встретиться с военными моряками и подвергнуться риску быть допрошенными. Поэтому они решили укрыться здесь на несколько дней и переждать опасность.

Теперь Густ уж совсем не желал выходить в море. Он был уверен, что замеченный корабль послан специально на поиски шхуны. Кай-Шанг указывал на нелепость подобного предложения: ведь никто, кроме них самих, не мог знать, что произошло на борту «Каури».

Но Густ стоял на своем, и у него были для этого причины. Этот алчный по натуре человек лелеял мечту увеличить свою долю добычи. У него созрел такой план: только он один мог управлять «Каури», и поэтому остальные не могли без него покинуть остров Джунглей. Вот Густ и собирается в один прекрасный день взять с собою двух-трех помощников и бежать с ними на шхуне от Кай-Шанга, Момуллы Маори и остальных.

Густ выжидал удобного случая. Когда Кай-Шанг, Момулла и другие уйдут из лагеря на охоту, он воспользуется их отсутствием для внезапного отплытия. С этой целью Густ устраивал одну охоту за другой, но подозрительный и хитрый китаец никогда не соглашался уйти в лес без Густа.

Однажды Кай-Шанг по секрету поделился с Момулла Маори своими подозрениями относительно шведа. Момулла посоветовал теперь же расправиться без лишних церемоний с изменником. Но убивать Густа не имело смысла, так как все они зависели от него. Однако китаец решил припугнуть шведа и заставить согласиться на их условия.

После этого разговора Момулла стал настойчиво требовать немедленно отплыть в море. Густ приводил в ответ свои прежние возражения: военный корабль, вероятно, еще крейсирует в южных водах и поймает их прежде, чем они обогнут мыс.

Момулла вышучивал его страхи: он уверял, что никто ни на одном военном корабле не знает о мятеже. Каким же образом и у кого их шхуна может вызвать подозрение?

— Нет, извините! В этом-то вы и ошибаетесь,— воскликнул Густ.— Ваше счастье, что среди вас находится такой образованный человек, как я. Иначе вы по незнанию попали бы в хорошую переделку! Негры — дикари и ничего не знают о радио.

Маори вскочил и схватился за рукоятку ножа.

— Я не негр! — закричал он.

— Я только пошутил,— поспешил объяснить швед.— Мы с тобою старые друзья, Момулла, и не должны ссориться. В особенности теперь, когда Кай-Шанг замышляет украсть весь жемчуг. Если бы только он нашел человека, умеющего управлять шхуной, он в ту же минуту бросил бы нас на произвол судьбы. Он потому и говорит так много об отъезде, что хочет как-нибудь отделаться от нас.

Момулла, помолчав, сказал:

— Ты говоришь о радио... При чему тут радио?

— При чем радио?

Густ почесал у себя в затылке. Он соображал, действительно ли Маори настолько невежествен, что поверит очевидной нелепости.

— Видишь ли,— начал он,— каждый военный корабль имеет радиостанцию. На такой станции имеется аппарат, с помощью которого можно разговаривать с другими судами на расстоянии тысячи миль и слышать все, что говорится на тех судах. Ну, а когда мы стреляли на «Каури» и кричали, шуму, я думаю, было немало. Мне думается, этот военный корабль находился не очень далеко от нас и все слышал. Конечно, они не могли знать названия шхуны, но они безусловно знают, что экипаж какого-то судна взбунтовался и убил своих офицеров. И теперь, понимаешь, военные будут обыскивать каждое судно.

Швед старался придать своему лицу самый серьезный вид, чтобы не вызвать в слушателе подозрений относительно правдивости версии.

Момулла сидел некоторое время молча, исподлобья глядя на Густа; затем, встав с места, заявил:

— Ты бессовестный лжец! Если завтра же не выведешь нас отсюда, тебе уже никогда не придется больше врать. Знаешь, что я тебе скажу? Я слышал, как два человека сговаривались всадить тебе нож, если ты будешь еще держать нас на этом проклятом острове!

— А ты пойди и спроси Кай-Шанга, существуют ли

на военных судах радио! — сказал Густ, обидевшись. — Он тебе тоже скажет, что корабли могут говорить друг с другом на расстоянии тысячи миль. А потом скажи тем двум дуракам, которые собираются меня убить, что им никогда не придется получить своей доли добычи, потому что только я один могу вывести их отсюда!

Момулла действительно отправился к Кай-Шангу и спросил, существует ли такой аппарат, посредством которого корабли могут переговариваться на большом расстоянии. Кай-Шанг подтвердил ему это.

Момулла был поражен, однако он все равно хотел покинуть остров. Он предпочитал встретиться с какими угодно опасностями в открытом море, чем жить томительно и однообразно на необитаемом острове.

Кай-Шанг советовал:

— Если бы у нас был кто-нибудь другой, кто мог бы управлять шхуной!

Однажды Маори отправился на охоту с двумя товарищами. Они еще не успели отойти далеко от лагеря, как вдруг слышали в джунглях человеческие голоса.

Они знали, что никто из их компании не пошел в эту сторону. А так как моряки были убеждены, что остров необитаем, то у них мелькнула мысль: не духи ли это? Может быть, духи убитых офицеров и матросов с «Каури»?

Со страху троица хотела бежать, но у Момуллы любопытство пересилило суеверный ужас. Показав жестом своим спутникам, чтобы они следовали за ним, он пополз осторожно на четвереньках в сторону невидимых людей. Вскоре он остановился на опушке небольшой полянки и облегченно вздохнул. Это были вовсе не духи! Прямо перед собою он увидел двух белых людей, которые сидели на дереве и вели серьезный разговор.

Одним из них был Шнейдер, помощник с «Кинкэда», другой — матрос по имени Шмидт.

Шнейдер говорил:

— Мы это сможем легко сделать, Шмидт! Вовсе не так уж трудно построить хороший челн, а трое гребцов смогут в один день доставить его на материк, если море спокойно и ветер попутный. Зачем нам ждать, пока этот упрямый англичанин построит большое судно, чтобы забрать всю команду? Матросы уже устали, ведь им приходится работать весь день не покладая

рук. Совсем не наше дело спасать англичанина. Пусть он сам заботится о себе и устраивается, как хочет!

Шнейдер остановился на минуту, а затем, пристально посмотрев на собеседника, чтобы заметить, какой эффект произведут его слова, продолжал:

— Ну, а женщину заберем с собой. Было бы глупо оставлять хорошенькую бабенку на необитаемом острове, не правда ли?

Шмидт взглянул на него и усмехнулся:

— Вот откуда ветер-то дует! — сказал он. — Зачем вы это сразу не сказали? Ну, хорошо! А что вы мне дадите за мою помощь?

— Она должна нам отвалить хороший куш, если ее доставят обратно в цивилизованные места, — пояснил Шнейдер, — и я по-товарищески поделюсь с теми двумя матросами, которые мне помогут. Я возьму половину, а они разделят другую половину — ты и тот второй, которого мы выберем. Мне до чертиков надоел этот остров, и чем скорее мы выберемся, тем лучше. Как ты думаешь?

— Идет! — ответил Шмидт. — Одному мне не добраться до материка. Да и остальные не смогут. Только вы знаете толк в этом деле. Значит, можете рассчитывать на меня.

Момула насторожил уши. Ему не раз приходилось плавать на английских судах, и он уловил суть разговора между Шнейдером и Шмидтом.

Маори встал и направился к парочке. Шнейдер и его собеседник испуганно вздрогнули, словно перед ними предстало привидение. Шнейдер схватился за револьвер. Момулла поднял правую руку, ладонью вперед, в знак мирных намерений.

— Я друг! — сказал он. — Я слышал, что вы говорили, но не бойтесь, я вас не выдам. Я даже могу вам помочь, а вы за это поможете мне!

Он обратился к Шнейдеру:

— Вы умеете управлять кораблем, но у вас нет корабля. А у нас есть корабль, да управлять некому. Если вы хотите поехать вместе с нами и не будете нас ни о чем спрашивать, мы вас охотно примем к себе. А когда доплывем до нужного нам места, которое мы вам укажем, и высадите нас там, мы вам отдадим шхуну. Поезжайте на ней куда хотите.

Он помолчал и прибавил:

— Вы можете взять с собой и женщину, о которой говорили. И мы тоже не будем вас ни о чем спрашивать. Идет?

Шнейдер заинтересовался, он хотел иметь более подробные сведения. Момулла заявил, что в таком случае им следует поговорить с Кай-Шангом. Шнейдер и Шмидт последовали за Момуллой и его спутниками. На подходе к лагерю Маори оставил их под присмотром товарищей, а сам отправился на поиски Кай-Шанга.

Вскоре он вернулся с Кай-Шангом, которому уже успел вкратце сообщить о выпавшей на их долю удаче. Китаец вступил в продолжительную беседу со Шнейдером и убедился, что тот такой же мошенник, как он сам, и так же страстно желает покинуть остров.

Кай-Шанг не сомневался в том, что Шнейдер примет командование над «Каури». В то же время он был уверен, что впоследствии всегда найдет способ подчинить себе помощника корабля.

Шнейдер и Шмидт возвращались в свой лагерь окрыленными. Наконец-то появился реальный шанс выбраться с острова на настоящем корабле. Не надо больше мучиться над постройкой судна, у которого больше шансов пойти ко дну, чем достичь материка.

Кай-Шанг и Момулла со своей стороны также остались довольны беседой. Они не нуждались больше в Густе и могли от него избавиться. Вернувшись в лагерь, заговорщики медленно пошли к палатке шведа. Нужно заметить, что хотя всем гораздо удобнее было бы оставаться на шхуне, но по взаимному уговору матросы решили расположиться лагерем на берегу. Дело в том, что никто из команды не доверял друг другу и никто не решился бы сойти на берег, оставляя других на шхуне.

Направляясь к палатке Густа, Момулла ощупал лезвие своего ножа. Швед почувствовал бы себя очень нехорошо, доведись ему увидеть этот многообещающий жест.

Густ случайно находился в палатке повара, отстоящей на несколько футов от его собственной, и поэтому слышал, как идут Кай-Шанг и Момулла, хотя не подозревал, с какой именно целью.

На свое счастье, он в этот момент выглянул из палатки и обратил внимание на странные, крадущиеся шаги обоих матросов: такую походку отнюдь нельзя

было объяснить дружескими намерениями. А когда они проскользнули в его палатку, Густ заметил длинный нож, который Момулла держал за спиной.

Глаза шведа расширились, волосы зашевелились на голове. Его загорелое лицо побледнело от страха. Он поспешно вышел из палатки повара. Намерения его товарищей были слишком очевидны.

То обстоятельство, что он один умел управлять шхуной, было до сих пор достаточной гарантией безопасности. Очевидно, случилось что-то такое, что дало им решимость избавиться от полезного человека.

Не теряя ни минуты, Густ опрометью пустился через береговую полосу в джунгли. Он всегда чувствовал непреодолимый страх к густым зарослям леса, из глубины которых доносились страшные таинственные звуки. Но еще более он боялся Кай-Шанга и Момуллы. Опасность, таившаяся в джунглях, была более или менее вероятной, между тем как опасность, грозившая от его товарищей, очень реальна. Густ однажды видел, как Кай-Шанг задушил человека в темной аллее. Он одинаково боялся как веревки китайца, так и ножа Момуллы. Поэтому выбор пал на джунгли.

XXI

Закон джунглей

Тарзану удалось, наконец, путем угроз и обещаний значительно подвинуть постройку лодки. Уже был готов весь ее остов. Большая часть работы была сделана самим человеком-обезьяной и Мугамби, несмотря на то, что они же снабжали весь лагерь пищей.

Помощник с «Кинкэда» Шнейдер был едва ли не главным саботажником. Однажды он даже бросил работу и ушел со Шмидтом на охоту в джунгли, громко заявив, что нуждается в отдыхе.

Однако на следующий день Шнейдер выказал как бы некоторое угрызение совести и сам добровольно принялся за работу. Шмидт тоже работал довольно охотно. Тарзан был очень этому рад. Он решил, что оба, наконец, осознали необходимость совместной работы и поняли свои обязательства по отношению к остальным членам их маленького общества.

Поэтому с легким чувством, какого он уже давно не

испытывал за последние дни, Тарзан отправился в полдень на охоту подальше в джунгли. Он хотел выследить стадо молодых ланей, которых будто бы видели накануне Шнейдер и Шмидт. Шнейдер говорил, что стадо пасется на юго-западе. Туда и отправился человек-обезьяна.

В это время с севера крались по лесу шесть подозрительных субъектов. Они думали, что идут никем не замеченные. Но почти с самого того момента, как они оставили свой лагерь, за ними неотступно полз высокий человек, в глазах которого светилась ненависть, боязнь и любопытство: зачем крадутся к югу Кай-Шанг, Момулла и остальные? Это неспроста!

Густ в недоумении покачал головой. Надо выследить их, узнать, что они затевают!

Ему пришло было в голову, не ищут ли они его? Здравый смысл, однако, подсказал, что этого не может быть, раз они достигли того, чего желали, то есть прогнали его из лагеря. Такие люди, как Момулла и Кай-Шанг, идут на убийство только ради денег, а так как у Густа их нет, то, очевидно, и цель другая.

Вскоре шестеро остановились на отдых и спрятались в листве, окаймлявшей звериную тропу, по которой они шли. Чтобы удобнее было наблюдать, Густ вскарабкался на дерево, спрятавшись так, чтобы его прежние товарищи не могли заметить.

Ему недолго пришлось ждать. Вскоре с южной стороны показался незнакомый белый человек. Увидев его, Момулла и Кай-Шанг вылезли из своего убежища, поздоровались и стали оживленно беседовать. О чем они говорили, Густ не мог расслышать. Затем белый человек вернулся в том же направлении, откуда пришел.

Это был, как легко догадаться, Шнейдер. Приблизившись к своему лагерю, он обогнул его и вбежал с противоположной стороны. В сильном возбуждении, задыхаясь, словно только что летел сломя голову, помощник капитана подбежал к Мугамби.

— Эй, ты! — закричал он. — Ваши обезьяны схватили Шмидта! Они убьют его! Беги скорее на помощь! Ты один можешь их отозвать... Возьми с собой в помощь Джонса и Сулливана. Шмидт там, на звериной тропе, около мили к югу. Я останусь здесь! Я слишком устал!

И помощник с «Кинкэда» бросился на землю, делая вид, что еле дышит от изнеможения.

Мугамби колебался. Ему поручили охранять обеих женщин. Он не знал, что делать, Но Джен, слышавшая вопли Шнейдера, присоединилась к просьбе.

— Не теряйте времени,— торопила она негра.— С нами ничего не сделается. К тому же здесь мистер Шнейдер. Идите, Мугамби. Бедняге в самом деле нужно поскорее помочь!

Шмидт, который в это время лежал за кустом близ лагеря, от души смеялся, наслаждаясь комедией.

Мугамби чувствовал себя обязанным повиноваться своей госпоже. Он послушно отправился на юг с Джонсом и Сулливаном. Но, уходя из лагеря, он все-таки очень сомневался, умно ли поступает и к добру ли все это?

Как только Мугамби и его спутники скрылись из вида, Шнейдер вскочил и помчался на север в джунгли. Спустя несколько минут на опушке леса показался Кай-Шанг. Шнейдер увидел китайца и жестом дал ему понять, что дело сделано...

Леди Клейтон и негритянка сидели у входа в палатку, спиной к приближающимся негодяям. Они узнали о присутствии чужих в лагере только тогда, когда перед ними появились шесть оборванцев.

— Пойдем! — сказал Кай-Шанг, жестом приказывая женщинам встать и следовать за ним.

Джен оглянулась, ища глазами Шнейдера. Тот стоял с усмешкой на лице позади незнакомцев, рядом с ним — Шмидт.

— Что это значит? — спросила Джен, обращаясь к помощнику «Кинкэда».

— Это значит, что мы нашли корабль и можем уехать с острова Джунглей,— ответил Шнейдер.

— Почему вы отослали Мугамби и двух других в джунгли?

— Потому что они с нами не поедут. Поедете только вы и негритянка.

— Идем, идем скорей! — повторил Кай-Шанг и схватил Джен за руку.

Момулла, со своей стороны, потащил негритянку, а когда она начала кричать, закрыл ей рот ладонью.

Мугамби между тем бежал по лесной тропе на юг. За ним Джонс и Сулливан. Около мили пробежали они ради спасения Шмидта, но нигде и следа не было — ни человека, ни обезьян.

Наконец, негр остановился и испустил громкий призывный клич, которым Тарзан и он сзывали антропоидов. Ответа не последовало. Тогда Мугамби прошел еще с полмили, временами издавая призывный крик.

Вдруг он остановился, пораженный. Он понял, что его обманули. Как испуганный олень, помчался гигант обратно к лагерю. Худшие опасения подтвердились: леди Грэйсток и негритянки в лагере не было, исчез куда-то и Шнейдер.

Мугамби пришел в такую ярость, что хотел убить Джонса и Сулливана, считая их тоже участниками заговора. Им едва удалось убедить чернокожего в своей полной невинности.

Они стояли и обсуждали: с какой целью Шнейдер увел женщин из лагеря? Они были так поглощены разговором, что не заметили, как Тарзан спрыгнул с ветки дерева и подошел к ним.

С первого же взгляда он увидел, что случилось неладное. Услышав от Мугамби об исчезновении Джен, человек-обезьяна сжал кулаки и нахмурил брови. На что рассчитывал Шнейдер, похищая Джейн? Куда он мог деваться с ней на этом маленьком островке, где не уйти от мщения Тарзана? Нет! Тут было что-то не так! Человек-обезьяна не считал помощника таким наивным.

Шнейдер не совершил бы такого поступка, если бы не был вполне уверен, что имеет возможность покинуть со своими пленницами остров Джунглей. Но к чему он взял с собой негритянку? Очевидно, с ним был еще какой-то чернокожий, которые пожелал иметь туземку.

— В путь! — сказал Тарзан. — Нам остается только одно — идти по их следам!

В это время с северной стороны лагеря из джунглей показался высокий неуклюжий человек и направился к разговаривавшим. Он был им совершенно незнаком; никто из них не предполагал, что, кроме них, на этом острове есть еще человеческие существа.

Это был Густ.

— Ваши женщины украдены,— сказал он без обиняков.— Если вы хотите их спасти, следуйте, не теряя ни минуты, за мной. Если замешкаемся, то не застанем «Каури» в бухте, она выйдет в море.

— Кто вы? — спросил Тарзан.— Что вы знаете о похищении моей жены и чернокожей женщины?

Густ промолвил:

— Я слышал, как китаец Кай-Шанг и Момулла сговаривались с двумя людьми из вашего лагеря. У меня есть с ними кое-какие счеты. Они замыслили убить меня, и я хочу с ними посчитаться! Идемте!

Густ повел всех четверых через джунгли к северу. Они шли, и у всех была одна и та же мысль: не опоздать.

Когда, наконец, преследовавшие пробрались через последний ряд густой листвы и перед ними показалась бухта и океан, оказалось, что судьба нанесла жестокий удар. «Каури» с распущенными парусами медленно отплывала в открытое море.

Что они могли сделать?

Широкая грудь Тарзана тяжело вздымалась. Этот последний удар был самый жестокий. В жизни Тарзана бывали моменты, когда он терял всякую надежду, но никогда еще они не имели такой остроты и боли, как сейчас, при виде корабля, отвозящего его жену неведомо куда. Джен была еще так близко от него и вместе с тем так страшно далеко!

Молча следил он за шхуной. Он видел, как она повернула к востоку и скрылась за мысом. Тарзан упал на землю и закрыл лицо руками.

Уже совсем стемнело, когда пятеро мужчин вернулись в свой лагерь на восточном берегу. Ночь стояла жаркая и душная. Ни малейшего ветерка.

Никогда не видел Тарзан Атлантического океана таким спокойным. Он стоял на берегу у самой воды, и сердце его было полно отчаяния. Неожиданно из джунглей позади лагеря раздался вой пантеры.

Была какая-то знакомая нотка в этом зловещем крике, и Тарзан почти машинально повернулся и ответил таким же зовом. Минуту спустя черно-бурая фигура Шиты скользнула в полумрак берега. Луны не было, но все небо горело звездами. Дикий зверь безмолвно подошел к человеку-обезьяне.

Прошло много времени с тех пор, как Тарзан рас-

стался со своим боевым товарищем. Однако нежное мурлыканье убедило его, что зверь помнит узы, связывавшие их прежде.

Тарзан положил свою руку на спину Шиты; она прижалась к нему, и он ласкал и гладил дикого зверя.

Вдруг он вздрогнул. Что там такое? Человек-обезьяна всматривался в морскую даль, а затем позвал людей, сидевших на земле и куривших. Они подбежали к нему, только Густ благоразумно остался в стороне, увидя странного спутника Тарзана.

— Смотрите! — закричал Тарзан. — Огни! Огни корабля! Это, должно быть, «Каури». Они попали в штиль!

И, весь охваченный возродившейся надеждой, воскликнул:

— Мы можем их настигнуть! Мы доплывем к ним в нашем челне!

Густа взяло сомнение.

— Они хорошо вооружены, — заметил он, — мы не можем захватить шхуну — нас только пятеро.

— Нас теперь уже шестеро, — ответил Тарзан, указывая на Шиту, — а через полчаса будет еще больше. Шита стоит двадцати человек, а те остальные, которых я сейчас позову, целой сотни.

Человек-обезьяна повернулся к джунглям, закинув голову, и прокричал несколько раз призывной клич обезьяны-самца.

Вскоре из джунглей послышался ответный крик, затем еще и еще. Густ содрогнулся: в какую же он попал компанию! Не лучше ли было остаться с Кай-Шангом и Момуллой, чем связываться с этим гигантом, который гладил пантеру и звал зверей из джунглей?

Через несколько минут обезьяны Акута появились из кустарников и вышли на берег.

В это время пятеро мужчин старались спихнуть с берега неуклюжий челн. Понадобились большие усилия, чтобы спустить его в воду. Весла с обеих маленьких шлюпок, бывших на «Кинкэде», служили бывшей команде шхуны подпорками для палаток, так как сами шлюпки были унесены волнами в следующую же ночь после высадки на берег. Их взяли сейчас с собой, и, когда Акут и его обезьяны вышли на берег, все было готово к отплытию.

Страшная команда снова поступила на службу

к своему господину и послушно разместились в лодке. Густа никакими силами не удалось уговорить присоединиться к экипажу. Четыре человека взялись за весла, кое-то из обезьян последовал их примеру, и вскоре неповоротливая ладья медленно вошла в море и направилась к колеблющимся огням.

На палубе «Каури» сонный матрос стоял на вахте... Внизу в каюте Шнейдер расхаживал взад и вперед, гневно споря с леди Клейтон. Молодая женщина случайно нашла револьвер в ящике стола в каюте, куда ее заперли, и теперь держала под прицелом помощника с «Кинкэда».

Негритянка сидела тут же, на полу, а Шнейдер ходил взад и вперед перед дверью, то угрожая, то обещающая, то уговаривая, но все безуспешно.

Вдруг с палубы донесся предостерегающий крик и выстрел.

На минуту Джен ослабила свою бдительность и взглянула на окошечко в потолке. В то же мгновение Шнейдер набросился на нее.

Вахтенный заметил, что к «Каури» приблизилось небольшое судно, и почти в тот же момент из-за борта шхуны высунулась голова и плечи какого-то человека. Матрос с криком вскочил на ноги и прицелился в непрошеного гостя. Этот-то крик и последовавший за ним выстрел были услышаны в каюте.

Прежняя тишина на палубе сменилась всеобщей тревогой. Экипаж «Каури», вооруженный револьверами, саблями и длинными ножами, бросился на палубу, но тревогу вахтенный поднял слишком поздно. Звери Тарзана уже были на палубе, а с ними Тарзан и два матроса с «Кинкэда».

При виде небывало страшных неприятелей мужество покинуло матросов шхуны. Некоторые было выстрелили не целясь, но сию же минуту бросились искать убежища. Иные полезли на мачты, но обезьяны лазили гораздо лучше и быстро стащили их с высоты. Тарзан поспешил найти Джен. Никто не удерживал зверей, и они излили всю ярость своей дикой природы на злополучный экипаж «Каури».

Шита выследила Кай-Шанга, пробиравшегося тайком в свою каюту. С пронзительным воем пантера бросилась за ним, с воем, вызвавшим почти такой же нечеловеческий крик и у объятого ужасом китайца.

Кай-Шанг добежал до своей каюты на секунду раньше пантеры и, прыгнув к каюте, прихлопнул было дверь, но все-таки уже запоздало. Крупное туловище Шиты скользнуло в дверь раньше, чем ее защелкнули на замок. Дрожащий Кай-Шанг забился в угол верхней койки и вопил от ужаса. Шита без малейшего усилия прыгнула за своей жертвой и перегрызла ей горло, словно маленькой мыши.

* * *

Шнейдер успел вырвать у Джен револьвер, но в ту же секунду дверь каюты открылась и высокий полуобнаженный белый человек показался на пороге. Он молча и бесшумно прыгнул. Шнейдер почувствовал только, как сильные пальцы сжали его горло. Помощник обернулся, и глаза расширились от ужаса.

Пальцы сжимали все крепче и крепче хрустящее горло моряка. Он старался кричать, просить, но ни один звук не выходил из сдавленного горла. Джен Клейтон схватила мужа за руки, стараясь оттащить, но Тарзан потряс головой.

— На этот раз нет! — промолвил он. — Я уже однажды даровал жизнь негодяю, и из-за этого нам обоим пришлось столько страдать. Мы должны освободиться от него навсегда...

С этими словами быстрым движением он свернул шею матросу. Послышался треск позвоночника, и Тарзан с отвращением отбросил тело в сторону.

Закончилась схватка и на палубе. Только Шмидт, Момулла и еще двое матросов остались в живых, спрятавшись в матросской каюте. Все другие умерли страшной смертью от клыков и когтей зверей Тарзана. Восходящее солнце осветило на палубе «Каури» страшную картину: но на этот раз пролитая кровь была кровью негодяев, а не невинных людей.

Тарзан вытащил из каюты четырех спрятавшихся там матросов. Не обещая им ни освобождения, ни помилования, он заставил их работать на шхуне, угрожая в случае неповиновения немедленной смертью.

С восходом солнца поднялся сильный ветер. «Каури», распустив все паруса, направилась к острову Джунглей. Здесь Тарзан взял на борт Густа и попрощался с Шитой и обезьянами Акута. Он высадил их на

берег, дав им возможность продолжать дикую привольную жизнь. И, не теряя ни минуты, звери скрылись в прохладной глубине своих любимых джунглей.

Без сомнения, они так и не поняли, что Тарзан навсегда покидает их. Может быть, лишь Акут, как более развитый, подозревал это. Он единственный остался на берегу, когда маленькая шлюпка направилась обратно к шхуне, отвозя его господина.

Тарзан и Джен стояли на палубе и, пока берег не скрылся из виду, видели одинокую фигуру волосатого антропоида, стоящего неподвижно на песчаном берегу острова Джунглей.

* * *

Три дня спустя «Каури» встретился с кораблем английского флота «Шорватер». Благодаря ему лорд Грэйсток мог снестись по радио с Лондоном. Они получили известие, переполнившее их сердца радостью: маленький Джек — живой и здоровый — находился в лондонском доме Грэйстоков!

По приезде в Лондон Тарзан и Джен узнали то необычное сплетение обстоятельств, которое сохранило им ребенка.

Оказалось, что Роков, опасаясь перевезти Джека днем на борт «Кинкэда», отдал его в убежище для случайно подобранных на улице детей, намереваясь взять малыша вечером.

Его соучастник и главный помощник Павлович превзошел своего патрона в хитрости. Надеясь сам получить громадный выкуп, если возвратит ребенка невредимым, Павлович открыл тайну его происхождения начальнице убежища. С ее помощью он заменил Джека другим ребенком. Павлович был убежден, что Роков никогда и ни за что не догадается о подлоге.

Заведующая убежищем обещала сохранить ребенка до возвращения Павловича в Англию; но и она, со своей стороны, тоже соблазнилась возможностью получить большую награду и вошла в переговоры с доверенными лорда Грэйстока.

Эсмеральда, старая негритянка, няня Джен, уезжавшая в Америку на побывку, вернулась и удостоверила личность Джека.

Выкуп был уплачен, и спустя десять дней после по-

хищения будущий лорд Грэйсток был благополучно водворен в отчий дом.

Таким образом, последнее и самое крупное злодеяние Рокова окончилось неудачей благодаря измене его «единственного» друга.

Хотя судьба Павловича была неизвестна, но имелись все основания думать, что он погиб в джунглях, и теперь лорд и леди Грэйсток с полным правом могли предполагать, что навсегда освободились от этих двух людей — единственных врагов, которых Тарзан опасался.

* * *

Счастливая семья собралась в полном составе в доме Грэйстоков. Это было в день прибытия лорда Грэйстока и его жены в Англию. С ними вместе приехали Мугамби и негритянка, которую Мугамби нашел в лодке на маленьком притоке Угамби.

Негритянка заявила, что ей гораздо больше по душе остаться у своего нового господина, нежели вернуться к старому мужу, от которого она бежала. Тарзан предложил им поселиться в его доме в обширных африканских поместьях в стране Вазари. В скором времени чернокожая чета туда и отправилась.

Весьма возможно, что мы еще встретимся с ними в диких страшных джунглях и в бесконечных равнинах, столь любимых Тарзаном из племени обезьян. Кто знает?

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»-92

Романом «Тарзан и сокровища Опара» мы завершаем в будущем году цикл о человеке-обезьяне и открываем для нашего читателя новую — «марсианскую» серию произведений Эдгара Берроуза.

Главный герой «марсианских» романов — Джон Картер, не менее храбр, умен, находчив и благороден, чем Тарзан. Его приключения на Марсе настолько необычны и увлекательны, действие развивается столь стремительно, что читатель едва успевает следить за полетом фантазии Эдгара Райса Берроуза.

Итак! Читайте в будущем году:
«ТАРЗАН И СОКРОВИЩА ОПАРА»
и
«ДОЧЬ ТЫСЯЧИ ДЖЭДДАКОВ» —
первую книгу из серии «Марсиане».

Традиционно под крышей нашей «Аэлиты» — новые произведения: Владислав Крапивин — «Лоцман», Геннадий Прашкевич — «Анgrav-VI», Владимир Фирсов — «Сказание о Четвертой Луне», рассказы, разнообразные и познавательные материалы «Заочного КЛФ».

Наряду с НФ-произведениями, вы сможете также познакомиться с новым остро сюжетным детективным романом нашего постоянного автора Анатолия Ромова «Фуфель», исторической повестью Константина Лагунова «Юродивый», рассказами известных и молодых прозаиков.

До новых встреч!

Наш индекс в каталоге РСФСР — 73413. Цена одного номера — 1 руб. 50 коп. Стоимость годовой подписки — 18 руб. 00 коп.

Подписка без ограничений по всей территории СССР.

**Художественный редактор
Д. В. Литвинов
Технический редактор
Л. С. Будрина
Корректор О. В. Нагибина**

Адрес редакции: 620219, г. Свердловск, ГСП-353,

ул. Декабристов, 67

Сдано в набор 06.06.91. Подписано к печати 30.07.91.
Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Высокая
печать. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 8,1. Усл. кр.-отт. 1,42.
Тираж 425 000. (1-й завод: 1—200 000). Заказ 355. Цена
80 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий». 620219,
г. Свердловск, ул. Тургенева, 13.

